

Рыбаков А. Выстрел

Глава 1

Возле пивной «Гротеск» прохаживался Витька Буров, по прозвищу Альфонс Доде. Пустые бутылки принимали во дворе пивной, и Витьке была видна вся очередь.

Замученный старичок, гномик в очках, опускал бутылки в ящик: темные - пивные, светлые - водочные, желтые - из под лимонада и ситро. Бутылки сдавал Шныра, а в очереди, которую Шныра загораживал спиной, Фургон, Паштет и Белка перекладывали бутылки из ящичков в свои сумки, собираясь продать их еще раз.

- Тридцать пять копеек, - объявил гномик Шныре, - так тебя учили в школе?

Шныра вынул кепку из кармана, нахлобучил на голову, на глаза, отошел, потом незаметно стал за Паштетом и наполнил свою кошелку бутылками из ящичков.

- Получай деньги, отнеси маме, ты хороший мальчик, - заключил гномик торг с Фургоном.

Ребятам все это казалось игрой, рискованной, но увлекательной и дающей заработок. Деньги им были нужны для поездки в Крым.

Сидя на разбитом асфальте, они сдавали выручку Витьке Бурову.

- Восемьдесят две копейки, - сказал Шныра.

- Молодец, хороший мальчик! - к удовольствию всей компании, передразнил Витька гномика. - Слушай маму!

- Пятьдесят восемь копеек, - сказал Фургон.

- Плохой мальчик, ленивый, выйди из класса!

- Девяносто три, - сказала Белка.

- Изюм - белый хлеб! - воскликнул Витька. Выше похвалы он не знал.

Они пошли по Смоленскому рынку, могучая компания, объединенная таинственной целью, имеющая бесстрашного жоака, который бесцеремонно всех расталкивал: «Куда прешь, не видишь - дети!» - фраза, тоже приводившая их в восторг.

Служащие в косоворотках, мануфактуристы в пиджачных парах, в галстуках и без галстуков, с бабочками и без бабочек, зеленщики в брезентовых и рыбники в кожаных фартуках, крестьяне в смазанных сапогах и крестьяне в лаптях, украинки в суконных свитках, китайцы с воздушными шарами и всякими бумажными чудесами, железнодорожники в форменных куртках, барышники, молочницы, холодные сапожники, точильщики, босяки - все это скопище людей двигалось, шумело, спорило, торговалось, пело, играло, плакало, проклинали, собиралось в толпы, растекалось по Новинскому и Смоленскому бульварам и по примыкающим к рынку переулкам.

Толстый, неповоротливый Фургон задержался около продавщицы с лотком на груди. «Моссельпром» было вышито на ее форменной фуражке золотым шнуром.

- Ириски, - доложил Фургон.

- Вывеска на голове, магазин на брюхе! - ответил Альфонс Доде.

Фургон понял, что ирисок не будет.

Суровое сердце Витьки дрогнуло только при виде рослой украинки в монистах, продававшей пряники в ларьке под вывеской: «Наталка с Киева».

Она заметила Витькин замороженный взгляд.

- Все вы дывытесь на меня, а не покупаете.

Витька кинул на прилавок деньги - широкая влюбчивая натура, - раздал всем по

прянику, себе не взял, сдачу положил в нагрудный карман:

- Это крымские.

- С Крыма приехали? - осведомилась «Наталка с Киева».

- Вроде бы, - неопределенно ответил Витька.

По базару медленной уркаганской походкой шел Шаринец, хлюпик в кашне, настороженно косил рыжим глазом.

Витька напрягся, готовый к столкновению.

- Белка! - требовательно произнес Шаринец.

Белка не ответила на оклик Шаринца, вопросительно смотрела на Витьку, сильного, смелого, покупающего пряники.

Шаринец прошел, усмехаясь, как человек на рынке слишком значительный, чтобы связываться с такой мелкотой.

Но мелкота знала, что Шаринец боится Витьку, и это усиливало в них сознание своего могущества.

Глава 2

На своем дворе они тоже были хозяева. Старшие ребята их не трогали, боясь Витьку, сверстники хотели попасть в их компанию, но компании никто больше не нужен: они не могут всех взять в Крым. Они сидели в тени восьмиэтажного корпуса. Шныра и Фургон мелом рисовали на асфальте пальмы с высокой кроной, волнистое море, чаек, солнце с длинными лучами - все это должно было изображать Крым. Витька лениво поигрывал финским ножом и курил папиросы «Наша марка» - единственная трата из крымских денег, которую он себе позволял. Папиросу получил и Паштет. Шныре и Фургону дали затянуться. Шныра выказал наслаждение, которого не испытывал, Фургон закашлялся, Белке ничего не было дано - девочки не должны курить.

Идиллия была прервана появлением дворничихи с метлой.

- Весь двор разрисовали, безобразники!

Витька подкинул нож, ловко поймал за рукоятку.

- Ох, Витька, доиграешься, не миновать тебе тюрьмы. Тебя не жалко, мамашу твою жалко.

Витька симпатично улыбнулся, отчего финка в его руках стала выглядеть несколько зловеще.

На четвертом этаже открылось окно. Валентин Валентинович Навроцкий провел ладонью по подоконнику - чисто ли? Он был в светлом шевиотовом костюме. К окну подошел Юра - его больше не дразнили скаутом, но выглядел он высокомернее, чем прежде: долговязый, в бархатной толстовке, с белым бантом.

- Витька Буров, он же Альфонс Доде, гроза Арбата, - объяснил Юра, - и его банда: Шныра, Паштет, Белка и Фургон. Паштет и Белка - бывшие беспризорные, а сейчас безнадзорные. В чем разница - не знаю.

- Какой действительно толстый мальчик Фургон, - согласился Валентин Валентинович, - перекормлен.

- Его настоящее имя Андрей, фамилия Зимин, отец - инженер на фабрике.

- Сын инженера в такой компании?! А почему Альфонс Доде?

- Может быть, он чем то напоминает Тартарена из Тараскона? Наверяд ли... Почему, например, Паштет? Он паштета в глаза не видел. Все потенциальные

уголовники начинают с кличек.

Во дворе появился Шаринец, уселся на скамейке у подъезда, ухмыляясь поглядывал на Витькину компанию.

- А это настоящий уголовник, профессиональный карманник, - сказал Юра.

- Карманник не самая видная, но вполне достойная воровская специальность, - смеясь, заметил Валентин Валентинович.

- Конкурент Витьки за влияние во дворе.

Подтверждая эти слова, Витька, демонстрируя свою власть, приказал:

- Фургон, скажи стих!

- Какой?

- Про хорошего человека.

Фургон ударил себя в грудь:

Рожь брита,
Грудь открыта,
Брюки клеш,
Даешь - берешь!

- Хороший стих, - похвалил Витька. - А еще знаешь?

- Про что?

- Про хорошего человека.

- Про хорошего человека больше не знаю, - признался Фургон.

- Фургон! - окликнул его Шаринец.

- Чего?

- Подойди!

Фургон сделал неуверенное движение в сторону Шаринца, но его остановил грозный Витькин оклик:

- Стой!

Фургон остановился.

- Зачем пошел?

- Так ведь он позвал.

Двумя пальцами Витька зажал Фургону нос.

- Брось, Витька! - неодобрительно заметил Шныра.

Фургон мотал головой, пытаясь вырваться.

- В другой раз оторву и голову, - пообещал Витька и сильно дернул рукой вниз.

Фургон освободился от железной Витькиной хватки, но ощущение было такое, будто у него оторвали нос, и Фургон не сумел сдержать слез.

Витькина власть была доказана действием и огорожена от посягательств Шаринца. Но когда Витька наказывал Фургона, во дворе появился Миша Поляков, по прежнему в кожаной куртке, из которой он порядочно вырос; под ней на рубашке виднелся комсомольский значок КИМ.

- За что ты его?

Витька лениво поднялся, поиграл финкой.

- Твое дело?

Юра дал справку:

- Миша Поляков, комсомольский активист... Как это там у них называется... Секретарь ячейки или председатель учкома - я в этом плохо разбираюсь.

- Сильный, видно, парень, - заметил Валентин Валентинович.
- Витька сильнее.
- Сильнее тот, кто смелее.
- Миша смелый только на собраниях, - сказал Юра.

Витька играл финкой:

- Ну что? Милицию позовешь? Беги зови, а то не успеешь. Арцы - и в воду концы!

«Арцы - и в воду концы» означало у Витьки высшую степень угрозы.

- Убери нож!

- Наверно...

Неожиданным ударом Миша вышиб финку из Витькиной руки и наступил на нее ногой. Витька бросился на Мишу, они сцепились, не давая один другому дотянуться до ножа.

Нож поднял Саша Панкратов, во дворе его называли Сашка Фасон, не потому, что фасонил, а потому, что был красив: черноволосый мальчик с красным пионерским галстуком. Было ясно, что финку он Бурову не отдаст.

Подошли мужчины, растащили дерущихся. Витька пытался вырваться, но его держали крепко. Из окон выглядывали жильцы, во дворе собиралась толпа. Выбежала мать Фургона - Ольга Дмитриевна Зимина, миловидная женщина с нежным лицом.

- Андрюша! Что он с тобой сделал? Нож! Когда это прекратится наконец?

Появление милиционера привлекло еще больше зрителей.

Милиционер забрал у Саши финку.

- Чей нож?

Все молчали, подчиняясь законам двора: подраться - одно, выдать - другое.

- Твой? - спросил милиционер у Витьки.

- Пусть ребята скажут, - ответил Витька.

Белка показала на Мишу:

- Его финка, он хотел Витьку порезать.

- Не ври! - крикнул Саша Панкратов. - Витькин нож. Скажи, Фургон, скажи, Шныра, чей нож?

Шныра и Фургон молчали.

- Какие, однако, мерзавцы! - возмутился Валентин Валентинович и встал с подоконника.

- Плевать! Пусть сами разбираются, - сказал Юра.

- Ну знаешь... Я тебя не понимаю!

Валентин Валентинович свесился из окна:

- Товарищ! Я все видел, сейчас спущусь.

Через минуту он стоял во дворе, спокойный, внушающий доверие, показал на Витьку:

- Нож его, он им играл, довольно неосторожно, кстати. И мучил мальчика. А этот молодой человек, - он протянул тонкий палец в сторону Миши, - вступился... - Он повернулся к Зиминной: - Если не ошибаюсь, за вашего сына.

- Да, - сказала Ольга Дмитриевна. - Витя! Ведь ты уже большой... Разве Андрей тебе товарищ?

- Что скажешь? - спросил милиционер у Витьки.

Витька молчал, злобно поглядывая на Мишу.

- Нехорошо, девочка, лгать, некрасиво, - сказал Валентин Валентинович Белке. Милиционер опустил нож в сумку.
- Разберемся, пошли!
- И вместе с Витькой направился к воротам.
- Благодарю вас, - сказала Ольга Дмитриевна Валентину Валентиновичу.
- Мадам... Гражданка... Я просто сказал правду.

Глава 3

Валентин Валентинович вернулся к себе, на четвертый этаж.

- Дорогой мой, - сказал Юре, - ты оказался не на высоте. Ты побаиваешься Альфонса Доде? Кстати, кличка ему не подходит.

- Я его не боюсь, - вспыхнул Юра, - но Миша ненавидит меня, как буржуя; если бы я вмешался, он бы расценил это как подлизывание. Не беспокойтесь за него: он не нуждался ни в вашей защите, ни в моей.

- Правду надо защищать всюду, всегда и везде. - Валентин Валентинович уселся в кресле и закурил тонкую папиросу. - Что касается Альфонса, то он кончит тюрьмой. Околачивается во дворе с финкой, взрослый парень!

- А куда ему идти? В комсомол? Зевать на собраниях?

- Ты тоже не комсомолец.

- И что меня ждет? В институт не примут: не рабочий, не сын рабочего.

- Принимают и не рабочих. Твой отец - врач, поступай в медицинский.

- Ковыряться в чужом сопливом носу?

- Что же тебя привлекает? - в свою очередь спросил Валентин Валентинович.

- Кино.

- Есть способности?

- В кино нужна прежде всего внешность.

Валентин Валентинович оценивающим взглядом посмотрел на Юру:

- Внешность у тебя есть.

- Один кинорежиссер, папин пациент, обещал взять меня на съемки.

- Прекрасно! Будешь советским Рудольфе Валентине или Дугласом Фербенксом.

- Он начнет снимать новую картину через год, - огорченно проговорил Юра. - Что я буду делать после школы? На фабрику?

- Кстати, почему ваша школа так связана с фабрикой?

- Проходим производственную практику - два дня в неделю, получаем «трудовое» воспитание, даже пишем дипломные работы, почти как в вузе. Из нас готовят нечто вроде статистиков. Такая скучища!

- Напрасно пренебрегаешь этим, - сказал Валентин Валентинович, - другие после школы идут на биржу труда или в чернорабочие. А ты сразу получаешь специальность.

- Мне нужна независимость.

- Профессия актера тебе ее даст?

- До известной степени.

- Заблуждаешься. Независимость дается только этими...

Валентин Валентинович пошевелил пальцами, как бы перебирая монеты.

- Но где их взять?

Валентин Валентинович погасил папиросу в пепельнице, прошелся по комнате,

чистой, пустоватой, с фотографиями лошадей на стенах.

- Надо начинать с небольшого. Кто я такой? Уполномоченный общества «Друг детей». Раньше я распространял лотерейные билеты, открытки, значки, поднимался по лестницам, стучался в двери, несознательные гражданки захлопывали их перед моим носом. Все же мне удавалось кое кого убедить. Заметь, какую гуманную роль я выполнял: помогал несчастным, голодным крошкам и пробуждал в людях сострадание. Теперь заготавливаю мануфактуру для наших предприятий, прибыль от них идет опять же на помощь беспризорным детям. Раз в месяц получаю свои проценты. Рокфеллер имеет больше, но я сыт, одет, обут. - Он вытянул ногу и показал лакированный ботинок «джимми». - Делаю свои деньги и думаю, как бы сделать их больше.

- На лотерейных билетах? На отгрузке мануфактуры?

- Друг мой! Деньги делаются на всем. Нэп! Папиросы «Ира» не все, что осталось от старого мира. Шевели извилиной, как пишут в журнале «Смехач». Жизнь с ходу дает тебе шанс - не упускай его. Приживись на фабрике. Получится с режиссером - уйдешь в Дугласы Фербенксы. Не получится - заработаешь производственный стаж и поступишь в вуз. Кстати, какая у тебя тема?

- Учет на складе, - произнес Юра с отвращением.

- Прекрасная тема! - воскликнул Валентин Валентинович. - На складе ты станешь деловым человеком, изучишь ткани. Актуальнейшая проблема! За десять лет люди пообносились, рынок требует маты...

- Маты? Что это такое? - спросил Юра.

- Мата - мануфактура на языке контрабандистов, этим термином пользуются и коммерсанты, - объяснил Валентин Валентинович. - Какие названия! Амарант, бельфанс, туалъ д эте, канбера, виоламакмино... Из за одних названий я бы пошел работать на склад, честное слово!

- Вы говорите о фабрике с таким же энтузиазмом, как Миша Поляков на школьных собраниях о мировой революции, - усмехнулся Юра.

- Ну что ж, из всех, кого я видел сегодня, Миша Поляков понравился мне больше всех.

- Вы его мало знаете, - нахмурился Юра.

Глава 4

Следующий день был «фабричный», - ребята проходили производственную практику. С блокнотом и карандашом Миша стоял на фабричном дворе у железнодорожной ветки. Грузчики носили в вагоны тюки с мануфактурой.

Подошел Валентин Валентинович.

- Что вы делаете, Миша? - После вчерашнего происшествия он держался с ним как с добрым приятелем.

Миша показал на блокнот.

- Записываю, куда отправляется товар.

- Это имеет отношение к вашей дипломной работе?

- Да. «Транспортировка готовой продукции».

- Великолепно! Можете записать мою отправку. - Валентин Валентинович показал на пустой вагон в тупике. - Станция назначения - Батум, получатель - швейная фабрика общества «Друг детей».

- Запишу, когда погрузят, очередь дойдет не скоро.

- Ужасно долго все это продолжается, - подхватил Валентин Валентинович, - и я вам скажу почему: задерживают ломовые извозчики. Анахронизм. За границей господствует автомобиль.

У ворот склада стояли ломовые лошади с мохнатыми ногами. Возчики складывали тюки на полки, покрывали брезентом, увязывали веревками, затягивали ломиками.

В складе было тесно, но рабочие ловко маневрировали тележками, сбрасывая тюки, куда им показывал кладовщик Панфилов. За маленьким столиком Юра выписывал накладные.

Вошел Красавцев, заведующий сбытом, толстяк с опухшим лицом, что то сказал Панфилову и вышел.

- Представитель деткомиссии, гражданин Навроцкий! - крикнул Панфилов, появляясь в воротах склада.

Валентин Валентинович оглянулся.

- Меня кличут... Иду!

Он отправился в склад и тут же вернулся, весело сообщив Мише:

- Сейчас будут грузиться!

Показал грузчикам пустой вагон в тупике:

- А ну, ребята, подвинем, по чекушке на брата!

Сказал что то машинисту и сцепщику и направился к пустому вагону, на ходу бросив Мише:

- Поможем, Миша!

Мише понравилась его веселая лихость, и он помог грузчикам подтолкнуть вагон к составу.

Лязгнули буфера, сцепщик накинул сцеп, Валентин Валентинович оттянул дверь вагона, она мягко покатила на роликах, грузчики установили трап, начали таскать тюки.

Стоя в вагоне, Валентин Валентинович уверенно распоряжался:

- Быстро, ребята, шаг назад, два вперед, тюк на тюк, товара как раз на вагон.

Плохо уложим - придется переключивать.

Он соскочил с вагона и пошел в склад.

- Накладная готова?

- Готова, - ответил Юра.

- Молодец!

Прижимая книгу линейкой, Юра оторвал и передал ему накладную.

Валентин Валентинович посмотрел на состав (сцепщик закрывал и опломбирывал вагон), кивнул Юре и Панфилову: «До новых встреч!» - и через боковую дверь вышел на улицу.

Машинист дал гудок, состав тронулся и вытянулся из ворот фабрики. Миша записал вагон Валентина Валентиновича.

И как только ворота за ушедшим составом закрылись, в склад вошел инженер Николай Львович Зимин. Был он гладко выбрит, в хорошо отутюженном костюме, держался очень прямо. За глаза его звали «барин»

- слово в то время уже не оскорбительное, а насмешливое. Оно было незаслуженно и заставляло Николая Львовича держаться еще прямее, говорить еще спокойнее.

- Где бракованная партия? - спросил он у кладовщика Панфилова.
- Какая, Николай Львович? - переспросил Панфилов.
- Для деткомиссии... Я велел Красавцеву ее задержать. Передал он вам мое распоряжение?

- Правильно, приказали... Так ведь транспорт уже погрузили, не разгружать же было, Николай Львович.

- Интересно... - недовольно произнес Зимин и удалился.

Миша хорошо помнил: Красавцев приходил на склад *до того*, как вагон Валентина Валентиновича погрузили. Красавцев что то сказал Панфилову, и *после* этого вагон Валентина Валентиновича молниеносно погрузили и отправили. Что же приказал Красавцев? Задержать вагон или, наоборот, побыстрее отправить его?

- Юра, ты не слыхал, что Красавцев сказал Панфилову? - спросил Миша.

- Нет.

- Он велел задержать вагон или, наоборот, отправить?

- Не знаю.

- Ты был рядом.

- Я не прислушиваюсь к чужим разговорам.

- Товарищ Панфилов! - сказал Миша. - А ведь Красавцев приходил *до того*, как был погружен вагон деткомиссии.

Панфилов скосился на него из под железных очков.

- Ну и что?

- А вы сказали товарищу Зимину, что вагон уже был погружен.

- Ну, сказал.

- Вы сказали неправду.

По суровому лицу Панфилова, по его косому взгляду можно было предположить, что он пошлет Мишу ко всем чертям. Однако он этого не сделал: хорошо знал этих молодых *товарищей*, от них никому нет проходу, им до всего есть дело, и лучше с ними не связываться.

- Товарищу Зимину легко отдавать приказы, только он ведь не у Бутиковых работает, - желчно возразил Панфилов.

- При чем тут Бутиковы? - удивился Миша.

- При том... «Задержи, посмотрю, погляжу»!.. А за простой вагонов полагается штраф, деньги порядочные, кто будет платить? Фабрика? Государство?

- Зимин хотел как хуже?

- Не сказал я этого, только не коммерческий он человек. Хочешь брак выяснить? В цеху выясняй, а не на складе, когда товар упакован, клиент ждет, и вагоны поданы.

В объяснениях Панфилова была логика, но упоминание бывших хозяев фабрики Бутиковых было намеком на то, что Зимин служил здесь еще при фабрикантах, намеком на старорежимность Зимина, попыткой опорочить его, представить социально чуждым. Миша почувствовал фальшь.

- А все же что приказал Красавцев: задержать или отправить вагон?

- Об этом у Красавцева спроси! - с раздражением ответил Панфилов. - Не Зимин, не Красавцев отвечают за отправку, я отвечаю. А мне товар некуда складировать, сам видишь. - Он обвел рукой загроможденное тюками помещение склада. - Паны, понимаешь, дерутся, а у холопов чубы трещат. Нет, извините, спасибо.

Глава 5

Вечером Миша пошел в ресторан «Эрмитаж», к Славке. Бульвары Садового кольца были пустынные, редкие фонари тускло светили на углах центральных улиц.

Славкина мать ушла к другому человеку. Славка остался с отцом, бросил школу, играет по вечерам в оркестре ресторана «Эрмитаж», зарабатывает на жизнь: Константин Алексеевич болеет, не работает, опустился. Миша поражался такой слабости. Если женщина ушла от мужа, порядочного и достойного человека, бросила сына, ее можно только презирать. Конечно, любовь, страсть и так далее, и все же долг выше всего.

В ресторан Миша вошел со двора, мимо кухни, мимо спящих по узкому коридору официантов с подносами. Все бежали, торопились, никому не было дела до Миши, и он благополучно достиг маленькой комнаты, отделенной от эстрады тяжелой занавеской.

Рядом гремел оркестр. Миша чуть раздвинул занавеску и увидел ресторанный зал. За столиками, покрытыми белоснежными скатертями, сидели разодетые женщины, мужчины, очень важные, будто занятые настоящим делом. А все их дело тут - пить, есть, хохотать, как будто им очень весело. Спасаются от забот и тревог жизни нэпманы, спекулянты и растратчики, берут реванш за свое унижение в том, другом мире, где их ограничивают, допекают налогами. Здесь они господа, реализуют свое богатство, швыряют деньгами, перед ними предупредительно склоняются официанты. Безусловно, нэп необходим для восстановления страны, здесь его оборотная сторона, приходится с этим мириться, но люди эти отвратительны. Во имя чего они живут?

Оркестр смолк, музыканты оставались на своих местах. Сидя за роялем, Славка разговаривал с контрабасистом, пожилым человеком в серо голубом костюме с бабочкой.

Потом на эстраду вышли чечеточники в черных фраках, белых манишках, черных цилиндрах и черных лакированных туфлях. Оркестр грянул бравурную мелодию, чечеточники отбивали чечетку, фалды их фраков развевались, они здорово молотили штиблетами и пели куплеты...

Два червонца, три червонца или сразу пять,
За червонцы, за червонцы можно все достать...

Глупейшие куплеты о червонцах, о том, что именно можно достать за червонцы, идиотский гимн червонцу. Никто не обращает на чечеточников внимания, хотя они стараются вовсю, жаль их, и Славку жаль, и других музыкантов, обязанных развлекать эту шуштуру.

Чечеточники удалились. Музыканты поднялись со своих мест, пустились в комнату за эстрадой...

- Мне еще отделение играть, - предупредил Славка.

- Подожду, - ответил Миша.

Он стоял у занавески и поглядывал в зал.

- Ну и физии!

- Эти физии дают пищу для некоторых размышлений, - сказал Слава.

- Каких именно?

- Могли мы с тобой два года назад думать, что появится все это?.. Новые хозяева

жизни.

- Точнее, хозяева своих денег.

- Зато каких денег! Сейчас я тебе покажу некоторых представителей современного капитала. Только не слишком на них пялься и не тыкай пальцем.

- Постараюсь, - рассмеялся Миша.

- Справа, за вторым столиком, к нам лицом, видишь: коротенький пузанок с пышной шевелюрой?

- Вижу.

- Этот пузанок стоит сорок тысяч.

- Как в Америке, - усмехнулся Миша. - Мистер Смит стоит сорок миллионов долларов.

- Вот именно. Пузанок зарабатывает сорок тысяч в год, а он всего лишь представитель Харьковского государственного кондитерского треста. Заметь, государственного! Разве у нас так много кондитерских изделий? Их не покупают? Нет, их покупают, расхватывают и без этого прыщика. Но этот прыщик получает десять процентов за реализацию - это как раз сорок тысяч - и делится с начальством.

- Смотри, - сказал Миша, - рядом с ним Красавцев.

- Кто это Красавцев?

- Начальник сбыта фабрики, где мы проходим производственную практику.

- Возможно, но тоже, безусловно, взяточник.

Мишу огорчил желчный тон Славки.

- Разве мы с этим не боремся?

- Допустим, - не стал спорить Славка. - Теперь следующий столик, видишь, черноусый джигит? Стоит тридцать тысяч, представитель Азиарыбы, рекламирует селедку, а чего ее рекламировать? Знаешь такой город Ачинск?

- В Сибири?

- Точно. Не на всякой карте найдешь. Есть там малюсенький магазинчик, торгует лаптями, дегтем, веревками, гвоздями, косами, серпами. Где же эта лавчонка себя рекламирует? Не угадаешь. В парижских газетах. И за рекламу плачено золотом. Вот так!

- Представляю себе ликование парижан, - засмеялся Миша. - Анекдот, наверно?

- Анекдот? Почитай «Крокодил». Смотри дальше: Иван Поддубный, так он не Иван Поддубный, а фирма «Дешевое платье». Рядом два джентльмена в галифе «Изящное платье»... А там дальше, в косоворотках и пиджаках, это так называемые кооперативы, артели, конечно, липовые, но вывески... Вывески самые идейные... «Свой труд» семгу изволит кушать, «Коллективный труд» пьет шампанское. Труд, труд, труд... Удобное слово!..

- Слушай, - перебил его Миша, взглядываясь в глубь зала, - там, в углу, не Юра с Людой Зиминной?

- Они.

- Я знаю человека, с которым они сидят, - Валентин Валентинович Навроцкий.

- Я его тоже знаю, с некоторых пор он живет в нашем доме.

- И они часто здесь бывают?

- Люду я здесь вижу впервые, Юра бывает, Навроцкий наш постоянный гость.

- И сколько он стоит?

- Не знаю, фигура загадочная.

- Это всего лишь агент заготовитель деткомиссии.

- Это ничего не значит, у всех здесь скромные титулы: агент, уполномоченный, владелец магазина или ларька, кассиры - как правило, растратчики - гуляют перед посадкой. Тут много чего насмотришься. Изнанка общества.

- Не изнанка, а отбросы.

- Можно сказать и так, - опять не стал спорить Славка.

- Пошли! - сказал виолончелист, поднимаясь на эстраду.

- Подождешь? - спросил Славка.

- Подожду, - ответил Миша.

Заиграл оркестр.

Юра и Люда поднялись и смешались с толпой танцующих.

Навроцкий вынул из кармана пиджака конверт, положил на стол, прикрыл карточкой меню, щелкнул затвором портсигара, размял папиросу, закурил, бросил спичку в пепельницу, откинулся на спинку кресла, глубоко затянулся и даже не повернул головы, когда к столику подсел Красавцев.

Навроцкий придвинул ему портсигар, приподнял карточку меню. Красавцев достал папиросу, вынул из под меню конверт, опустил в карман.

- Здесь вся сумма?

- Можете не пересчитывать. Когда я получу следующую партию?

На помятом, красном от водки лице Красавцева появилось обычное для взяточника выражение неприступности.

- Через неделю, не раньше, и без скидки на брак и третий сорт.

- Почему?

- Зимин собирается лично проверить брак и сорт, беспокоится, что его слишком много.

- С ним нельзя поладить?

- Из старых спецов, трусит. Хотел задержать вашу партию, но я успел ее отправить.

- Я успел ее отправить, - хладнокровно возразил Навроцкий.

Красавцев покосился на него.

- Если бы я не предупредил Панфилова...

Навроцкий перебил его:

- Если бы я не успел за полчаса погрузиться, вы бы попались на фиктивном браке и пошли под суд.

Красавцев опять покосился на него - пижона следует осадить.

- Зимин требует документы по вашей отправке.

- Пожалуйста, документы в порядке, - ответил Валентин Валентинович.

- Если в них особенно не ковыряться.

- Документы в полном порядке, - повторил Валентин Валентинович. - Можете спокойно их передать. Пусть изучает. Даже у себя дома. Вот именно, пусть возьмет домой и тщательно ознакомится.

Оркестр смолк.

- Значит, договорились? - Навроцкий давал понять, что Красавцев может удалиться.

Вставая, Красавцев ухмыльнулся:

- Вы здесь с дочкой Зимина, если не ошибаюсь?

- Не ошибаетесь. Можете спокойно передать документы Зимину в личное

пользование.

Вернулись Юра и Люда. Люда села, оправила платье, осмотрелась.

- Ну как? - спросил Валентин Валентинович.

- Прекрасно!

Люда впервые в ресторане. Когда она шла сюда, волновалась, смущалась, ей казалось, что она прикоснется к опасной, запретной, но заманчивой стороне жизни. Папа и мама будут огорчены, узнав, что она была здесь, но она хотела посмотреть, хотела знать, что это такое, узнала, посмотрела и, может быть, больше не придет сюда. Ничего особенного - пьют, едят, танцуют. Пьют и едят очень вкусно, вкуснее, чем дома, и совсем иначе. Она так честно и скажет: хотела посмотреть - посмотрела; папе и маме всегда важно понять мотивы, она им объяснит мотивы: было интересно посмотреть. Правда, ей приятно, что и на нее смотрят. Дома существовала эта тема - Люда кокетка, ее за это высмеивали, папа часто говорил: «Люда опять смотрится в самовар». В конце концов, у каждого есть и должны быть недостатки. В общем, Люда мысленно договорилась сама с собой, мысленно договорилась с родителями.

- У вас знакомые в оркестре? - спросил Валентин Валентинович.

- Мальчик из нашего дома, Славка Эльдаров. Очень талантливый.

- Не без дарования, - снисходительно согласился Юра.

- Нет, очень талантливый! - возразила Люда. - Но у них дома неприятности, родители разошлись, и он вынужден играть в ресторане.

- Это пойдет ему на пользу, - сказал Валентин Валентинович.

- Да? Почему? - спросила Люда.

- Трудно объяснить... На ум приходят банальные слова: невзгоды закаляют, характер вырабатывается в горниле испытаний и тому подобное. Но в этих стертых выражениях заложены никогда не стареющие истины.

- Итак, да здравствуют сложности! - провозгласил Юра. - А если их нет?

- Их не может не быть, - ответил Валентин Валентинович.

- Почему вы не танцуете? - спросила Люда.

- Не умею.

- Фокстрот - это очень просто.

- Мне поздно учиться.

- Вам? Вы себя считаете стариком?

Валентин Валентинович улыбнулся:

- Скажите лучше, как вам работается на фабрике?

- Стою с хронометром, очень стараюсь, тем более что я дочь инженера, но работницы на меня косятся: я им, по видимому, не нравлюсь.

- Всюду рабочие не любят хронометражистов, - сказал Валентин Валентинович, - а то, что вы дочь инженера... Разве вашего отца на фабрике не уважают? Ведь он крупный специалист.

- Вот именно специалист, - подхватил Юра, - буржуазный спец, учился в Англии, служил на фабрике еще до революции, у хозяев капиталистов, и, значит, сам капиталист. А Люда - дочь буржуазного спеца. У нас обожают наклеивать ярлыки: интеллигент, спец... Я, например, упадочник, у меня, видите ли, упадочные настроения. Почему, отчего - никто не знает, и что значит упадочные, тоже никто толком не знает. Представляю, что бы творилось, если бы узнали, что мы сидим в ресторане, да еще танцуем фокстрот и чарльстон. Нас бы объявили белогвардейцами.

- Вот видишь, - засмеялся Валентин Валентинович, - а ты говоришь, что у тебя

нет сложностей.

Глава 6

Когда Юра, Люда и Валентин Валентинович подошли к дому, они увидели Витьку Бурова. Он стоял в калитке, вырезанной в воротах, в своей обычной ленивой позе, загораживая проход и не проявляя намерения сдвинуться с места.

Юра оказался позади Валентина Валентиновича. Впрочем, у него все всегда получалось естественно, а значит, и достойно.

- Молодой человек, - холодно произнес Валентин Валентинович, - будьте добры посторониться.

- Места вам мало? - Витька продолжал загораживать калитку широкими плечами.

- Витя, перестань! - поморщилась Люда. Она не боялась Витьки.

- Или вы посторонитесь, или я помогу вам это сделать, - сказал Валентин Валентинович.

Витька лениво подвинулся.

- Чешите, не вы мне сейчас нужны.

- Так будет, пожалуй, разумнее, - оставил за собой последнее слово Валентин Валентинович.

Во дворе, на скамейке, виднелась еще одна фигура - Шаринец.

- Мне сюда, спокойной ночи! - Юра вошел в свой подъезд, оставив Валентина Валентиновича один на один с Витькой и Шаринцом.

Прощаясь с Навроцким, Люда сказала:

- Витька опять к вам привяжется.

- Переживу какнибудь, - улыбнулся Валентин Валентинович. - Вы довольны сегодняшним вечером?

- Очень.

- Я рад, что Юра нас познакомил, - сказал Валентин Валентинович.

- Да, спасибо ему.

- Ваши уже, наверно, спят.

- У меня свои ключи.

Навроцкий скользнул взглядом по ключам, которые она вынула из сумочки.

- Ну что ж, спокойной ночи, привет вашей очаровательной матушке.

Люда поднялась по лестнице, осторожно повернула ключ в замке, открыла, потом тихо закрыла дверь, сняла туфли, в одних чулках прошла по темному коридору, вошла в свою комнату...

Послышались шаги, и вслед за ней в комнату вошел Николай Львович.

- Ты не спишь, папочка?

- Ты тоже не спишь.

- Сказать тебе, где я была?

- Пожалуйста.

- В ресторане... Да, да представь себе... И мне там понравилось: музыка, танцы... Но если ты не хочешь, то больше не пойду, обещаю.

- Ничего страшного в ресторанах нет... Но мне кажется, туда ходят одни спекулянты. И, может быть, тебе еще несколько рановато... Впрочем, если ты захочешь ходить, никто тебя не удержит...

- Нет, папочка, я тебе сказала: если ты не хочешь этого, я больше ни разу не

пойду.

- Но ведь ты пошла, захотела и пошла, и нам ничего не сказала... Конечно, потом призналась, так сказать, постфактум, и на том спасибо, не стала ничего выдумывать и придумывать, это очень хорошо... Но ведь мы не знали, где ты.

- Ты не ложился из за меня? И мама?

- Ты спрашиваешь об этом?

- Я думала, что вы... Я понимала, что огорчу вас... Но если бы я знала, что вы не спите из за меня...

Вошла Ольга Дмитриевна.

- Доченька, господи, как я волновалась, чего я не передумала! Ну, слава богу, ты дома! Я уже одевалась, чтобы пойти тебя искать!

В халате, розовая, румяная, Ольга Дмитриевна выглядела свежо, молодо, казалась не матерью, а старшей сестрой Люды - такое же нежное лицо, такие же каштановые кудряшки, такие же тонкие стрелочки бровей и зеленоватые глаза.

- Ну, мама, - только вздохнула Люда, - я не понимаю, чего ты боялась?

Ольга Дмитриевна смешалась при этом вопросе, Люда поняла ее смущение и, выручая мать, сказала:

- Я ведь не маленькая, и я никого не боюсь - ни бандитов, ни жуликов.

- А я боюсь, - подхватила Ольга Дмитриевна, - боюсь нашего двора, боюсь Витьку Бурова. Он бандит.

- Мы, кстати, как раз его встретили, он вел себя, как паинька.

- Ну да, потому, что его проучили... Но не в нем дело... Где ты была?

- Мамочка, я уже сказала папе...

- Да, я информирован, - заметил Николай Львович.

- Но обещай мне, - продолжала Люда, - что не будешь сердиться и ругать меня. Обещаешь? Ну, так вот, я была в ресторане, была с Юрой и с его приятелем Валентином Валентиновичем, ты его знаешь - это тот молодой человек, который тогда во дворе вступился за Андрея и за Мишу Полякова, помнишь?

Ольга Дмитриевна бросила быстрый, тревожный взгляд на мужа, ее нежное лицо порозовело. В их семье не было ссор и скандалов, но сейчас ей показалось, что Николай Львович недоволен, разочарован, огорчен. Решив, что она должна все сделать сама, сказала суховато:

- О Юре мне нечего сказать, его мы знаем десять лет, и от этого он не становится лучше, но этот молодой человек... Валентин Валентинович... Конечно, он вел себя тогда, с Андреем, вполне достойно, но этого слишком мало, чтобы судить о нем...

- А что, собственно говоря, надо судить? - спросила Люда.

- Я хочу сказать, что мы его совершенно не знаем.

- Но пойми, мамочка, я ведь не могу знакомиться только с твоими или с папиными друзьями.

- Это верно, - согласилась Ольга Дмитриевна, - но ты только познакомилась с ним и сразу приняла приглашение пойти в ресторан. Ведь с кем попало не ходят в ресторан, правда? Это к чему то обязывает. Пойти в ресторан с почти незнакомым человеком...

- Я пошла не с ним, а с Юрой, - сказала Люда, признавая в душе некоторую правоту матери.

- Речь, по видимому, идет о молодом человеке, получающем мануфактуру на нашей фабрике, - сказал Николай Львович.

- Да...

- Мне он не нравится, - сказал Николай Львович. - Ты знаешь, я редко так определенно говорю о людях, о нем я говорю определенно: не нравится.

Люда посмотрела на отца, свела тонкие брови, опустила голову:

- Странно... Впрочем, если ты не хочешь, чтобы я с ним встречалась...

- Встречаться или нет - дело твое; я просто высказал свое мнение.

Люда продолжала:

- Мне совершенно неважен и безразличен Валентин Валентинович... Но я не понимаю, что происходит, почему этому придается такое значение... Честное слово, нет ничего особенного... Но когда запрещают - это ужасно...

- Я не запрещаю, - запротестовал Николай Львович, - я сказал: мне он не нравится, учти это, приглядишься к нему внимательнее...

Она засмеялась:

- Но чтобы приглядеться, надо встречаться... Папочка, мамуля, милые, все это такая ерунда, ей богу! Не беспокойтесь ни о чем... Ну, сходила в ресторан, посмотрела, потанцевала с Юрой, попробовала их еду...

- Ну и как? - спросила Ольга Дмитриевна.

- Вкусно... Очень... Но твои блинчики вкуснее, - добавила она великодушно.

Люда долго не могла заснуть, перебирала в памяти этот вечер, возвращение, сцену во дворе и приход домой. За ресторан она себя не ругала. Ей хотелось там побывать, это правда. Она пошла туда с Юрой, которого знает сто пятьдесят лет. Юру беспокоит, что будут говорить о них в школе, а ей наплевать, она ничего такого антиобщественного не сделала и не делает, даже наоборот, хочет быть как все, но у нее ничего не получается, ее считают за чужую, а почему? Одевается не так, дочь инженера. Ну, и она не набивается, не вешать же ей на груди плакат: «Хочу быть как все!» И Юра тоже не такой уж плохой, как его школьная репутация; никакой он не упадочник; его беда - хочет выделяться, а выделяться ему, между прочим, нечем. И если говорить честно, то Юра - трус. Это главное. Из за этого она испытывает к нему презрение, из за этого он ей никогда не нравился. Напрасно девчонки чего то там намекали - это все смешно. Единственный, кто ей по настоящему нравился, вернее, мог бы понравиться, если бы и она ему нравилась, - это Миша Поляков. Он прямая противоположность Юре, но он на нее ноль внимания, фунт презрения. И этот фунт презрения совершенно незаслуженный. Просто у Миши такой характер, он никого в отдельности не замечает, они для него масса. Но она не масса. Во всяком случае, не для него...

Теперь насчет Валентина Валентиновича. У него довольно красивое лицо, в рассуждениях что то значительное, даже загадочно значительное. Но он носит лаковые ботинки, и это о многом говорит. И то, что у него такие деньги, он их так небрежно тратит в ресторане - тоже не в его пользу; у них в семье и у их знакомых таких денег нет, хотя люди вполне достойные. Но может быть, это он позволяет себе не так часто, и угощал он их от души, это ему было приятно. Немного старомодно, правда, этакое гусарство: мол, прогуливаю последнее... И он смелый по настоящему, не притворяется; Витьку Бурова не испугался ни в этот раз, ни в тот, и это тоже очко в его пользу...

Нет, родители неправы. Конечно, понять их можно. Боятся, что случится то самое. Но напрасно боятся; то самое может случиться, но только с любимым человеком, а она никого не любит, могла бы, может быть, полюбить Мишу Полякова.

Мама - потрясающая трусиха, даже очаровательна, потому что никогда не притворяется. Иногда Люде кажется, что не она ее дочка, а мама ее дочка... Она всего боится, это у нее с тех времен: боялась домкома, боялась, что их уплотнят, отберут комнату, боялась за папу, боялась, что нечем будет накормить семью, а потом, когда появилась мука и все появилось, мама стала перекармливать их, особенно Андрюшку, стала жарить блинчики.

И все же с родителями ей повезло, она понимает и ценит это. Просто она стала видеть больше, чем видит мама, и саму маму видит и папу, как он, например, старается не уронить свой авторитет в семье, напускает на себя хмурый, недоступный вид, прячет свою доброту потрясающую; мама это, наверно, понимает; папа на пьедестале, власть законодательная, а мама власть исполнительная. И сегодня разыгрывала эту роль... Ах, как она их любит... И не будет огорчать, хотя и видит, что вступила с ними сегодня в неразрешимое противоречие... Подумать только, они пытаются решить, с кем ей встречаться, с кем нет, - они, такие неисправимые, доверчивые романтики...

Родители Люды тоже не спали. Это был не первый случай, когда Люда поздно приходила домой, но она всегда предупреждала, они знали, где она. В этот раз она как то незаметно ушла из дома, ничего не сказала, не хотела лгать, но и правды не хотела говорить. Уж одно это их встревожило... И не случайно. Ресторан... Франт в лакированных штиблетах... Впрочем, как познакомились они сами? На даче, в Лианозове, тоже случайно, на любительском спектакле...

- Уверяю тебя, - говорила Ольга Дмитриевна, - она взрослая дочь, мы уже ничего не можем ей запретить. Надо воспользоваться тем, что мы пока еще вправе что то ей разрешать.

- Это логично, - согласился Николай Львович, - надо спасти то, что еще можно спасти.

- Нечего спасать, милый, уверяю тебя, это все такое молодое, детское!.. Я только против ресторанов. Молодой человек должен приходиться в дом, бывать в доме. Только так мы можем как то влиять на Люду, на ее отношения, мы можем видеть, с кем она имеет дело. Кроме того, если человек у нас бывает, я чисто по женски постараюсь открыть ей глаза на него, на его недостатки, потом можно будет пошутить, посмеяться...

- Все это верно, - сказал Николай Львович, - но, понимаешь, этот молодой человек не внушает мне доверия. И я, откровенно говоря, в некоторой растерянности: по служебным соображениям мне не хотелось бы, чтобы он бывал у нас дома. Но с другой стороны, запретить Люде общаться с человеком, который мне удобен по службе, это, в сущности, то же самое, что советовать ей встречаться с человеком, который по службе мне удобен. Исходная позиция в обоих случаях фальшивая, дурная.

Ольга Дмитриевна с удовольствием слушала мужа, это было именно то, что она так ценила и любила в нем. Конечно, он не только не вынуждает Люду встречаться с нужными людьми, но и сам никогда с ними не встречается, и ход рассуждения был удивительно характерен для него.

- Ты сильно преувеличиваешь, мой милый, - сказала она, - ты действительно ничего ей не запрещаешь, ты всего лишь высказал свое мнение о человеке, которого ты знаешь больше, чем она. И Люда это правильно поняла. Я думаю даже, что в данном

случае она разумнее нас. В самом деле, что произошло? Ничего, в сущности. Задержалась на танцуйках, а мы когда то не задерживались? Только тогда танцевали в саду, сейчас танцуют в ресторанах, вот и все.

- Да, - согласился Николай Львович, - ты права и, главное, сама не волнуйся.

Николай Львович успокоил жену, но сам не успокоился: что то тревожило его в этой истории.

Глава 7

Ресторан, наконец, закрыли, и Миша со Славкой отправились домой.

Славка рассказывал об оркестре. Среди музыкантов есть люди одаренные, даже талантливые, например, контрабасист, человек с консерваторским образованием, но не смог найти места в настоящем оркестре, их считанное количество, и вот вынужден играть в ресторане, где прилично платят и где кое что перепадает от гостей, заказывающих музыку.

Своим бесстрастным рассказом Славка как бы подчеркивал примитивность своих нынешних интересов, отделял себя от возвышенного мира, в котором живет Миша, жил когда то и он, Славка. Был пионером, комсомолец - и вот пожалуйста: пианист в ресторане «Эрмитаж», играет фокстроты для нэпманов, аферистов и растратчиков, веселит их, убажывает, зато у хозяина бесплатный ужин - правда, не такой, как гостям, а что остается от гостей.

- Не надо делать из этого трагедию, - сказал Миша, - эпизод в биографии артиста. Напрасно тебя это так сильно угнетает.

- Человек не может двадцать четыре часа в сутки визжать от восторга, - возразил Славка.

- Временный, случайный заработок, - продолжил Миша. - Поступишь в консерваторию, получишь стипендию - все переменится. Кстати, завтра в фабричном клубе выступает наша живая газета. Может быть, проведешь? Как, бывало, раньше.

- Не знаю... В котором часу?

- В шесть. Тебе в ресторан к девяти, можешь не оставаться на диспут, проведешь выступление и уедешь.

- О чем диспут?

- Влияние нэпа на молодежь.

- И как с этим бороться? - не без насмешки добавил Славка.

- Да, и как с этим бороться.

- Не знаю... Если не будет сыгровки...

- Не приедешь - проведет Яшка Полонский, - заключил Миша, - а приедешь, я лично буду рад и буду ждать тебя. Постарайся, пожалуйста.

Они подошли к дому.

В воротах стоял Витька Буров.

- Привет!

- Привет! - ответил Славка.

- Здорово! - сказал Миша.

Витька повернулся к Славке.

- Иди домой, Славка, ложись спать.

- Ты меня отправляешь спать? Может быть, еще в постельку уложишь?

- По хорошему говорю: уходи! Нам с ним, - Витька кивнул на Мишу, -

поговорить надо.

Миша усмехнулся:

- Славка нам не мешает. Славка, скажи, не будешь мешать? Очень тебя прошу. Не вмешивайся в наш интимный разговор. Что, Витя, ты мне хочешь сказать?

- Еще раз полезешь не в свое дело - схлопочешь! Арцы - и в воду концы!

- И этот грубиян носит имя великого писателя! - Миша насмешливо покачал головой, - кстати, Витька, почему тебя зовут Альфонсом Доде? Ты его читал когда нибудь?

Витька поднял кулак:

- Это видел?

Славка попытался встать между ними.

- Бросьте, ребята, прекратите!

- Отойди! А то и тебе вмажу! - закричал Витька.

- Ты ведь обещал не вмешиваться. - Миша отодвинул Славку. - Дай нам спокойно поговорить. Так вот, Витенька, к твоему сведению: Альфонс Доде был великий французский писатель. А французы, между прочим, отличаются вежливостью.

Витька поднес к его носу кулак:

- Я тебе покажу вежливость!

Миша был комсомольский активист, но он был арбатский, вырос в этом доме, знал законы и повадки улицы. Он схватил Витькину руку и вывернул ее. Витька выдернул руку и бросился на Мишу.

Ответом ему были подножка и вполне квалифицированный удар в подбородок.

Витька упал.

- Опять получишь!

Витька не внял этому предупреждению, поднялся, снова бросился на Мишу, но между ними уже стоял Славка.

- Ребята, прекратите сейчас же!

Вмешательство Славки вряд ли подействовало на Витьку. Но из за угла появился Валентин Валентинович Навроцкий.

- Добрый вечер!

На скамейке по прежнему темнела фигура Шаринца.

- У вас опять серьезный разговор! - улыбнулся Навроцкий.

- Ничего особенного, - сухо ответил Миша. - Пошли, Славка!

- Спокойной ночи! - сказал Навроцкий.

- Пока, - ответил Миша, не оборачиваясь.

Обернулся вежливый Славка:

- До свидания!

Навроцкий проводил их задумчивым взглядом, потом спросил Витьку:

- По прежнему не ладите.

- А тебе какое дело?!

- Как грубо, как грубо, - поморщился Навроцкий. - Так вот, слушай, Витюня: будешь так разговаривать со мной, я из тебя сделаю беф строганов, понял?

Это говорил не лощеный делец, а какой то совсем другой человек...

Его слышал и Шаринец. Валентин Валентинович Навроцкий произнес свою угрозу достаточно громко.

Глава 8

Фабричный клуб был полон, за занавесом слышалась возня - участники готовились к выступлению. Скоро начало, а Славка не пришел - Миша отметил это с огорчением. А Витька Буров пришел, Миша отметил и это... Пришел, конечно, чтобы поскандалить, чтобы испортить вечер.

Занавес раздвинулся. Яша Полонский заиграл на рояле марш живой газеты - причудливую смесь революционных песен, вальсов, старинных романсов и опереточных мелодий.

Под звуки этой своеобразной, но достаточно громкой музыки строй живой газеты - мальчики и девочки (рубашки и кофточки белые, брюки и юбки черные) - промаршировал по сцене, декламируя вступление:

Мы, сотрудники газеты,
Не артисты, не поэты,
С мира занавес сдерем,
Всем покажем и споем.

Что в Марокко? Все морока!
Что у вас сейчас под боком,
Как во Франции дела,
Как экскурсия прошла,
На Арбате что у нас,
Как в Италии сейчас,
Что в деревне. И короче:
Обо всем ином и прочем!

Хор смолк, шеренга застыла, из нее выступила девочка, загримированная под Лягушку Зиминову, сплела пальцы, вытянула руки и, поводя плечами, запела:

Я жеманство, тру ля ля,
И скажу вам смело:
Люблю глазками стрелять,
Не люблю лишь дела.

Как приятно день деньской
Шевелить глазами,
И влюбляться с головой,
И не спать ночами.
Завела я дневничок,
В нем пишу стихи я:
Мопассан и Поль де Кок
Вот моя стихия.

Девочка отошла в сторону. Из строя шагнул мальчик, одетый, как Юра: бархатная толстовка с белым бантом.

Только станет лишь темно,

Страстно ждет меня кино,
Мэри Пикфорд, Гарри Пиль
Вскочат вдруг в автомобиль.
И, сверкая, как алмаз,
Прыгнет к ним Фербенкс Дуглас.
Ах, держите вы меня,
Сколько жизни и огня!
Что мне школа, забыл давно,
Дайте мне кино!

Мальчик стал рядом с девочкой. Из строя вышел увалень, похожий на Витьку Бурова, и басом, подражая Витьке, запел:

Эй, берегись! Посторонись!
Я очень гордый, с поднятой мордой.
Я разгильдяйство! Я друг лентяйства!
Я чемпионов всех сильнее.
Я весь проныра и пролаза.
Стекла бью я до отказа.
Мне каждый враг, кто не со мной.
И всех зову с собой на бой!

Появился мальчик, загримированный под Мишиного приятеля Генку - вылинявшая солдатская гимнастерка и латаные штаны, заправленные в стоптанные сапоги. В руках у него была громадная метла.

Я чемпион, я чемпион,
Нас легион, нас легион.
Эти паразиты здесь и там
Не дают работать нам.
Всех их с собой требую на бой!
С шеи долой
Сбросим метлой!

Чемпион бьет метлой барышню, пижона и хулигана - они падают под его ударами; строй, маршируя, удаляется за сцену. За ним, охая и стеля, плетутся пижон, барышня и хулиган.

На сцену поднялся Миша.

- Живая газета показала персонажи, на которых мы видим тлетворное влияние нэпа: хулиган, пижон и барышня. Нэп принес с собой и другие отрицательные явления. Как с ними бороться - вот предмет сегодняшнего диспута. Кто хочет выступить?

Встал Генка, одетый так, как его только что изобразили - вылинявшая солдатская гимнастерка и латаные штаны, заправленные в стоптанные сапоги.

- Пошлость и мещанство - вот главный враг. Носят банты, галстуки, ажурные чулки, воняют духами. К чему эти декорации?

- Чем тебе мешает галстук? - спросил Яша Полонский.

- Надо открывать шею солнцу, а не ходить, как собачка, в ошейнике.
  - А ажурные чулки?
  - Для чего они? - воскликнул Генка. - Чтобы какойнибудь гнилокровный буржуазный выродок любовался «изящной дамской ножкой» на танцуйках?
  - Ты против танцев?
  - Их вред доказан наукой.
  - Где ты это вычитал?
  - Могу и тебе дать почитать. А некоторые элементы еще продолжают вертеть ногами. Танцы насаждают мелкобуржуазные нравы. Обращаются на «вы», говорят: «извините», «простите», «пардон» - все это гнилая интеллигентщина. Я сам видел, как один комсомолец подавал комсомолке пальто. Зачем? Чтобы подчеркнуть ее неравноправность? Ведь она ему пальто не подала.
  - Хочешь, чтобы тебе подавали?
  - А если у них любовь?
  - Разве любовь в том, чтобы подавать пальто? Я не отрицаю любовь...
  - Спасибо, благодетель!
  - ...Но только на основе общей идеи...
- Молодой звонкий голос из зала пропел частушку:

Ох, по дороге колокольцы,
Сердце словно прыгает.
Ох, не влюбляйтесь в комсомольца,
Скукою измызгает.

- Генка, про тебя!
- На сцену поднялась Зина Круглова в форме юнгштурма - защитного цвета гимнастерка и юбка, широкий ремень, португеза через плечо.
- Мужчина называется мужчиной потому, что он мужественный.
  - Вода называется водой потому, что она водянистая, - вставил Яша Полонский.
  - Поэтому, - продолжала Зина, - если парень подаст девушке пальто, в этом нет ничего унижительного, простая вежливость.
  - Женщина называется женщиной потому, что она женственная, - не унимался Яша.
  - Именно! Почему обязательно ходить в сапогах, я предпочитаю туфли...
  - Танцевать удобнее?
  - Хотя бы! Мы будем танцевать независимо от того, разрешает это Генка или нет.
- На сцене появился Юра.
- Я признателен Яше Полонскому за то, что послужил ему прообразом, дал пищу его богатой фантазии, его блестящей музе, горжусь этим. Но еще больше благодарен Генке: он поставил все точки над «і». Чего он хочет? Стандарта! Всех подогнать под один тип: одинаково одевайтесь, одинаково развлекайтесь, одинаково думайте! А я, например, не хочу. Хочу быть самим собой. И буду носить бант. Привет!
  - Мы не хотим стандарта, - возразил Миша, - но нельзя думать только о себе - о своей внешности, карьере, благополучии. Не в том дело, что ты носишь бант, а в том, что бант заменил тебе все.
  - Он забантовался! - крикнул Яша.
- Руку поднял Саша Панкратов.

- Я хочу сказать насчет хулиганов. Некоторые размахивают финками.

- Это ты про меня, что ли? - ухмыльнулся Витька Буров.

- Да, про тебя. Ты выражаешься. Слова нецензурные говоришь.

«Молодец, смелый парнишка», - подумал Миша о Саше Панкратове.

- А ты слышал? Слышал, как я ругался? - спросил Витька.

- Слышал, - решительно ответил Саша.

- Как? Повтори!

- Сам знаешь как. Я тебе потом повторю.

- И я слышал... И я! - закричали ребята в зале.

- А вы не слушайте! - огрызнулся Витька.

Зина Круглова сказала:

- Мало того, что Буров хулиганит сам, он вовлекает в хулиганство малолетних.

- Судить показательным судом! - сурово объявил Генка.

- А право имеешь? - с вызовом спросил Витька.

- Имеем. Школа отвечает за наш дом.

- Ой, испугался, - ухмыльнулся Витька, довольный тем, что оказался в центре внимания. - Когда судить то будете?

- Сообщим, не забудем, - пообещал Миша, - не беспокойся, какнибудь справимся с тобой. Запомни на всякий случай. Итак, предложения?!

- Повести решительную борьбу с мещанством, пошлостью и обывательщиной, - предложил Генка.

- ОбщО. Давай конкретнее! - возразил Миша.

- Запретить галстуки, банты, ажурные чулки, духи.

- А одеколон? - спросил Яша.

- Тоже.

- Одеколон не роскошь, а гигиена, - выкрикнул кто то из зала.

- Этот лозунг выдумали частники парикмахеры, - отпарировал Генка.

- Кто за предложение Генки? - спросил Миша.

Руку поднял один Генка.

- Какие еще предложения?

- Запретить танцельки! - объявил Генка.

- У меня другое предложение, - сказала Зина Круглова. - Танцы разрешить, кроме фокстрота и чарльстона.

- Это почему?

- В фокстроте прижимаются.

- А ты не прижимайся.

- Это буржуазный танец, - настаивала Зина, - и никто не умеет его по настоящему танцевать, получается одно кривляние и вихляние.

Тот же молодой, звонкий девичий голос из зала выкрикнул:

- А барыню сударыню можно?

- А трепака?

- Лично я предпочитаю лезгинку, - сказал Миша, - кабардинскую и наурскую, но в перерывах между ними иногда задумываюсь: для чего я живу и работаю?

Глава 9

Диспут только возвысил Витьку Бурова в собственном мнении: он стал на нем

центральной фигурой. Он и шел в клуб в расчете, что о нем заговорят, а если нет, то он выкинет такое, чтобы заговорили.

В своей обычной расслабленной позе Витька сидел во дворе, на пустом деревянном ящике позади первого корпуса, в узком проходе между стеной дома и забором. Рядом на асфальте сидели Шныра, Фургон и Белка. У угла, на стреме, стоял Паштет. Было утро, не самое раннее, часов десять. Воскресенье.

Паштет махнул рукой - все в порядке.

Витька лениво привстал, потянулся, даже зевнул, поднял Белку, она встала ему на плечи и проскользнула в форточку.

Витька опустил на ящик, принял прежнюю позу, Шныра и Фургон не сделали ни одного движения, Паштет был на посту. Все совершилось молниеносно, никто не заметил - задний тупик двора, по нему не ходят, задняя стена дома - ни дверей, ни подъездов, впереди - глухая кирпичная стена.

Белка очутилась в пустом фойе кинотеатра «Арбатский Арс».

На стенах висели афиши, рекламы, фотографии из кинофильмов.

У стены возвышалась буфетная стойка под круглым стеклом. Белка отодвинула дверцу. Скрип не смутил ее: кинотеатр заперт снаружи. Проверено.

Она сняла с прилавка пять бутылок лимонада, пирожные, конфеты, бутерброды, сложила в мешок, вернулась к окну, поскребла о стекло.

Витька снова так же неторопливо поднялся, протянул руку, взял мешок, помог Белке вылезти из окна. Белка схватила мешок и скрылась с ним в подъезде черного хода.

Ребята обогнули корпус, очутились на переднем дворе, где играли детишки, и подошли к пожарной лестнице.

Узкая металлическая лестница начиналась от второго этажа и, прикрепленная к стене металлическими прутьями, достигла крыши восьмиэтажного корпуса. У крыши прутья были оторваны, верх лестницы раскачивался.

Витька уселся на нижней ступени лестницы.

- Куда забрался, места тебе другого нет? - недовольно заметила дворничиха.

- Сидеть нельзя?

- Нельзя, слазь!

Витька потянул носом воздух:

- Мне кислород нужен, кислороду не хватает. - Он поднялся еще на две ступеньки, снова потянул носом. - Хороший кислород, первый сорт.

- Доиграешься, Витька!

Дворничиха ушла со своей метлой. Витька ухмыльнулся: цель достигнута, все видели, что он на лестнице и, следовательно, к буфету отношения иметь не может. Ему было нужно алиби, слово, которого он не знал, но представление о нем имел.

Шныра, Паштет и Фургон, задрав головы, смотрели, как Витька поднимается по лестнице.

Достигнув четвертого этажа, Витька свесился и заглянул в открытое окно. Перед зеркалом сидела Ольга Дмитриевна в халате и с полотенцем на голове.

Ухмыляясь, Витька смотрел на нее.

Она оглянулась, вскрикнула в испуге.

Витька скорчил страшную рожу.

Ольга Дмитриевна вскочила с пуфика, закрыла окно, задернула занавеску.

Довольный своей проделкой, Витька посмотрел вниз, желая увидеть, какой

эффект она произвела, как вдруг заметил проходящего по двору Шаринца.

- Где Белка? - спросил Шаринец Шныру.

- Не знаю.

Витька спустился вниз, спрыгнул с лестницы.

- Тебе чего?

- А тебе чего?

- Ну и мотай отсюда!

- Ты, Витька, один, а я не один.

- Плевал я на твоих, ты моих не трогай.

- Дождешься! - пригрозил Шаринец и пошел со двора.

Витька снова взобрался по лестнице. Рискованно балансируя на пруте, дотянулся до окна, взял стоящую между рамами банку, запустил в нее палец, набрал варенья и отправил в рот.

Мальчики криками и смехом выразили свой восторг.

В следующем окне, этажом выше, Витька увидел целующуюся парочку.

- Сосед, что делаешь?

Парочка оглянулась, девушка выскочила из комнаты.

В окне следующего этажа усатый дяденька сосредоточенно уминал за столом большой шматок сала.

- Дай кусочек!

Усатый перестал жевать и озадаченно уставился на Витьку.

Забавляясь таким образом, Витька достиг вершины лестницы. Край ее не прикасался к крыше - оба прута были сломаны.

Предстояла самая опасная часть операции.

Сильно и размашисто раскачиваясь, Витька приближал верх лестницы к крыше и, когда она достигла ее, схватился рукой за желоб, подтянулся, перекинулся на крышу, продолжая удерживать лестницу сначала ногами, потом руками.

Улегшись на крыше, крикнул вниз:

- Давай!

Ловко и быстро, как обезьяна, взобрался Шныра.

За ним, умирая от страха, начал подъем Фургон.

Добравшись до середины, остановился, посмотрел вниз.

- На меня смотри! - крикнул Витька.

Фургон снова начал неловко подниматься. Витька протянул ему руку и перетянул на крышу. После того как уверенно взобрался Паштет, Витька отпустил лестницу.

Ребятишки с завистью следили за их подъемом. Витькино тщеславие было удовлетворено, и он крикнул вниз:

- Привет!

Через слуховое окно он спустился на чердак, перелез через балки и стропила, откинул задвижку на двери. На площадке черного хода сидела Белка с мешком.

- Час сижу!

Он впустил ее на чердак, задвинул задвижку.

Вся компания сидела на крыше.

Витька вынул из мешка бутылки с лимонадом, пирожные, бутерброды, конфеты, отложил в сторону две закупоренные банки с монпансье:

- Это в Крым.

Он снова через слуховое окно спустился на чердак и спрятал банки в чуланчике,

замаскированном досками и фанерой. На полу лежали тюфяк и рваное одеяло, на досках, заменявших стены, висели открытки с видами Крыма.

Витька вернулся на крышу, открыл лимонад, разложил пирожные и конфеты:

- Шамайте! В Крым поедем - в вагоне ресторане будем обедать.

- Что за вагон ресторан?

- Вагон, а в нем столики, ресторан. Поезд идет, колеса постукивают, а ты рубаешь, официант подает, что закажешь, а закажешь, что захочешь, - расписывал Витька предстоящую поездку в Крым. - Пообедаешь - и к себе, по тамбурам, из вагона в вагон, все на ходу. Пришел в свой вагон, заваливайся спать, у каждого своя полка - плацкарт называется. Спать не хочешь - смотри в окно. Главное - деньги сделать.

- А как деньги сделаем? - спросил Фургон.

- Тебе кто позволил такие вопросы задавать?

Испуганный Фургон молчал.

- Кто, спрашиваю, позволил? Или кто подучил? Подослал? Кто? Мишка Поляков? Сашка Фасон? Говори! А то сброшу с крыши. Арцы - и в воду концы!

- Он просто так спросил, - вступился Шныра.

- Заткнись! Если кто насчет Крыма натреплется, голову оторву.

- А чего трепаться? - возразил Шныра. - Думаешь, не знают? Знают.

- Откуда? Кто сказал?

- Да брось ты! Сам сколько раз говорил: Крым... Крым...

- А хорошо в Крыму? - спросила Белка, предупреждая ссору.

Ее наивную дипломатию поддержал Паштет.

- Спрашивает! Все в Крым едут. Было бы плохо, не ездили. Там море кругом.

- Всесоюзная здравница называется, - добавил Шныра.

Витька лег на спину, мечтательно заговорил:

- Самое лучшее место - Крым. Море само собой, тепло круглый год, хочешь - купайся, хочешь - загорай. Фрукты нипочем: груши дюшес, виноград «дамские пальчики», абрикосы - копейка фунт. В Ливадию поедем, там дворец, царь Николай жил. Ялта. Главное, ксиву надежную иметь, а то снимут с поезда как безнадзорных.

- Какую ксиву? - спросил Фургон.

- Вот дурачок, - засмеялся Паштет, - ксива - документ, значит.

- Ксива будет такая, - сказал Витька, - экскурсия, вы ученики, я за старшего.

Печать поставим - и порядок.

- А где печать возьмем? - опять спросил наивный Фургон.

Витька приподнялся, пристально посмотрел на Фургона.

Шныра опять защитил приятеля:

- Он просто так спросил... Не видишь разве, дурачок еще, ничего не понимает.

Витька погрозил Фургону пальцем:

- Много знать хочешь, треплешься. Не суйся, за тебя все сделают.

Он замолчал, прислушался: дергали чердачную дверь. Витька сделал знак сидеть тихо, спустился на чердак, прокрался к двери, прислушался.

За дверью разговаривали. Витька узнал голоса Миши и Генки:

- ...Кто то запер дверь. Управдом, что ли...

- ...Замка нет, изнутри заперта...

- ...Пойдем со двора.

Было слышно, как они спускаются по лестнице.

Витька вернулся на крышу, лег на спину:

- Мишка с Генкой... Убрались...

Глава 10

Миша и Генка вернулись во двор и подошли к пожарной лестнице.

Миша надел на шею моток проволоки, прикрепил к поясу связки роликов и стал взбираться по лестнице. За ним, с двумя шестами, последовал Генка.

Их подъем был прерван появлением в окне женщины с растрепанными волосами и банкой в руке.

- Хулиганы! Ворюги! - кричала женщина, поворачиваясь во все стороны и показывая банку жильцам. - Полбанки варенья сожрали!

Миша недоуменно смотрел на нее:

- Не трогали мы вашего варенья.

Мужчина в подтяжках, в другом окне, укоризненно качал головой:

- Стыдно, Миша, а еще комсомолец. И ты, Генка! Вот уж не ожидал.

- Не видели мы никакого варенья! - закричал Генка.

- Хулиганы! Бездельники! - бушевала женщина.

- Какое варенье? - осведомился Миша.

- Еще спрашивает! Клубничное.

- Извините, мы не едим клубничного варенья.

Мальчики поднялись выше.

- Мытарства первых радиолюбителей, - сказал Миша. - Такие, как ты, прокладывают дорогу в будущее.

- Сознание этого только и поддерживает во мне бодрость духа, - ответил Генка, подтягивая шесты.

На восьмом этаже из окна выглянул русоволосый рабфаковец, подмигнул:

- Радиозайцы?

- Мы зарегистрированные.

- Будете крышу ломать? Крыша то надо мной.

- Даже не дотронемся, - успокоил его Генка. Миша проделал то же, что и Витька: раскачал верх лестницы, перебрался на крышу, удержал лестницу. Генка передал ему шесты и тоже перебрался на крышу.

Они не удивились, увидев на крыше Витькину компанию: они сами в свое время лазили сюда погреться на солнышке. Но компания была враждебной. И этот пир... Откуда такие яства? Ворованное, в этом не могло быть сомнений.

Миша не хотел затевать разговор здесь, на крыше. Не место.

Но Генка, как всегда, не смог удержаться:

- Богато живете!

- Живем! А что?! - ответил Витька, спокойно отхлебывая сидро из горлышка бутылки. - Завидно?

- Наверно, - пробормотал Генка, прикрепляя шест к дымовой трубе.

Когда Миша натягивал антенну, лежавший на его пути Витька не пошевелился. Миша перешагнул через него. Витька ухмыльнулся.

Убедившись, что спуск висит хорошо, между окон, Миша и Генка через слуховое окно спустились на чердак, пролезли через балки и подошли к чердачной двери.

- Устроили ночлежный дом, - сказал Генка и оторвал задвижку. - Сам ворует, - продолжал он, спускаясь с Мишей по лестнице, - и маленьких приучает. Вот тебе и

диспут! Плевал он на наш диспут. Его надо изолировать.

Очутившись во дворе, они натянули свисающий с крыши провод.

Из окна выглянул Славка.

- Приходи, сейчас слушать будем, - сказал Генка.

- Ладно!

В это время из подъезда вышел Валентин Валентинович Навроцкий, на этот раз не в светлом, а в темно синем бостоновом костюме.

- Здравствуйте, Миша!

- Гутен таг! - ответил Миша.

Навроцкий сделал вид, будто не заметил насмешки.

- Радио устраиваете?

- Пробуем, - ответил Генка.

Миша пристально и изучающе рассматривал Навроцкого.

Навроцкий ответил ему таким же взглядом.

Так некоторое время они молча смотрели друг на друга.

Потом Навроцкий сказал:

- Радиостанция Коминтерна скоро начнет свои передачи. Так, во всяком случае, пишут в газетах.

Миша молчал.

- Кстати, - продолжал Навроцкий, - на крыше вы не встретились со своим недругом?

- С каким недругом?

- С этим, как его, Альфонсом Доде, так, кажется, его зовут.

- Его зовут Виктор Буров, - хмуро ответил Миша.

- Возможно. Как раз перед вами он со своим акционерным обществом взобрался на крышу.

- Чердак - его постоянное местожительство, там и ночует, - сказал Генка.

- Я поражен, - сказал Навроцкий. - Он так легко отделался. Размахивал финкой, а его подержали час в милиции и отпустили.

- Он никого не зарезал, - возразил Миша.

- Но была попытка.

Навроцкий был прав, но Миша не хотел с ним соглашаться.

- Я думаю, была только попытка похвастаться своим ножом.

Навроцкий засмеялся:

- Он хвастун, оказывается, вот почему его называют Альфонсом Доде... Но, знаете, сегодня он хвастается ножом, завтра пустит его в ход. Мы в обществе «Друг детей» часто сталкиваемся с подобными ситуациями - один негодяй портит десяток детей: они тоже заводят ножи.

- Этого мы ему не позволим, - сказал Генка, - какнибудь справимся. Не с такими справлялись.

- Между прочим, - сказал Навроцкий, - у одного моего приятеля есть итальянский детекторный приемник. Свой вы, наверно, сами собрали?

- Сами, - подтвердил Генка.

- Ну вот, а то фабричный, настоящий, их производят в Италии. Если хотите, я попрошу на время, вы послушаете, может быть, скопируете что либо.

- Спасибо, мы попробуем свой, - ответил Миша.

- Желаю успеха, - сказал Навроцкий.

Глава 11

Тот же комод, покрытый белой салфеткой с кружевной оборкой, квадратное зеркало с зеленым лепестком в углу, моток ниток, проткнутый длинной иглой, старинные фотографии в овальных рамках с тиснеными золотом фамилиями фотографов. Мало что изменилось в этой комнате. Только вместо широкой кровати с горой подушек стояли две узкие койки: одна, огороженная занавеской, для тетки, другая для Генки. На маленьком столике в углу - детекторный приемник, пачки тонкого шнура в белой обмотке, шурупы, гайки, винты, отвертка.

Генка присоединил антенну к приемнику, надел на голову наушники и, осторожно тыкая острием иглы в камешек, пытался поймать какуюнибудь станцию. Из наушников доносились шипение, хрип, свист. Генка положил наушники в стакан. Сквозь хрип и свист донесся далекий глухой голос: «Из Парижа передают: правительство Пенлеве Бриана Кайо поставило в палате депутатов вопрос о доверии...»

- Ну что? - торжествующе спросил Генка.

- Блеск!

- Красота!

Однако опять хрипение, свист, треск и шум...

- Ничего, - сказал Генка, - будет работать не хуже итальянского.

- А ты его видел, итальянский? - спросил Славка.

- Рассказывал тут один тип, Валентин Валентинович, предлагал даже. Зря ты, Мишка, отказался. Была бы хоть польза от нэпмана.

- Он не нэпман, а агент по снабжению.

- Один черт! Посмотри на костюм, галстук, лакированные ботинки.

- Ты примитивный социолог, - сказал Миша, - для тебя одежда - главный признак классовой принадлежности.

- Больше того! - подхватил Генка. - Признак его психологии. Человек, возводящий в культ лакированные ботинки, пуст, как барабан.

- Культом могут стать и стоптанные сапоги.

- Просто у меня нет других.

- Возможно, Валентин Валентинович не так уж плох, - заметил Славка.

- Тогда с Витькой другой бы побоялся ввязаться, а он вышел и сказал правду.

- Это так, - согласился Миша, - и все же... Гладкий, сладкий, обходительный...

- Коммерсант, он и должен быть обходительным.

- Зимин приказал задержать его вагон, а Красавцев отправил. Потом я их видел вместе в ресторане. В чем суть махинации?

- Дает Красавцеву в лапу, а тот ему побыстрее отпускает товар, - объяснил Славка.

- Спокойно ты об этом говоришь...

- А что?! Стенать, рыдать, посыпать голову пеплом? Только слепой не видит, что делается. Хапают, рвут, тащат, дают взятки, берут взятки. Мелкота все сваливает на четыре «у»: усушка, утруска, угар, утечка; крупняки становятся миллионерами на четырех «без»: бесхозяйственность, безответственность, безграмотность, безразличие. Какое мне дело до Навроцкого, до Красавцева, когда их тысячи.

- Рано ты складываешь оружие.

- Просто я вижу немного больше. Другая, знаешь ли, площадка.
- Эстрада для оркестра.
- Ты хочешь меня оскорбить?
- Просто я хочу сказать, что ресторан не такая уж высокая площадка для обозрения жизни.

- Тебе остается добавить, что я гнилой интеллигент.
- Не надо говорить за меня, - возразил Миша. - Я могу сам за себя сказать...
- Пожалуйста, говори!
- Могу. Не следует собственные невзгоды превращать в барометр, в мерило жизни всего человечества. Тебе сейчас плохо, да, плохо, трудно. Но это не значит, что наступил мировой потоп. Он еще не наступил. Ты видишь нэпманов, аферистов, взяточников, но жизнь - это не только ресторан «Эрмитаж», жизнь значительно больше, чем ресторан «Эрмитаж». И если кучка паразитов, именно кучка, обворовывает государство, крадет и расхищает народное добро, вряд ли можно быть безразличным.

Этот разговор должен был рано или поздно произойти, он просто откладывается. Все же Генка примирительно сказал:

- Я думаю, вы оба неправы. Безусловно, ты, Славка, субъективен. Нэп - это временно, и нельзя так обобщать. С другой стороны, ломать голову над их делишками тоже не следует. Нам в их коммерции не разобраться, да и есть кому разбираться помимо нас. У нас свои задачи и свои обязанности, мы уклоняемся от них, прямо говорю. Юра и Люда шатаются по ресторанам - разве им место в советской школе? А мы молчим, мы в стороне. Витька Буров разлагает учащихся нашей школы, малолетних, заметьте, - мы опять в стороне, опять молчим.

- Им интересно с Витькой, - сказал Славка, - он их заморозил Крымом.
- Ах, так? У него, у Витьки, значит, романтика, а у нас скучная проза. Это ты хочешь сказать?

- Именно это, - подтвердил Славка.
- Ну, знаешь... Защищать Витьку... - развел руками Генка.
- А что такого? В сущности, он не злой парень.
- Он бездельник! - сказал Миша.
- Не забывай, что у него дома, - напомнил Славка.
- Ах да, отец алкоголик, это - оправдание?
- Не оправдание, а объяснение.
- Витька Буров достаточно взрослый человек, чтобы отвечать за себя самому, а не прятаться за отца алкоголика, и не сидеть на шее у матери, и...

Генка перебил Мишу:

- Тише, тише! Слышите? Говорит Нижний Новгород...

Глава 12

Как только Миша и Генка спустились с крыши, Витька подошел к антенне:

- Что за фигура?
- Антенна для детекторного приемника, - объяснил Фургон.

Витька понятия не имел, что такое детекторный приемник, но показывать свою неосведомленность не хотел, а потому спросил пренебрежительно:

- Ты откуда знаешь?

- Ребята в школе делают. Наушники надевают и слушают радио.

- Ни черта они не услышат!

Так он выразил свое презрение к авторам этой затеи.

Но сама затея обеспокоила: они вторглись в его владения. Крыша - его резиденция; чуланчик - его спальня; чердак - хранилище всего, что собирают они на Крым.

Первым побуждением было сорвать проволоку, сломать дурацкие палки, торчащие над дымовыми трубами и уродующие крышу.

Он этого не сделал. Миша и Генка заявятся снова, поставят палки, натянут проволоку; они не отступятся, Витька их хорошо знает, и если здесь, на крыше, начнутся драки, то он вовсе ее потеряет.

Эти рассуждения свидетельствовали о наличии у Витьки здравого смысла. Однако вид задвижки, сорванной с чердачной двери, привел его в бешенство, он чуть было не вернулся на крышу и не сломал их чертово сооружение. Но уличная, чисто арбатская выдержка победила и на этот раз. Слишком важен для него чердак, чтобы принимать решение, продиктованное желанием отомстить. Чердак - его дом. Родительский дом Витька не любил, не любил отца алкоголика, надоели попреки: когда будешь работать? Когда будешь зарабатывать?.. А что он?! Стоял на бирже труда, очередь на бронь подростков большая, в ФЗУ не послали, в пекарню загнали, к черту на рога, на Разгуляй, являйся к пяти утра. Ночевать ему в пекарне, что ли? Пекарня тесная, душная, грязная - вкалывай! Бросил, вернулся на биржу, а ему: «Не хочешь работать!»

Съездит в Крым, погуляет, а потом устроится на работу, только на такую, чтобы по душе. Завод, фабрика, каждый день одни и те же морды - ни за что! Хотела мать определить к сапожнику - спину гнуть, подметки подбивать. Сапожник - последний человек; в кино и то орут на механика: «Сапожник!», когда части путает или вверх ногами показывает. Вот лифты - это подходяще. Приходил мастер, лазил на чердак, в машинное отделение, Витька увязался за ним. Мастер сказал: летом будут лифты налаживать. Раньше электроэнергии не было, из за этого не пускали, а теперь энергия есть, а мастеров не хватает. Лифты старые, изношенные, поломанные, все растащено, ремонтировать надо, дело тонкое, сложное, а мастеров на всю Москву - раз, два и обчелся.

Витька лазил с ним по чердакам, показывал тросы, блоки, знал, где что лежит, мастер его одобрил, сказал: возьму в помощники, научу, будешь за лифтами смотреть. Налаживать лифты - это да, это устраивало. В доме шесть подъездов - шесть лифтов. Пустит лифт - будут люди подниматься, не пустит - попрут пехом на восьмой этаж. Это придаст ему значительности. Витьке хотелось быть значительным именно здесь, у себя дома. Придут к нему: товарищ Буров, почините, пожалуйста, лифт, не работает, не поднимается, или не спускается, или застрял какой чудик между этажами - потеха! Захочет - починит, не захочет - нет, не починит. И не надо тащиться на завод, толкаться в трамвае. Не только сам себе - всему дому хозяин. Ключи от чердака в кармане, на чердаке - аппаратная будка, никто не имеет права войти, всех с крыши погонит, покажет им палки с проводами, антенны ихние и радио! Сиди себе дома; если что надо, сами за тобой прибегут. После Крыма лифты были второй мечтой Витьки.

Он прохаживался по Арбату, совершал привычный рейс по улице, интересами которой жил, где знал каждый булыжник мостовой, выбоину на тротуаре. Но ничего нового на улице не было, и Витька пошел поесть чегонибудь.

Картина, которую он застал дома, его не удивила, он привык к подобным спектаклям, особенно по воскресеньям.

За столом сидел пьяный отец. Где успел набраться с утра, черт его знает! Витька с неприязнью смотрел на его побуревшее от водки лицо. Плюгавый какой то, грязный, жалкий. Витька его особенно презирал за то, что жалкий. Было стыдно, что у него такой отец. Никто его в доме не уважает. И оттого, что никто не уважает его отца, Витька упорно утверждал себя.

- Дай рубль, говорю, тебе говорю, дай сейчас же, кому говорю?! - бубнил отец.

- Нет у меня рубля, сказала тебе!

Засучив рукава, мать стирала белье в деревянном корыте.

- Кому говорю?! - заплетающимся языком повторил отец, не обращая внимания на приход Витьки, будто тот и не пришел вовсе.

- Хватит, набрался, спать ложись! - сказала мать.

- Мне долг надо отдать... Поняла? Д долг... Д долг чести, поняла?

Отец куражился, показывал, что он городской, а мать деревенская. Он пытался встать, но пошатнулся и опять опустился на табурет.

- Работать надо, а не долги делать. - Мать сильными руками перетирала белье в мыльной пене.

- Я без... безработный... Долг чести...

- Не пил бы, так и не был бы без работы.

- Работа... Я мастер, дура!

- Не мастер ты, алкоголик! Занавески и те пропил. От людей стыдно... Хоть бы куда провалился с моей головы, алкоголик проклятый! Хоть бы тебя, пьяного, трамваем задавило!

- Эт то... Эт то ты на кого?! - Буров опять поднялся, удержался на этот раз в вертикальном положении. - На кого, спрашиваю, на мужа? На мужа, который, значит, тут есть лицо... Такие слова?!

Витька загородил мать:

- Ложись спать, папаня!

Он был одного роста с отцом, но плотнее и сильнее его.

- Ты! Как смеешь?!

Отец поднял кулак, но Витька перехватил его руку.

- Ложись спать, папаня!

Сообразив, что если он вырвет руку, то упадет, Буров отец завопил:

- На отца?! Люди! Народ! Караул! Убивают!

Но люди не откликнулись: в квартире привыкли к скандалам у Буровых. Жили они на первом этаже, крики были слышны во дворе, но и во дворе никто не отозвался: тоже привыкли.

Витька держал руку отца:

- Не смей ее трогать!

Открылась дверь и появился Миша, остановился, молча взирая на происходящее.

- Тебе чего?! - спросил Витька.

- Дело есть.

- Не звали тебя. Чеши!

Буров отец вырвал руку, плюхнулся на табуретку, ударил кулаком по столу:

- Нет! Не уходи, товарищ! Смотри, как сын на отца кидается. Смотри, какие дети пошли. Раньше их ремнем, а теперь нет, права не имеешь.

- Не вовремя вы пришли, - сказала Бурова мать.

- Не уходи! - кричал Буров отец. - Я их, паразитов, иждивенцев, кормлю, пою... И меня же, в моем доме... Куда мне теперь деваться?.. Сын - бездельник, хулиган, отца не уважает, на отца кидается... Убить хочет, смерти моей желает...

- Чего на парня возводишь, - сказала Бурова мать. - Сам ты паразит, бездельник. - Она обернулась к Мише: - Меня ударить хотел, а Витя не дал. Разве сын позволит мать бить?

- Ты зачем с ним разговариваешь? - нахмурился Витька. - Он кто? Лезет тоже! Убирайся, уходи! Сказали тебе!

- Может, и ты со мной выйдешь? - сказал Миша.

- Зачем?

- Поговорим.

- Не о чем. Звали тебя? Иди!

- Будь здоров! Только не шумите так, на весь двор.

- Не твое дело! - отрезал Витька.

Глава 13

Комбинация Навроцкого была проста. На фабрике высококачественный товар оформляется как бракованный или третьесортный. Сбывая его частникам по цене, во много раз превышающей фабричную, Валентин Валентинович заработал столько, что был вполне подготовлен к возвращению России к капитализму, а о том, что Россия к нему возвращается, свидетельствовал нэп: восемьдесят пять процентов розничной торговли уже в частных руках.

Надо получить на фабрике еще пять вагонов мануфактуры. Такой куш решит проблему, позволит уйти в тень и дожидаться, когда новая экономическая политика окончательно вернется к старой, дореволюционной. Объявили, что отступление кончилось, усилили налоговый пресс, нажимают на частника - все это временное, государство делает отчаянные попытки сохранить теряемые позиции. Бесполезно, против законов экономического развития не попрешь, без частной инициативы не обойдешься.

Он финансовый гений, потенциальный промышленный магнат, попавший в условия социальной революции. Уехать на Запад? Судьба русских эмигрантов его не устраивала. Они не предвидели будущего России, они близоруки, а он прозорлив. Он завершает свой период первоначального накопления, возвращает себе то, что государство отобрало у других. Кому принадлежала эта фабрика? Братьям Бутиковым. По какому праву Советская власть отобрала ее? Для создания нового общества? Прекрасно! Теперь он отбирает отобранное для возвращения к старому обществу.

Такова конечная цель. А конкретная задача - получить пять вагонов мануфактуры. Но на пути встал инженер Зимин, велел задержать вагон, хотел проверить товар, теперь требует документы. Но инженер при всей своей барской внешности, по видимому, не так уж неприступен. Вечер в ресторане и Люда - первый шаг. Люда премилая девица, хотя ее «маман» Навроцкому еще больше понравилась. Но «маман» смотрит на него пустыми глазами, еле отвечает на поклон. Люда перспективнее, у нее к нему какой то интерес, остается его развить. Девочка неглупа, держится достойно, даже аристократично; как и он, уязвлена действительностью. Он еще не разобрался, как действуют на нее его рассказы и философия, но то, как он

отодвинул плечом Альфонса Доде, подействовало наверняка. Девочке нужен герой. Бьен! Он и есть герой.

Валентин Валентинович требовал от людей уважения, которое он испытывал сам к себе, высоко ценил свою репутацию; она нужна ему не только в будущем, но и в настоящем: охраняет, внушает уверенность и спокойствие. Он никого не боится, но всегда начеку, собран, мобилизован - чужая неприязнь не бывает случайной, надо знать, что за ней скрывается, - удар, даже самый слабый, может иметь губительные последствия.

Миша Поляков смотрит волчонком! Почему? Усек с вагоном? Сомнительно. Шокирует модный костюм. Ведь они ходят в косоворотках и кожаных куртках. Ну, уж такое он на себя не напялит, такая мимикрия ни к чему. И вообще, к черту этого мальчишку, молокосос, не стоит о нем думать...

Однако этот мальчишка испортил ему настроение. Что то непримиримое во взгляде, такого не купишь, на промышленного магната он работать не будет. Навроцкий знал, как разговаривать с фининспектором, даже со следователем. Миша представлял не власть, а идею, мораль, нравственность, а к этому у Валентина Валентиновича ключа не было.

В плохом настроении Навроцкий никогда не признавался, у него нет права на плохое настроение. Свое нынешнее настроение он называл не плохим, а лирическим.

Он так и сказал Юре, когда они встретились у ресторана «Эрмитаж»:

- У меня, мой друг, сегодня лирическое настроение. Мы не пойдем в этот вертеп. Мы честные труженики, и я не желаю сидеть рядом с гориллами и мандрилами. Мы пойдем к артистам. Ты собираешься стать Рудольфе Валентине, я в душе поэт.

Так они очутились у маленького кафе «Эклер» - название несколько странное для места, где собирались артисты и поэты.

Перед слабо освещенным входом Валентин Валентинович задержался.

- «Эклер»! Много сладкого, жирного крема. Ты любишь крем? Или предпочитаешь чтонибудь другое? Мороженое, например? Или чтонибудь покрепче?! Неудачное название. Но здесь ты убедишься, что содержание не всегда соответствует форме.

По крутой каменной лестнице они спустились в низкое, тесное, прокуренное помещение со сводчатыми потолками. За маленькими столиками чудом умещались кучи людей. На возвышении, заменявшем эстраду, молодой человек небрежно и виртуозно перебирал клавиши пианино.

Пробираясь между тесно стоящими столиками, Юра поздоровался с Эллен и Игорем Буш, сидевшими в шумной молодой компании.

- Кто это? - спросил Валентин Валентинович, когда они наконец втиснулись между стеной и чьими то спинами и уселись за столик, добытый Навроцким с великим трудом.

- Знаменитая цирковая пара - Эллен Буш и ее брат Игорь.

- Откуда ты ее знаешь?

- Знаком, - загадочно ответил Юра, но не удержался и добавил: - В нее втрескался Мишка Поляков.

Валентин Валентинович поднял брови:

- Смазливый мальчишка, но для такой королевы?! - Он нахмурился. - Мне не нравится твой Миша Поляков.

- Мой?! Я его сам терпеть не могу. А вы его хвалили, он вам очень понравился.

Не обращая внимания на упрек, Валентин Валентинович продолжал:

- У него слишком тяжелый взгляд. Даже странно в таком юном возрасте. Я не люблю, когда на меня так смотрят.

На эстраде небритый поэт в рваных сандалиях на босу ногу, завывая, читал стихи о том, как замечательно быть дикарем, ходить по Африке нагишом с одной только бамбуковой палкой... «И бей по голове бамбуковой палкой...» - это при встрече с врагом. «Ее тихонько оглушь и делай с нею все, что хочешь...» - при встрече с женщиной.

- Да, мой друг, - сказал Валентин Валентинович, - мы честные труженики и, как кто то сказал, должны стоять над схваткой.

- Это сказал Ромен Роллан.

- Молодец Ромен Роллан! Хорошо сказал! Однако...

Он задумался, помешал ложечкой в чашке и с горечью заключил:

- Однако некоторые, как будто неглупые интеллигентные люди все еще в плену сословных предрассудков. Революция их ничему не научила. Я не все принимаю в нашей действительности. Больше того, я расхожусь с ней в ряде вопросов. Но, мой друг, согласись, что сословные предрассудки - это мешанство.

- О ком вы говорите?

- Понимаешь, для некоторых слово «агент заготовитель» звучит несолидно, слишком плебейски... Какой то там агентик...

- Кто может так мыслить в наше время!

- В общем, банальная история - я влюбился, - признался Валентин Валентинович.

- Без взаимности?

- Допускаю.

- Этого не может быть. Что вас смущает?

- Ну, хотя бы разница в возрасте. Мне двадцать пять, ей семнадцать.

- Мой папа старше мамы на двенадцать лет.

- Еще одно: ей надо учиться.

- Пусть учится, чему это мешает?

- Слушай, а ты о ком? - спросил Валентин Валентинович.

- О той, в которую вы влюблены.

- Кто она?

Юра с недоумением посмотрел на Валентина Валентиновича:

- Я думал, это Люда...

- Ты угадал. А как ты угадал?

- Это совсем не трудно угадать. В нее многие влюблены.

- А она?

- Ни в кого.

- А ты в нее не влюблен?

- Был, - признался Юра, - но потом надоело: снежная королева с принципами.

Хорошая вообще девчонка и хорошенькая, а вот какая то очень одинокая.

- Да? При таких родителях?

- Возможно, в родителях как раз все дело, - ответил Юра. - Они несовременны.

- В каком смысле?

- Папаша знает три языка, мамаша - два.

- Ты прав, мой друг, это чересчур.

- И при всем том, - продолжал Юра, - поразительная детскость, инфантильность.

До сих пор устраивают елку, вы подумайте! И веселятся, как дети. Папаша стоит на табурете, украшает, мамаша тайком готовит подарки, утром их находят под елкой, все в диком восторге - их, видите ли, подложил Дед Мороз... Вот в такие игры они до сих пор играют, и не только на рождество, а при любом случае...

Валентин Валентинович медленно потягивал кофе, помешивая его ложечкой, задумчиво посматривал в зал. Взгляд его задержался на Эллен Буш.

- Красавица окружена циркачами, я их узнаю по физиономиям.

- Да, вероятно.

- Один к ней очень внимателен.

- Это ее брат.

- Нет, ведь брат тот, блондин, ты с ним поздоровался.

- Да.

- А я имею в виду шатена, видишь, такой крепкий парень. Впрочем, все они крепкие ребята. Боюсь, что шансы нашего Миши очень малы.

- Шансы... - Юра презрительно скривил губы. - Аскет, как все они... «Любовь возможна только на общей идейной основе». Какая же может быть общая идейная основа с циркачкой? Она даже не комсомолка.

- Но ты сам сказал, что он в нее влюблен.

- Тайком, вопреки собственным убеждениям.

- Да, мой друг, - сказал Валентин Валентинович, - я уже имел случай тебе говорить: папиросы «Ира» не все, что осталось от старого мира. Остались страсти человеческие... - Он поднял палец. - Извечные, непреходящие страсти; важно не быть их рабом... Я должен работать, должен делать свое будущее, но и мне хочется спокойствия, уюта, заботливой женской руки. С тринадцати лет я зарабатываю свой кусок хлеба, я пережил мировую войну, гражданскую, потерял родителей, меня швыряло, как щепку, я устал. Но, - он развел руками, - в этой семье несколько поколений носили форменные инженерные фуражки. А я? Я простой агентик. У меня даже нет родословной. У лошадей есть родословная, а у меня нет. Какая родословная может быть у агентика? Он возникает из ничего, снабжает! Разве порядочные родители отдадут свою дочь человеку, возникшему из ничего?

Юра пожал плечами:

- Родители? Кто с этим считается?

- Я считаюсь! - воскликнул Валентин Валентинович. - Я в этом смысле консерватор. Я хочу не семейных раздоров, а семейного согласия.

- Ольга Дмитриевна к вам благосклонна, мне кажется, благодарна за тот случай во дворе, - сказал Юра, - она добрая и делит людей только на хороших и плохих. Середины нет. Вас она наверняка относит к хорошим.

- Она - возможно. А Николай Львович?

- Да, перед ним как то робеешь, и все равно Ольга Дмитриевна главная. А Люда еще главнее.

- Да, все сложно, очень сложно, - задумчиво проговорил Валентин Валентинович, - и все же... И все же... И все же ты меня обнадежил. Да, да, представь себе: ты меня обнадежил.

- Что ж, - сказал Юра, - мне это очень приятно слышать.

- И я тебе скажу, чем ты меня обнадежил, - продолжал Валентин Валентинович, - но прежде всего извини меня, не обижайся, я решительно не разделяю твоей иронии.

- Иронии?

- Ты пренебрежительно отозвался о елке у Зиминых, а я, например, на этом вырос, мой друг. Елка - это мое детство. У меня сердце защемило, когда ты заговорил об этом.

- Вы меня не так поняли, - попытался оправдаться Юра. - Когда то ж у нас устраивалась елка, но Люда выросла из этого, а ее родители тем более.

- Нет, мой дорогой, - покачал головой Валентин Валентинович, - не надо кривить душой; в данном случае ты поддался нашему прозаическому времени: елки нынче не в моде. Ты не устоял перед этим, а Зимины устояли... И это вызывает еще большую симпатию к ним и уважение, если хочешь.

- И мне они нравятся... Я просто хотел...

- Украшают елку, - перебил его Валентин Валентинович. - Это так прекрасно, так человечно. Играют - это чудесно! Ты ходишь со мной на бега - неужели только ради выигрыша?

- Ну что вы! - Возмущение Юры прозвучало не слишком натурально.

- Меня на бегах привлекает прежде всего зрелище. Люблю лошадей, их бег!.. - продолжал Валентин Валентинович. - Тотализатор для меня не деньги, а именно игра, азарт, риск, рад выигрышу, самому пустяковому... И подарки под елкой: грошковые - а сколько радости! Сюрприз, неожиданность, знак внимания...

Завывающего про Африку поэта сменил другой, в рубахе навыпуск, в лаптях, онучах; читал что то про деревню, тихо, задумчиво. Что именно читал, слышно не было.

Валентин Валентинович пристально посмотрел на Юру:

- Можешь оказать мне услугу?

- Какую?

- Так друзьям не отвечают. Если друг просит оказать услугу, ему отвечают: пожалуйста, любую!

- Пожалуйста, любую, - улыбаясь, повторил Юра.

Валентин Валентинович вынул из внутреннего кармана пиджака плоскую коробку, обтянутую сафьяном. В ее углублениях блестели инструменты для маникюра: ножнички, щипчики, пилочки.

Любуясь набором, Валентин Валентинович сказал:

- Из Парижа, последнее достижение косметической техники. Хочу презентовать Ольге Дмитриевне. Но как это сделать?

- Подарите.

Валентин Валентинович поморщился:

- Это невозможно: она не возьмет. Нужно именно то, о чем мы с тобой говорили, - игра, веселая игра, в этом весь смысл. Нужен сюрприз, что то таинственное, загадочное. Ты бываешь у них, положи это незаметно на трельяж Ольге Дмитриевне.

- Я?! - Юра был поражен. - Это невозможно...

- Почему?

- Я редко бываю у Люды, и всегда кто то есть дома, хотя бы та же Люда. Как я пройду в спальню к Ольге Дмитриевне? Проще попросить Люду.

- Нет, - разочарованно протянул Валентин Валентинович, - Люда откажется так же, как и ее мама... И потом, теряется игра, пропадет эффект... - Он вдруг оживился: - Слушай! Я видел, как мальчишки лазают по пожарной лестнице, она как раз возле окон Зиминых. Днем квартира пуста. Николай Львович на работе, Люда и Андрей в школе. Ольга Дмитриевна уходит в магазин, на базар, в парикмахерскую. В общем,

можно выбрать время... Подняться по лестнице, влезть в окно, положить коробку. А?

- Прекрасный план, - согласился Юра, - но кто его осуществит?

- Как кто? Ты!

- Я?! - Юра совсем опешил. - Но днем я тоже в школе или на фабрике.

- Ты трусишь! Боишься подняться по лестнице. Сегодня на моих глазах Миша Поляков поднялся на крышу, да еще с шестами в руках, с проволокой для антенны на шее. Вот в чем их преимущество - они знают, чего хотят, и добиваются своего. Ты боишься Витьку Бурова, а он нет. Он защитил бедного Андрея, а ты не двинулся с места. И ты надеешься выиграть у них жизнь? Нет, мой дорогой, ты ее проиграешь, будешь в итоге плясать под их дудку, потому что сила у них, а не у тебя.

- Я тысячу раз поднимался по этой лестнице, - соврал Юра, - но я не могу уйти из школы.

- Ты ничего не хочешь для меня сделать, - с горечью произнес Валентин Валентинович. - Прекрасно, так и отметим. Очень хорошо, прекрасно. Я сам залезу в окно и положу набор.

- На глазах у всего дома?

- Я влюблен и готов на любые сумасбродства, - капризно проговорил Валентин Валентинович. - Я хочу вписаться в стиль этой семьи. Этот стиль - добрая и хорошая игра.

Эллен и циркачи поднялись и направились к выходу.

Валентин Валентинович проводил ее задумчивым взглядом и сказал:

- Ради нее Миша залез бы на Эйфелеву башню.

- Вы глубоко ошибаетесь в Мише и когданибудь в этом убедитесь.

- Что ты имеешь в виду? - настороженно спросил Валентин Валентинович.

- Ничего конкретно... Вы сами только что сказали, что он вам не нравится, а теперь превозносите его.

- Во всяком случае, будь он моим другом, он бы мне не отказал, поднялся бы по лестнице и положил набор.

- Может быть, попросить когонибудь из ребят во дворе? - предложил Юра.

- Довериться Витьке Бурову? Показать ему дорогу в квартиру Зиминых? Ты отдаешь себе отчет в том, что говоришь?

- Но я ищу вариант, - ответил Юра.

Валентин Валентинович ударил себя ладонью по лбу:

- Эврика! Ты говорил, что в школе вы храните свои вещи в ящиках.

- Да, в таких клетках, они стоят в коридоре.

- Значит, в клетке лежит и портфель Люды?

- Да.

- А в портфеле ключи от квартиры?

Залезть в чужую клетку, взять ключи, войти в чужую квартиру - нет, на это он не пойдет ни за что!

- Я не понимаю.

- Боже мой, так просто, - нетерпеливо продолжал Валентин Валентинович. - Возьмешь ключи, передашь мне, я за час все сделаю, положу набор, верну тебе ключи, ты их положишь обратно в портфель, и решена проблема.

Юра облегченно вздохнул: в чужую квартиру ему входить не придется... И все же - воровать ключи... В коридоре всегда кто то есть.

- А что будет потом? Ведь Зимины будут выяснять, как к ним попал набор?

- Ну, это уже пустяки! Для полной ясности я привяжу к коробке два цветка. Зимины все поймут, у них есть чувство юмора, чувство игры. И они не будут выяснять, как и каким образом он попал к ним.

- А если все же будут?

- Тогда мое разоблачение неизбежно, - весело объявил Валентин Валентинович.

- И что тогда?

- Вот тогда я скажу, что взобрался по пожарной лестнице. Это будет выглядеть очень весело и романтично. И расположит ко мне и Люду и Ольгу Дмитриевну. И, возможно, тронет черствое сердце Николая Львовича.

Глава 14

Открыть чужой портфель, взять ключи от чужой квартиры...

Дурацкая затея, идиотская причуда... К чему?! Люда не выйдет за него замуж, даже если он поселится на этой пожарной лестнице. «Влюблен, способен на сумасбродство, игра...» Странно слышать это от такого человека! Кретинизм, сопли, сантименты! А может быть, и не сантименты? И нет особой влюбленности? Нужна не Люда, а Николай Львович, нужна не жена, а мануфактура. Кто он такой, в сущности? Ординарный снабженец, несмотря на лоск, шик, респектабельность; плебей, хотя и произносит это слово с иронией. «Сюрприз» - словечко из Замоскворечья. Принеси! Сморозь какуюнибудь банальность - для ваших прелестных пальчиков, Ольга Дмитриевна! Ведь не бриллиантовое кольцо дарит. Копеечная коробка с ножничками и пилочками. У его, Юриной мамы, десятков таких ножничек, щипчиков и пилочек. И нечего устраивать спектакль.

Так размышлял Юра, сидя за письменной работой в кабинете литературы. Блестящее майское солнце слепило глаза, тишина класса усыпляла, поскрипывали перья, шелестели перелистываемые страницы.

Генка с шумом отодвинул стул, собрал тетради и пересел на другое место.

- Ты что, Петров? - спросил преподаватель.

- Не хочу сидеть рядом с Зиминной.

- Почему?

- Всю школу провоняла своими духами.

- Сиди где хочешь, - недовольно проговорил Виктор Григорьевич.

- И потом, Виктор Григорьевич, я хочу переменить тему.

- Какая у тебя тема?

- Крестьянство в изображении Тургенева.

- Она тебе не нравится? Почему?

- Крестьянство надо изучать не у крепостника Тургенева.

- Тургенев был против крепостного права, - заметила Зина Круглова.

- Все равно! Литература должна объяснять историю с правильных идейных позиций.

- Литература не объясняет историю, а воспитывает человека, - сказала Зина Круглова.

- Сейчас не диспут, - сказал Виктор Григорьевич, - занимайтесь! Тема за тобой, Петров. Можешь изложить в ней свою точку зрения.

Тишина вернула Юру к его горестным мыслям. Приближалась перемена, а ровно в одиннадцать он должен вынести Валентину ключи.

Надо было сразу отказаться. Категорически! Не мямлить, не канючить. На глазах у всей школы открыть чужой портфель, взять ключи - он что, с ума спятил или считает его идиотом?

Не выходить! Сказать потом, что были заперты двери. Или выйти, но объявить, что в коридоре были ребята и он не смог взять ключи. Или еще лучше: портфеля не было в клетке, Люда взяла его в класс. Мысль!.. Впрочем, Валентин наверняка скажет: «Хорошо, сделай это завтра».

Нет, нет, нет! В такую авантюру он не ввяжется. Вышибут из школы. За месяц до окончания, спасибо! Конечно, если он попадется, можно наврать, что он хотел положить Люде в портфель записку, Люда выручит, подтвердит... И все же надо объясняться, оправдываться; они будут сидеть на учкоме с каменными лицами, будут допрашивать, выпытывать, читать нотации... Даже если в школе все сойдет благополучно, то неизвестно, как получится у Валентина. Войдет в дом, а тут явится Ольга Дмитриевна. Не поверит же она, что он влез в окно по пожарной лестнице.

Прозвенел звонок. Юра вышел в коридор, посмотрел на клетки.

Клетками назывались стеллажи, разделенные на открытые ящики, над каждым - бумажка с фамилией владельца. Сюда складывали книги, тетради, чертежи, личные вещи; клетки неприкосновенны, взять что либо, даже заглянуть в чужую клетку считалось преступлением.

Юра подошел к своему ящику, сделал вид, что перебирает там что то, взглядом примерился к клетке Люды: достаточно протянуть руку, чтобы взять ее портфель. Портфель приоткрыт. Люда не защелкнула его, просто втиснула в ящик.

По коридору бегали ребята, толпились у кооператива - столика, на котором разложены тетрадки, карандаши, ручки, чернильницы, линейки, циркули, транспортиры, стиральные резинки.

Один из школьных анахронизмов, которые так презирал Юра, кооператив сохранился с донэповских времен, когда тетради и карандаши добывались с трудом и распределялись учкомом среди учеников. Теперь все можно купить в любом магазине в большом выборе, хоть и на копейку две дороже. Но кооператив остался: не надо, видите ли, покупать у нэпманов и тем поддерживать частный капитал, а главное - традиция, которую надо сохранить во всей ее чистоте и неприкосновенности.

Как надоело! Одно и то же из года в год, из класса в класс. Такие нелепости! Валентин затевает глупую историю, но в ней хотя бы проглядывается личность, индивидуальность; он не боится войти в чужую квартиру, положить набор; он вырос в другое время - в то далекое время устраивали маскарады, шутили, мистифицировали и ничего не боялись. Почему же он, Юра, должен жить по чуждым ему законам? На диспуте он декларировал свою независимость, свое желание быть самим собой. Вот он и будет самим собой. Его приятель влюблен, хочет сделать подарок, делает в не совсем обычной шутиливой форме. Что предосудительного?

Прозвенел звонок. Все потянулись в классы и кабинеты. Коридор опустел.

Юра вынул из клетки портфель, открыл, вытащил ключи, один большой, другой маленький для французского замка, положил в карман, поставил портфель в ящик и спустился по лестнице.

На первом этаже, у вешалки, он столкнулся с Сашей Панкратовым.

- Ты куда? - спросил Саша. На рукаве у него была красная повязка - знак дежурного по школе.

В другой ситуации Юра не обратил бы внимания на эту мелюзгу, хотя и с красной

повязкой на рукаве. Но страх еще не прошел, и он растерянно пробормотал:

- Я выйду на минутку, отдам отцу ключ от квартиры, свой он потерял. Сейчас вернусь.

Валентин Валентинович уже ожидал его, Юра передал ключи.

- Когда у вас обед?

- С двенадцати до часу.

- Без четверти час я верну ключи.

- Только не опоздайте, а то двери закроют.

- Не беспокойся! Может быть, приду раньше.

- Это было бы очень хорошо.

- Пока!

- Пока!

В дверях стоял Саша Панкратов. Идиот!

- Ты чего здесь торчишь?!

- Запереть дверь.

- Я могу это сделать сам.

Юра вошел в школу.

Саша запер дверь.

Предстояли два часа томительного ожидания. Надо делать физику, но Юра пошел в исторический, там занималась Люда: не выйдет ли она к своей клетке, вдруг потребуется портфель...

Люда конспектировала, из кабинета не выходила.

Звонок возвестил большую перемену. Выкрикивая «Распределение! Распределение!», все высыпали в коридор, понеслись вниз по лестнице, яростно застучали кулаками в закрытые двери столовой: «Распределение - открывай!..»

Яша Полонский прокричал:

Девочки прелестницы,
Не ломайте лестницы!
Мальчики соколики,
Берегите столики!

Двери открылись. Расталкивая друг друга, ребята ворвались в столовую, уселись за длинные, покрытые клеенкой столы. Во главе стола - кастрюля с супом, по краям - алюминиевые миски и ложки, в середине - блюдо с ломтями черного хлеба, его тут же расхватили, каждый стремился получить горбушку...

Юра вышел из класса за Людой.

Люда вынула из клетки портфель, сунула в него тетрадки, положила обратно. Слава богу! Теперь возьмет его только после обеда...

Единственным украшением столовой был плакат: «Хорошо прожеванная пища идет впрок». Внизу карандашом было приписано: «Что такое прок?»

Ребята стучали ложками по столу:

- Распределение - распределяй!

Яша Полонский взобрался на скамейку:

Перестаньте шуметь!
Бросьте разговаривать!

Пищу надо переваривать.
Тише - эти, ша - и те!
Вы жевать мешаете!

Дежурные в халатах разливали суп по мискам. Кит большим кухонным ножом разрезал на противне блинчатый пирог.

- Что это такое? - Юра брезгливо ткнул вилкой пирог.

- Блинчатый пирог.

- Где же мясо?

- Он с кашей.

Юра отодвинул миску.

- Дрянь, завернутая в гадость!

- Ты, наверно, лебеду пополам с соломой не лопал? - спросил Генка.

- Извини, не ел ни соломы, ни сена.

- Недобитый контрик! - бросил ему вслед Генка.

Ребята стучали ложками по столу:

- Добавки! Добавки!

Миша окликнул Шныру и Фургона:

- Панфилов! Зимин!

Они подошли.

- Ведь вы знали, что финка не моя, а Витькина. Почему молчали?

И на этот раз Шныра и Фургон молчали. Что они могли сказать?

- Непонятно, в какие игры вы с ним играете? - сказал Генка. - Он вдвое старше вас. Пируете вместе. На какие деньги? Воруете?

- А ты видел? - осмелел Шныра.

- Трусоеды вы несчастные, - сказал Миша, - еще раз продадите, мы с вами такое сделаем - пух полетит. А теперь катитесь!

Шныра и Фургон поспешили это сделать.

- Зря ты их так отпустил, - сказал Генка.

- В угол поставить?

- Гнать из школы к чертовой матери!

- Всех поисключаем, один Генка останется, - усмехнулся Миша.

Глава 15

Юра вышел на улицу. Валентина не было. Правда, еще только половина первого, но все равно Юра нервничал.

Вышла из школы Люда с девочками, ребята помчались на спортплощадку. Миша и Генка присоединились к тем, кто играл в итальянскую лапту.

Юра посмотрел на часы. Черт возьми! Без четверти час.

Люда прохаживалась по двору с подругой. Юра не спускал с нее глаз: если она попытается вернуться в школу, он во что бы то ни стало задержит ее до прихода Валентина, оставит с Валентином и в это время положит ключи.

Валентин Валентинович появился без десяти час.

Юра пошел ему навстречу.

- Ну как?

- Все в порядке, - весело ответил Валентин Валентинович, возвращая Юре ключи.

- Если можно, задержите на несколько минут Люду.

- Это нужно?

- Нужно.

Валентин Валентинович подошел к Люде, поздоровался, познакомился с подругой...

Юра вошел в школу, поднялся по лестнице, коридор был пуст, вложил ключи в портфель Люды, засунул портфель на место.

Страхи его казались теперь смешными. Идиот, психопат, истерик, паникер! Как весело и уверенно держался Валентин Валентинович! Да, человек!

На последнем уроке Миша объявил, что сегодня заседание учкома. Все члены учкома обязаны явиться; могут остаться и желающие.

Юра не был ни членом учкома, ни желающим остаться. Но после занятий, собирая книги у своей клетки, он услышал, как один паренек сказал другому:

- Я останусь на учкоме.

- А что будет?

- Кто то у кого то чего то спер из клетки.

Юра похолодел. Впрочем, если о нем, то почему его не вызвали?

К клеткам подошли Миша с Генкой.

Миша как то странно посмотрел на Юру, а Генка сказал:

- Между прочим, и тебе не мешает остаться на учкоме.

- Зачем? - с замирающим сердцем спросил Юра: боялся, что сейчас он услышит про портфель.

Но Генка сказал только:

- И тебя касается.

Юра пожал плечами:

- Не понимаю...

- Там поймешь!

В красном уголке было душно, набилось много ребят. Тянуло на улицу.

Миша поторопил Генку:

- Давай, что у тебя, только покороче!

- Диспут о мещанстве ничего не дал, - сказал Генка. - Обывательщина нас захлестывает, отрицательные явления множатся. Известный всем Витька Бурков, воровская кличка Альфонс Доде, продолжает разлагать младшекласников, а мы никак не реагируем. Есть и другие факты, совсем свежие, - он посмотрел на Юру, - но о них потом...

Ждать, томиться два часа, пока дойдут до него? Нет, пусть уж сразу!

- Почему потом? Говори сейчас! - сказал Юра.

- Успеешь! Так вот, продолжаю. - Генка вынул из сумки тетрадь в коленкором переплете. - Сейчас я прочитаю стихи, которые пишут учащиеся шестого класса - кстати, пионеры. - Генка перелистал тетрадь.

- Вот: «Розы тогда расцветали и пели тогда соловьи, когда мы друг друга узнали, то были счастливые дни». Дальше! «Пускай другую ты ласкаешь, такую гордую, как я, но, может, счастье потеряешь и вспомнишь обо мне тогда». Это пишет ученица советской школы и пионерка. - Генка перевернул еще несколько страниц. - «Ты не знаешь, что я тайно страдаю, ты не знаешь, что я тайно люблю, к тебе подойти я не смею, люблю, но сказать не могу»... А вот еще: «Вспомни минувшие годы, вспомни минувшие дни, вспомни денек тот веселый, когда познакомились мы». Мало?

Пожалуйста! «Не плачь, когда крылом могучим твой горизонт тоска затмит, не верь ты этим грозным тучам, за ними солнышко блестит». И рисунок.

В тетради было аккуратно нарисовано сердце, пронзенное стрелой.

- Зоя Новикова, это твои стихи? Ты их сочинила?

- Я их не сочинила, а переписала, - ответила Зоя Новикова, хорошенькая девочка с падающей на лоб челкой.

- У кого?

- Не скажу.

- Как так не скажешь?

- Так, не скажу.

- Мы хотим знать, кто в школе распространяет эту пошлость.

- А я все равно не скажу.

- Значит, ты укрываешь пошляков и мещан и сама мещанка.

- Я не мещанка, просто у меня было плохое настроение, и я переписала.

- Плохое настроение? - поразился Генка. - Но ведь ты пионерка! Разве у тебя может быть плохое настроение?

- А когда ты получаешь «неуд», у тебя хорошее настроение? - спросила Зина Круглова.

- Я комсомолец, и у меня всегда хорошее настроение.

- Брось губами шлепать! - сказал Яша Полонский.

- Генка, откуда у тебя эта тетрадь? - спросил Миша.

- Это не имеет значения.

- Зоя, ты давала Генке тетрадь?

- Нет! Ее вытащили из моей клетки. Кто вытащил, не знаю, хотя подозреваю.

Юра на минуту воспрянул - вот, оказывается, о чем речь!

- Кого подозреваешь? - спросил Миша.

- Не скажу, - ответила Зоя Новикова.

- Но ты утверждаешь, что тетрадь вытащили из клетки, настаиваешь на этом?

- Утверждаю и настаиваю.

- Подумай, вспомни: может быть, ты комунибудь ее давала?

- Никому не давала, ее у меня вытащили из клетки.

Каждый раз, когда произносилось слово «клетка», Юру словно обжигало, точно говорили о нем самом... Может быть, еще заговорят. Наверное, заговорят. Их манера! Сначала накалят атмосферу этим случаем, а потом перейдут к нему. Если за то, что вытащили стишки, объявят выговор, то за ключи... Тут они разыграются.

Дело принимало серьезный оборот.

Генка сказал:

- Тетрадь мне дала Лара Усова.

- Так я и знала! - торжествующе объявила Зоя.

Все посмотрели на Лару, чернявую девочку с узко поставленными глазами.

- Как к тебе попала эта тетрадь?

Опустив глаза, Лара молчала.

- Ты мне сказала, что ее тебе дала Зоя, так? - сказал Генка.

Лара молчала.

- Украла?

- Я случайно, по ошибке, - прошептала Лара, - наши клетки рядом.

- Почему обратно не положила?

Лара молчала.

- Зачем Генке отдала?

Лара метнула на Генку быстрый взгляд, но ничего не ответила.

- Нет, скажи! - потребовал Генка. - Я что, просил тебя? Отвечай!.. Ведь ты сама подошла ко мне и сказала: вот Зоя сочинила стихи, почитай, для стенгазеты... Так ты сказала или нет? Отвечай!

Лара молчала.

Генка вскипел.

- Мало того, что крадешь! Ты еще и обманываешь!

Лара начала всхлипывать.

- Реви, реви громче! - сказал Генка. - Преступники всегда режут, как белуги, это помогает.

«Черт возьми, - с тоской думал Юра, - скорее бы они кончили с этим».

- Что решим? - спросил Миша.

- Ларе бойкот на семь дней, - предложила Зина.

- А Генке?

- Мне за что? - поразился Генка.

- Читаешь чужие дневники.

- Нет, погоди, - заволновался Генка, - нельзя, знаешь, так, за здорово живешь... «Что Генке?» В чем мое преступление?

- Повторяю: читаешь чужие дневники.

- Но ведь мне его дали, сказали: посмотри для стенгазеты. Я не знал, что его украли. Думал: Зоя всем дает читать свои стихи, дала Ларе, Лара дала мне.

- Прежде чем выносить стихи на обсуждение, ты должен был спросить разрешения у Зои: это ее собственный, личный дневник.

- Что значит личный? - возразил Генка. - А если бы там было написано, что Зоя знает о каком то преступлении, то и тогда я должен молча вернуть ей дневник, и все? Нет, я это понимаю по другому.

- Демагогия! - рассердился Миша. - Стихи плохие, но ничего преступного в них нет. А вот выкрасть из чужой клетки - преступление. Вынести их на учком - способствовать преступлению.

- Но ведь я не знал, что их выкрали! - закричал несчастный Генка. - Я хотел как лучше. Должны мы бороться с мещанством или нет?

- Генка совершил ошибку, поступил неэтично, но все же его не за что наказывать, - сказала Зина Круглова.

Обращаясь к Зое, Яша Полонский продекламировал:

Милая, кроткая, нежная,
Вся воплощенье мечты,
Нравится мне твоя муза унылая,
Только вот Генке не нравишься ты!

- Ладно, - сказал Миша, - я не настаиваю на взыскании Генке, но пусть будет осмотрительнее. Что у тебя еще, Генка?

- Еще... Вот случай, не далее как сегодня...

Юра напрягся - это, конечно, о нем.

- Не далее как сегодня, за обедом, Юра не стал есть пирог - больше того, назвал

его дрянью, завернутой в гадость. И это в то время, когда страна только выходит из голода и разрухи, когда миллионам людей в Поволжье и других краях недостает куска хлеба. Такое заявление - возмутительное барство, нетерпимое в нашей среде!

Теперь все смотрели на Юру.

- И за этим вы меня вызвали? - спросил Юра, еще не веря, что все оказалось такой ерундой.

- Тебя не вызывали, а посоветовали прийти.

- И больше вам нечего сказать?

- Кому это вам? - спросил Миша. - Ты что, отделяешь себя от нас?

- Знаешь, Миша, могу ответить тебе твоими же словами: не надо демагогии!

Генка, больше ты ничего не хочешь мне сказать?

- Этого тебе мало?!

- Тогда всеобщий привет!

Юра махнул рукой и вышел.

- Вот, пожалуйста, - сказал Генка, - демонстративно покинул заседание учкома.

Так оставлять нельзя.

Зина Круглова предложила:

- Выговор ему за барство, за игнорирование учкома.

- Голосуем, - сказал Миша.

Все подняли руки.

Ободренный тем, что в этом случае он оказался прав, Генка деловито спросил:

- Что будем делать с Витькой Буровым и его компанией? Может быть, передать в СПОН?

- Давайте пока ничего не решать, я попробую с ними поговорить, - сказал Миша.

- Ты уже пытался говорить с Витькой. Что получилось? - возразил Генка.

- Попробую еще раз.

Глава 16

Разговор с Витькой действительно не получился. Но то, что увидел тогда Миша, внесло в его представление существенную поправку: Витька защищал мать от пьяного отца.

После учкома, вечером, Миша отправился к Белке.

По узкой лестнице с выщербленными цементными ступенями спустился в подвал, открыл дверь с ободранной обшивкой из грязной мешковины и очутился в темном коридоре со скользкими стенами, пропитанном гнилыми запахами сырой штукатурки, нищего жилья, вонючего тряпья, подгоревшего подсолнечного масла.

Комната тоже была сырой, полутемной, с голыми стенами, низким, сводчатым потолком, придававшим ей вид кельи.

Под потолком тускло серел маленький прямоугольник окна, выходящий в яму, прикрытую со двора металлической решеткой.

На постели, застланной тряпьем, сидела тетка или бабушка Белки - нищая старуха, побирушка. За квадратным, грубым, голым столом на табурете - Белка.

Табурет был единственным. Миша стал, прислонившись к косяку двери.

Белка исподлобья посмотрела на него и отвернулась.

Старуха, бормоча, перебирала тряпье на кровати.

- Слушай, Белка! - сказал Миша. - Как твое настоящее имя?

- Белка! - вызывающе ответила девочка.

Миша повернулся к старухе:

- Как ее зовут?

- Кто знает, - пробормотала та, перебирая тряпье, - приبلудная девчонка. Подобрала на вокзале, в голод еще, вот и живет. Как крестили, не знаю. Во дворе Белкой кличут.

- Почему в школу не ходишь? - спросил Миша.

- Не хочу и не хожу.

- А если в колонию отправят?

- Убегу.

- Брали ее, - сказала старуха, - убежала, откуда хошь убежит, верткая.

Стол был пуст, никаких следов еды, даже посуды не было: ни стакана, ни кастрюли, ни чайника.

- На что живете?

- А что люди добрые дадут, на то и живем. И Белка вон кормит, не обижает, спасибо!

- А ты где достаем? - спросил Миша у Белки.

- Где надо, там и достаю.

- Можно попасться.

Болтая ногами, Белка запела:

Что вы советы мне даете, словно маленькой,
Ведь для меня давно решен уже вопрос.
Оставьте, папенька, ведь мы решили с маменькой,
Что моим мужем будет с Балтики матрос.
Ах, сколько жизни он вложил в свою походочку,
Все говорили, что он славный морячок.
Когда он шел, его качало, словно лодочку,
И этим самым он закидывал крючок.
Была весна, цвела сирень, и пели пташечки...

Она оборвала песню:

- Ты зачем пришел?

- В гости.

- Погулять со мной хочешь? Деньги у тебя есть?

- Денег у меня нет.

- А на кино у тебя хватит?

- На кино, пожалуй, хватит.

- Тоже кавалер нашелся!

- Чем не кавалер?

- Легавый - вот ты кто!

- Так уж легавый?

- Легавый! - повторила Белка, не меняя позы - сидела спиной к Мише, подперев рукой подбородок.

- Я не хочу, чтобы тебя посадили в тюрьму.

- Мне и в тюрьме хорошо - там кормят.

- В колонии тоже кормят, а ты убежала. А из тюрьмы не убежишь: четыре стены,

решетка.

- А за что в тюрьму, что я сделала?
- Сама знаешь.
- Знаю, а не скажу.
- А я тебе скажу: буфет в кино обворовала.

Белка ничего не ответила.

- Ты думала, никто не знает. А я знаю.
- Ну и знай!
- Посадят в тюрьму, и тебе будет плохо, и бабка твоя с голоду помрет. Тебе сколько лет?

- Нисколько.
- Четырнадцать лет записано, - сказала старуха.
- Записано... - усмехнулась Белка. - Где это?
- В домоуправлении, а как же.
- Хочешь, на фабрику устрою? - предложил Миша.
- Чего, чего? - насмешливо переспросила Белка.
- На фабрику устрою, на работу. Получишь специальность, зарплату, оденешься.

Плохо разве?

- Все лучше, чем с жульем то возиться, - сказала старуха. - Ты послушай, что человек говорит.

Белка молчала.

- Платок бы купила, ботинки, - продолжала старуха. - Зимой босиком не побежишь. Сахару бы поела.

Белка опять затянула тонким голоском:

Была весна, цвела сирень, и пели пташечки.
Братишка с Балтики сумел кой что залить.
Ему понравилась красивая Наташенька,
Такой кусочек не хотел он пропустить...

- Я поговорю на фабрике, - сказал Миша.
- Сам работай, если тебе надо! - ответила Белка.

Глава 17

Опять был фабричный день. После смены Миша пошёл к Зимину.

Года два назад Миша был у Люды на дне рождения. Мама Люды держалась с ребятами как товарищ, пела смешные куплеты, пародии, затеяла шарады, потом она и Николай Львович играли с ними в слова: из одного слова составлять другие, новые слова - не меньше чем из четырех букв. Затем Ольга Дмитриевна ушла на кухню, нажарила там гору блинчиков, очень вкусных, ребята всю эту гору умяли моментально. Потом Ольга Дмитриевна и Николай Львович ушли в кино. Ольга Дмитриевна сказала, что они уходят, чтобы не мешать, и звала ребят приходить, сказала, что это ее личная просьба - она обожает играть в слова, а Люда с ней не играет, важничает, потому что всегда ее обыгрывает. Она много смеялась, и ребята смеялись, и Николай Львович. У Николая Львовича было тогда совсем другое лицо, Миша даже не узнал его, когда встретил на фабрике. Два года назад, на дне рождения,

это было лицо легкое, доброе, даже молодое и даже красивое, хотя с этим понятием - красота - Миша здорово путался, вообще, считал эту проблему преувеличенной, тем более что единое мнение тут невозможно: даже насчет Аполлона и особенно Венеры еще можно здорово поспорить. В школе, например, все считали Люду Зимину очень хорошенькой, самой хорошенькой. Миша недоумевал. Ее мать, на которую, кстати, Люда была очень похожа, действительно была красивой, прежде всего потому, что была веселой. Люда веселой никогда не была. Наоборот, она была какой то замороженной: наверно, думала, что это ей больше идет.

Таким же несколько надменным и недоступным держался на фабрике и Николай Львович.

Как и Люда в школе, так и Николай Львович на фабрике был одинок, старомодный в своем хорошо выутюженном костюме, чужой в новом мире, буржуазный спец, терпимый потому, что нет своих спецов. На собраниях его часто ругали. Всех ругали - много неполадок на фабрике, - но Зимина ругали сдержанно, не как своего, а как чужого. Он выходил на трибуну и отвечал чересчур спокойно, обстоятельно.

Мише было трудно обращаться к нему - чем то чужой человек. И все таки обратиться нужно. Нужно устроить на фабрику Белку и Шныру, иначе пропадут ребята.

...Зимин поднял голову и посмотрел на вошедшего в кабинет Мишу.

- Николай Львович! - Миша подошел к столу. - Нельзя ли принять на фабрику одну девочку и одного мальчика? Ей четырнадцать лет, а мальчику, наверно, пятнадцать.

- Садитесь!

Миша сел на стул возле стола.

- В школе они не учатся, пусть хоть работают.

- Я не занимаюсь наймом и увольнением, - ответил Зимин, - это решает директор. Обратитесь к нему... Насколько мне известно, бронь подростков заполнена.

- Безнадзорные ребята...

- Да, да, понимаю, - проговорил Николай Львович, собирая бумаги в папки и раскладывая их по ящикам стола, - но бронь есть бронь, выйти за ее пределы мы не можем. И потом - мальчик? На фабрике работают женщины, и бронь подростков - девочки.

- Ну, хотя бы девочку, - настаивал Миша. - Она сирота, убежала из колонии.

- А с фабрики не убежит?

Вопрос был задан рассеянно, из вежливости, для поддержания разговора, чтобы что нибудь сказать. Николай Львович был озабочен своими бумагами, сложил их наконец в стол, запер ящики на замок и поднялся, давая понять, что разговор окончен. Рабочий день тоже, между прочим, окончен.

- Пропадет девчонка, жалко, - сказал Миша. - Рядом Смоленский рынок, Проточный переулочек, ворье, жулики...

Николай Львович снял с вешалки плащ, взял в руки кепи.

- Вам следует поговорить с директором, хотя боюсь, он ничего не сумеет сделать до нового набора. Набор, повторяю, будет в сентябре. Я со своей стороны поддерживаю вашу просьбу. Вы надеетесь, что это ей поможет?

Он открыл дверь кабинета, приглашая Мишу выйти, и вышел вслед за ним.

Итак, он согласился помочь и, следовательно, помог. Но, черт возьми, в какой

форме?! И что толку от его обещания?! «Я поддержу вашу просьбу, но директор все равно ничего не сумеет сделать до нового набора». Ироническое: «А с фабрики не убежит?» - и тут же равнодушно вежливое: «Вы надеетесь, что это поможет?» Странная постановка вопроса! Да, Миша надеется, что поможет, не надеялся - не пришел бы, не просил бы! А вы, значит, нет, не надеетесь; тогда зачем обещаете помочь? Вам безразлично. Вот именно, скорее всего, безразлично...

С неожиданной жесткостью, которая иногда находила на него и о которой он потом жалел, Миша сказал:

- Эта девочка в плохой компании. Между прочим, в этой плохой компании и ваш Андрей.

Они стояли в коридоре. Рядом грохотал сновальный цех, виднелись станки, бесконечные нити тянулись с больших катушек на малые, работницы внимательно следили за ними; когда нить обрывалась, работница останавливала станок, быстро связывала нить мелким узлом, почти невидимым.

- Андрей?! - Он кивнул в сторону цеха, показывая, что шум мешает разговаривать.

По узкой металлической лестнице с железными перилами они спустились во двор.

- Андрей? Малыш? В компании? Может быть, он играет в компанию?

- Я сказал вам об этом потому, что считаю это достаточно серьезным.

- И что за компания? Расскажите, Миша.

- У нас во дворе... Андрей, еще два мальчика, девочка Белка, о которой я вас просил, главарь - Витька Буров, тоже живет в нашем доме.

- Жена говорит, что Витька издевался над Андреем, бил его, чуть не зарезал, если бы вы не вмешались тогда.

- Он его, конечно, не собирался резать. Он главарь, чинит расправу над подчиненными. Ничему хорошему он Андрея не научит, а Андрей бегает за ним, как собачка.

Они шли к проходной, их обгоняли работницы, окончившие смену.

- Я целый день на работе, Андреем занимается мать, - сказал Николай Львович, - но, я, конечно, приму меры... Так странно - Андрей в воровской компании. Спасибо, что вы предупредили меня, я вам очень признателен... Какой скрытный, дурачок, дома - ни звука... Но раз уж речь зашла о моей семье, то у меня к вам еще вопрос: что произошло у Люды в школе?

- У Люды в школе?... Как будто ничего, во всяком случае я ничего не знаю.

- Что то произошло. После вашей живой газеты она пришла домой сама не своя. Плакала.

- Странно, - пробормотал Миша, - а там громче всех смеялась.

- Это делает ей честь, - сказал Николай Львович. - Дома она не смеялась, да и сейчас не смеется. Я прекрасно понимаю: и справедливую критику трудно воспринимать спокойно, а несправедливую? Да к тому же публичную, со сцены, и, по видимому, достаточно окарикатуренную... В вашей школе нет предубеждения против детей из интеллигентных семей?

- Нет, мы никого не разделяем по социальному признаку. В той же живой газете прохватили и детей рабочих - Генку Петрова, например, того же Витьку Бурова. Люда зря обиделась. Там про нее спели очень невинные куплеты. Я не помню текста, что то в стиле оперетты.

- Значит, моя дочь не поклонница этого жанра. Благодарю вас. Не хотелось бы, чтобы Люда узнала о нашем разговоре, она будет недовольна моим вмешательством.

- Я ей ничего не скажу, - пообещал Миша. Вспышка гнева прошла, ему почему то стало жалко Зимина.

- Спасибо, благодарю. О той девочке, вашей подопечной, я переговорю с директором.

Зимин поклонился Мише, направился в проходную, но его окликнули:

- Николай Львович!

К проходной спешил Красавцев, протянул Зимину папку:

- Документы по браку, Николай Львович, вы просили.

- Документы? Сейчас? - удивился Зимин. - Ведь я иду домой.

- Только только закончили, - объяснил Красавцев. - Подбирали документы, как вы дали указание. Несу - вижу, вы идете. Обрато нести? У меня в отделе сотрудники уже разошлись.

Николай Львович положил папку в портфель:

- Хорошо, завтра воскресенье, я их посмотрю дома.

Зимину явно не хотелось брать документы. Красавцев не хотел возвращаться с ними в отдел. Зимин взял документы очень недовольный. Миша подумал, что мог бы и не брать. А взял. Типичный мягкотелый интеллигент.

Глава 18

Дома Николая Львовича ждали билеты в Художественный театр на «Дни Турбиных». К билетам прилагался элегантный Валентин Валентинович в полосатом костюме и лаковых штиблетах, эдакий князь Данила, не хватает бутоньерки в петлице.

Верные решению, принятому ими после возвращения Люды из ресторана, Зимины, как передовые родители, разрешили этот визит. Сегодня все отправлялись в театр, а с завтрашнего дня Ольга Дмитриевна начнет осторожно шутить над этим франтом и развенчивать его в глазах Люды. Все это не слишком нравилось Николаю Львовичу, но он согласился с женой, что из всех худших вариантов - это лучший. И дай бог, этот визит последний...

Из под полуприкрытых век он разглядывал Навроцкого: не слишком вяжется с привычным типом работника снабжения - интеллигентен, корректен, держится с достоинством.

- Популярны сейчас «Лес» у Мейерхольда, «Принцесса Турандот» у Вахтангова, «Жирофле Жирофля» у Таирова, - говорил Валентин Валентинович, - но самый значительный - «Дни Турбиных» в Художественном. Я думаю, спектакль вам понравится.

- «Принцессу Турандот» мы видели недавно, - сказала Ольга Дмитриевна. - Театр Вахтангова рядом. Таирова Николай Львович не очень любит, тут мы с ним расходимся во вкусах. Что касается Мейерхольда, то это, в общем, спорно.

- Да, - согласился Валентин Валентинович, - Мейерхольд необычен, но, безусловно, оригинален, это вполне современное зрелище.

- Вот видите, а мы бегали на галерку в Художественный, - сказала Ольга Дмитриевна.

- Тем более вам должны понравиться «Дни Турбиных», - серьезно сказал Валентин Валентинович. - Спектакль поставлен Станиславским и Судаковым, заняты

Хмелев, Добронравов, Яншин. Я уже раз смотрел, с удовольствием посмотрю второй. Пьеса о крушении белой армии, первая попытка серьезно рассмотреть трагедию людей, веривших в правоту своего дела. Можно принимать такое толкование, можно не принимать, но интересно бесспорно.

Не простой делец. Судя по манерам - из приличной семьи.

- Вы москвич? - спросил Николай Львович.

- Да, поскольку живу в Москве. Но родился я в Воронежской губернии, мой отец управлял конными заводами графа Орлова.

Прозвучало так, будто отец Валентина Валентиновича был не управляющим чьими то заводами, а их владельцем.

Чем он нравится Люде? Ведь умная, проницательная девочка.

...Впрочем, он, кажется, впадает в обычную родительскую ошибку. Разве можно определить, почему этот субъект нравится дочери? Можно только определить, почему он не нравится ему самому. Чем же? Лакированными штиблетами? Конечно, нет, не штиблетами. Все дело, безусловно, в фабрике, в эпизоде с тем вагоном, который он велел задержать и который не задержали. Возможно, Навроцкий ни при чем, ему погрузили вагон, и он его отправил, и все же... Красавцев нечист на руку, и все это, вероятно, не случайно. Короче: пройдем ли мы его или нет?

Ольга Дмитриевна посмотрела на часы:

- Андрею пора быть дома. Где он, Люда?

- Во дворе, наверно.

- Надо его позвать.

Люда подошла к окну:

- Андрюшка! До о мой!

- Тянет его во двор, - сказала Ольга Дмитриевна, - а у нас ужасный двор, один Витька Буров чего стоит.

- Двор... - улыбнулся Валентин Валентинович. - Это естественно в его возрасте. И даже, если хотите, необходимо. Двор лучше подготовит его к жизни реальной и весьма жестокой, чем... Поймите меня правильно, у меня тоже была хорошая мама, даже, может быть, чересчур хорошая, так что говорю это по собственному нелегкому опыту.

- Ваша мама жива? - спросила Ольга Дмитриевна.

- Мои родители погибли в железнодорожной катастрофе...

Наступило короткое неловкое молчание, потом Ольга Дмитриевна сказала:

- Может быть, двор и лучше подготовит его к будущей жизни, но пока не было двора, он был гораздо послушнее.

- Андрей дружит не с Витькой Буровым, а с Леной Панфиловым, тот его защищает, - сказала Люда. - Все это нормально, мамочка. Но дети не цветы жизни...

- Как представитель деткомиссии, я так не думаю, - сказал Валентин Валентинович. - Как представитель деткомиссии, я просто не имею права так думать.

Все засмеялись, кроме Люды. Она была раздосадована. Зачем затеяла все это? Он был терпим там, в ресторане, но здесь, у них в доме, этот чужой человек неестествен, банален. Этот намек на знатное происхождение - какая дешевка! Родители погибли в железнодорожной катастрофе - вранье.

А Николай Львович думал о том, что сказал ему Миша Поляков. Он все же не допускал, что его Андрей, толстый, неуклюжий, добрый и, между прочим, довольно способный мальчик, растет бандитом. Вот и Люда подтверждает, что он дружит не с

Витькой, а с Леной Панфиловым, сыном кладовщика.

- Все же в чем дело с Витькой Буровым? - спросил он осторожно, стараясь не обеспокоить Ольгу Дмитриевну - она так нервничала по этому поводу.

Люда молчала.

Ответила Ольга Дмитриевна:

- Дети его боятся. Если бы можно было уехать из этого дома, я бы уехала.

- Наверно, он плохо влияет на детей, - сказал Валентин Валентинович. - Мы в деткомиссии часто сталкиваемся с такими ситуациями: один великовозрастный болван портит хороших подростков. Я со своей стороны могу вам пообещать навести там порядок. Мне, как бывшему дворовому мальчику, это не будет особенно трудно.

Опять фальшь! Граф превращается в дворового мальчика. Что за чушь?!

- Витька безобидный парень, - сказала Люда, - я его знаю тысячу лет. Просто он тщится изображать из себя грозу Арбата, жожака и атамана. И у нас очень хороший двор, мы в нем выросли, и никакого особенного порядка наводить нет нужды.

Валентин Валентинович с удивлением посмотрел на нее; ее вызывающий тон был для него неожидан, что то он упустил, что то ускользнуло от него, где то дал промашку? А может быть, все это относится не к нему, а к матери, к отцу... Нет, она прямо и неприязненно смотрит на него...

Валентин Валентинович даже на мгновение растерялся, не зная, что сказать. Выручило появление Андрея в запачканной мелом рубашке.

- Я тебе велела быть дома! - строго проговорила Ольга Дмитриевна.

- Я дома, - ответил Андрей простодушно.

- Каждый раз тебя приходится звать - так нельзя, Андрюша. Ты очень грязный. Умойся, поужинай - ужин на кухне, - сделай уроки и ложись спать. Дверь на цепочку не бери, чтобы не было, как в прошлый раз...

- Я догадываюсь, что было в прошлый раз, - улыбнулся Валентин Валентинович - он уже овладел собой. - Богатыри именно так и должны спать.

Ольга Дмитриевна подняла с пола портфель мужа, поставила на письменный стол.

- Пора, наверно? Трамвай довезет нас только до Охотного.

- У нас еще достаточно времени, - ответил Навроцкий.

Его неторопливость объяснилась, когда они вышли на улицу.

У тротуара стоял открытый легковой автомобиль. За рулем сидел шофер в кожаной куртке и кожаных крагах.

Валентин Валентинович открыл дверку:

- Прошу!

- Зачем это? - поморщился Николай Львович.

- Не хотелось, чтобы наших дам толкали в трамвае.

Глава 19

Дети еще спали. Николай Львович и Ольга Дмитриевна пили утренний кофе. Ольга Дмитриевна в халате, Николай Львович в домашней куртке.

Вчерашний спектакль ему понравился, давал повод для размышлений. И перед ним в свое время стояли те же вопросы: сотрудничество с новой властью, признание

новых хозяев страны. Были годы разрухи, казалось, все пошло прахом. Но восстановлено хозяйство, заводы и фабрики работают, как работали раньше, отчуждение между властью и технической интеллигенцией сглаживается. И надо работать. Для блага России.

Ольга Дмитриевна чувствовала его настроение, улыбалась и молчала...

Бог послал ему хорошую красивую жену, верную спутницу жизни. Она училась пению, ее даже приглашали в оперетту (опять оперетта, везет ему на оперетты), но сама не пожелала для себя такой судьбы. Они дважды ездили за границу, в Париж и Лондон, но и эти поездки она никогда почти не вспоминала, наделенная редкостным даром радоваться тому, что у нее есть, любить то, чем обладает, и не говорить о том, чего нет; даже тогда, когда было трудно, она выкручивалась, как могла, что то продавала, тянула семью и сумела сохранить веселый характер, как будто прожила легкие, беспечные годы, не знала голода и лишений, страха детских болезней и всего, что она знала и пережила.

- Налить еще кофе? - спросила она шепотом, чтобы не разбудить Андрюшу, спавшего на диване.

- Налей. Вкусный кофе сегодня.

Она кивнула кудрявой головой. И эту черту она сохранила - любила, когда ее хвалили. Но ей не терпелось обсудить вчерашний поход...

- Ну, как он тебе?

- Обходительный чересчур, - ответил Николай Львович.

- Но без лакейства...

- И еще: чересчур собран, чересчур начеку... Мне кажется, что Люда не слишком им очарована.

- Да, мне это тоже показалось... Мне кажется, он просто ей неинтересен, так же, как тебе и мне. Но он ей почему то нужен... Хочет иметь при себе постоянного поклонника? Это льстит ее детскому самолюбию? Непонятно. Желание кружить голову? На нее это не похоже. Она и не кокетничает вовсе. С мальчишками из ее класса, если ты помнишь, она кокетничала гораздо смелее. Выйти замуж за него? Нет, она не собирается выходить за него замуж. Перед тем, как он пришел к нам, я спросила ее: зачем он тебе? Она напустила таинственности, сказала: значит, нужен. Но вид был чересчур таинственный, и ничего за этим, я думаю, нет.

- Тогда остается понять, зачем это нужно ему?

- Ну вот, это типично мужская постановка вопроса. Посмотри на Люду, я думаю, что этот Валентин Валентинович не последнее разбитое сердце.

- Что то не похоже на разбитое сердце.

- Похоже, похоже, - сказала Ольга Дмитриевна безапелляционно. - Возможно, поэтому он и был так ненатурален - от смущения... А в общем я думаю, все скоро пройдет.

- И чем быстрее, тем лучше, - добавил Николай Львович, - ей в этом году поступать в вуз. И не надо забывать, какой конкурс - ей придется все лето готовиться; тут, я думаю, не до молодых людей.

- Конечно, как только кончится школа, уедем на дачу, и пусть сидит и занимается до самых экзаменов... Кстати, надо бы нам с тобой съездить на дачу, помочь маме. Дачей пользуемся, а все на маме - и дом и сад.

У тещи была дача на Клязьме по Ярославской дороге; теща жила там круглый год, они выезжали летом.

- Не знаю, сумею ли я выбраться. Поезжай с Людой. Весеннее солнце, загар вам будет к лицу.

- Мне хотелось с тобой, тебе тоже загар идет, - пошутила Ольга Дмитриевна.

Николай Львович пересел к письменному столу, закурил, решил посмотреть документы, отданные ему вчера Красавцевым, поискал глазами портфель. Портфеля на столе не было. Наклонился, посмотрел, нет ли портфеля возле стола, - там его тоже не оказалось.

Ольга Дмитриевна кончила пить кофе, ушла в спальню, присела к трельяжу, начала причесываться.

- Оля, ты не видела моего портфеля?

- Портфеля? Сегодня не видела.

Николай Львович вышел в переднюю, зажег свет, посмотрел под вешалкой - портфеля не было.

Он вернулся в столовую, еще раз посмотрел вокруг письменного стола, осмотрел диван, за диваном. Портфеля не было.

Он прошел в спальню, посмотрел и там.

- Что ты ищешь? - по прежнему шепотом спросила Ольга Дмитриевна.

- Все тот же портфель. Куда я мог его засунуть?

- Может быть, ты оставил его на работе?

- Ты сама вчера, перед театром, переставила его на стол.

- Да, верно, вспоминаю. Тогда он на столе.

- Его нет на столе.

- Почему ты так обеспокоен? Там чтонибудь важное?

- Служебные бумаги.

- Но он никуда не мог деваться. Давай искать вместе.

- Я все обыскал.

- Хорошо, ты садись, я сама буду искать. Я найду, что мне за это будет? Оставайся здесь.

Ольга Дмитриевна вышла из спальни, скоро вернулась.

- Нигде нет. Я разбужу Андрея?

- Разбуди, - попросил Николай Львович.

- Господи, значит, это так важно! - воскликнула она и подошла к дивану, тихонько позвала сына: - Андрюша, проснись! Проснись, малыш! Проснись и вспомни, что было. Ты выходил во двор?

Андрей поднялся, протирая глаза кулаками.

- Андрюша, когда мы уехали в театр, ты выходил во двор?

Андрей протирал глаза.

- Ты выходил во двор?

- Какой двор? - недовольным, заспанным голосом переспросил Андрей.

- Ну, проснись, мальчик, вспомни, ты выходил во двор?

- Никуда я не выходил.

- Это правда?

- Правда.

- Да, я знаю, ты всегда говоришь правду, - сказала Ольга Дмитриевна.

- А к тебе ктонибудь приходил? - спросил Николай Львович.

- Нет.

- Товарищ какойнибудь?

- Нет.

Николай Львович показал на стол.

- Вот здесь стоял мой портфель. Где он?

- Кто?

- Портфель.

- А я откуда знаю?

- Андрюша, понимаешь, это очень важно для папы, - сказала Ольга Дмитриевна. У мальчика сделалось встревоженное лицо, ему передалась тревога родителей.

- Я его даже не видел, портфеля.

- Но не мог же он улететь в форточку! - воскликнула Ольга Дмитриевна.

Николай Львович открыл окно и свесился через подоконник. Пожарная лестница проходила между окнами спальни и столовой, однако перелезть с нее было невозможно - прут, крепящий лестницу, проходил много выше окна.

- В окно никто залезть не мог, - сказал Николай Львович. - Если даже смог, зачем понадобился портфель со служебными бумагами?

- Но сам портфель очень хороший, кожаный, с серебряной монограммой, - возразила Ольга Дмитриевна, - позвони в милицию.

Николай Львович подумал, потом сказал:

- Спи, сынок, портфель найдется. Пойдем, Оля, не будем ему мешать.

Они вернулись в спальню, Николай Львович прикрыл дверь.

- Надо немедленно позвонить в милицию, - настойчиво повторила Ольга Дмитриевна.

- А кого обвинять? Никого, кроме Андрея, не было дома, - возразил Николай Львович. - И в сущности, это уж не так страшно - бумаги не слишком важные: старые акты на брак. А затевать все из за портфеля, из за монограммы не стоит.

Ольга Дмитриевна пристально смотрела на мужа. Она всегда безошибочно угадывала, когда он говорит неправду, говорит единственно, чтобы успокоить ее. Сейчас он говорил именно так.

Николай Львович молча прошелся по спальне, постоял у окна, подумал, потом сказал:

- Пожалуй, я съезжу с тобой на дачу. Поедем в субботу, переночуем, вернемся в воскресенье вечером. Успокоимся, подумаем, как быть. О портфеле пока никому не говори.

- Господи, кому я могу сказать? Что ты, Коля! Но все это очень странно. Может быть, это сделал Витька Буров?

- Все может быть, - согласился Николай Львович и, подумав, добавил:

- Я думаю, что Люде тоже не следует ничего говорить.

Ольга Дмитриевна растерянно пробормотала:

- Люде?.. Я ничего не понимаю... Коля! Почему это надо скрывать от Люды?

- Я не хочу ее волновать.

- Какие глупости! Мы все волнуемся. Она разве не член нашей семьи, ей чужды наши заботы?

- Я этого не говорю... Но она проходит практику на фабрике...

- Она проболтается?

- Конечно, нет. Но она будет себя чувствовать на фабрике несколько неуверенно, что ли, будет опасаться каких то осложнений для меня, а никаких осложнений не будет, все это, в общем, пустяки...

Ольга Дмитриевна продолжала смотреть на мужа. Все звучало очень неубедительно.

- Ты это связываешь с Навроцким?

- Оленька, милая, я ни с кем не связываю, у меня нет никаких оснований связывать это ни с Навроцким, ни с Андреем, ни с Витькой Буровым. Мне надо подумать. И я не хочу лишних разговоров и потому прошу тебя никому ничего не говорить, в том числе и Люде.

- Но ей может сказать Андрей.

- Скажи ему, что портфель нашелся.

Глава 20

Итак, вагон отправили, а документы похитили. Все продумано: Красавцев сделал так, что он взял документы домой. Навроцкий увел их всех в театр, кто то третий похитил документы. Кто он, этот третий? Некто неизвестный, проникший в квартиру, когда Андрей спал? Или Андрей сам отдал портфель сыну кладовщика Панфилова? Он исключает такую возможность, но то, что вынужден об этом думать, уже чудовищно. Если это товарищи Андрея, компания - как называет Миша Поляков, - то в милиции их заставят говорить, преступник обнаружится, но и его сын окажется замешанным. Это невозможно. На сознательное зло, воровство мальчик не способен, но его могли обмануть, использовать. Если Андрей не замешан, то преступника не найдут, преступником будет он, Николай Зимин; он унес документы с фабрики, у него дома они пропали, он отвечает за брак на производстве и хотел скрыть его причины. В обоих случаях он на подозрении, и дальнейшая работа на фабрике немыслима.

Обратиться к Красавцеву? Тому ничего не стоит скрыть пропажу документов. Но тогда он в их руках, тогда то они распояшутся, покажут себя, разворуют фабрику.

Следовательно, или компрометация, или шантаж.

Они не добьются ни того, ни другого. Он не глупее их, проработал на этой фабрике двадцать лет, знает все возможные уловки.

В понедельник, на фабрике, Николай Львович сказал Красавцеву:

- Я просмотрел документы, но там их очень мало. Будьте добры, подберите мне все документы по браку, скажем, за последние два месяца. Кроме того, подберите все документы Навроцкого. Так, кажется, фамилия представителя деткомиссии?

- Да, так, - подтвердил Красавцев, соображая, зачем все это требуется Зимину.

- Вот и прекрасно. Сделайте это побыстрее.

- Нужно время, документов много.

- Понимаю. Три четыре дня вам хватит? Ну, пять дней? Неделя? Значит, получаю их в субботу. Правда, в субботу я уезжаю на дачу, с собой я их, естественно, не поташу. Но в воскресенье вернусь с дачи пораньше и просмотрю.

- Кого вы проверяете, Николай Львович?

Зимин усмехнулся:

- Себя проверяю, Георгий Федорович, себя. Вы допускаете такую возможность?

Глава 21

Операция с Навроцким не внушала Красавцеву опасений. Служебные бумаги в порядке: товар для деткомиссии. А что с товаром дальше, его, Красавцева, не волнует,

за это он не отвечает. Что касается комбинации с браком, то браковочные акты оформлены, подписаны мастером и техническим контролером - людьми, подчиненными Николаю Львовичу Зимину. Акты липовые, но они существуют, проверить соответствие их качеству товара невозможно, товар ушел.

Требование Зимина передать ему новые документы насторожило Красавцева. Зачем, если Навроцкий с ним поладил? Значит, не поладил. Зимина не купишь. «Себя проверяю». Это сказано неспроста, он хорошо понимает иносказательные обороты инженера. Зря послушался Навроцкого, зря передал Зимину документы, потянул бы неделю другую, Зимин бы забыл о них. И новые документы не даст, в коммерческом отделе три сотрудника, некогда этим заниматься.

С Навроцким пора кончать: меры не знает, подведет, да еще строит из себя аристократа. Этого Красавцев не терпел. Комбинируй, но не строй из себя принца Уэльского.

Красавцев с Навроцким встретились в казино.

Валентин Валентинович не играл в рулетку, из всех игр признавал только тотализатор: на бегах властвует не случай, а знание. Навроцкий знал лошадей, разбирался, играл наверняка.

Войдя в зал, Валентин Валентинович отыскал глазами Красавцева за игровым столом, но не подошел к нему, сделал вид, что не замечает. По лицу Красавцева было видно, что дела его плохи. Как завязанный игрок, он обычно выигрывал, но в конечном итоге всегда оставался в проигрыше и нуждался в деньгах.

Валентин Валентинович молча изучал расчерченные на клетки игорные столы.

Крупье провозглашал:

- Граждане, делайте ваши ставки!

Игроки клали на клетки фишки. Крупье дергал рычаг, вертелся круг, по нему метался шарик, пока не падал в одно из нумерованных отделений. Все напряженно следили за ним... Потом крупье лопаточкой сгребал фишки.

Все как в настоящей рулетке. Только нет бледных, испитых лиц стариков и старух, годами восседавших за игорными столами, нет князей и графов, оставлявших тут состояния. Средних лет люди, полные сил и здоровья, пытаются счастье, играют по мелочи, провинциальные кассиры и уполномоченные, прокутившие в столичных ресторанах казенные деньги, делают здесь отчаянную попытку их вернуть, взяточники, вроде Красавцева, просяживают то, что хапнули у нэпманов и снабженцев. Эти люди проигрывают не деньги, а жизнь. Нет, его игра другая.

Краем глаза он следил за Красавцевым. И этот проигрывает жизнь. Впрочем, чем больше теряет Красавцев, тем больше получает он, Навроцкий.

Наконец Красавцев поднялся.

Валентин Валентинович пошел ему навстречу.

- Здравствуйте, Георгий Федорович!

- Здравствуйте, вы мне нужны.

Они вышли на улицу, свернули за угол и пошли по Тверской.

- Зимин требует документы по всем вашим отправкам, - мрачно сообщил Красавцев.

- А что он сказал о бумагах, которые вы уже ему передали?

- Сказал, что их недостаточно, хочет посмотреть остальные.

- Дайте ему остальные. Дайте, дайте! В тех документах он ничего не нашел и в этих не найдет. Да и что можно найти? Документы в порядке, акты оформлены, вы это

сами хорошо знаете.

- Зачем он их требует?

- У него свои соображения, - загадочно ответил Навроцкий, - хочет окончательно убедиться, что со мной можно иметь дело. Неужели не понятно? Дайте ему документы, а мне сделайте пять вагонов и все оформите браком.

Красавцев остановился:

- Вы с ума спятили?

- Разве я похож на сумасшедшего? Да, да, пять вагонов. В понедельник Зимин сам подпишет любой акт, даю вам гарантию, головой отвечаю.

Его веселая уверенность поколебала Красавцева.

Все же он сказал:

- Пять вагонов брака невозможно, слишком заметно, вмешается трест. Пять вагонов! Чрезвычайное происшествие! Даже если Зимин подпишет акт, я на такое не пойду.

- Чем вы рискуете? Вагоны уйдут, останется акт - официальный, оформленный, всеми подписанный.

Некоторое время они шли молча, потом Красавцев сказал:

- Мне нужно тридцать червонцев.

- Не повезло? - сочувственно спросил Валентин Валентинович.

- Мне нужно тридцать червонцев.

- Я могу вам их дать, но прошу - не играйте, сегодня вам не везет.

- Не учите меня... Сегодня играть не буду.

Они зашли в подворотню. Валентин Валентинович вручил Красавцеву тридцать червонцев. Тот сунул их в карман.

Пять вагонов обеспечены, и он временно уходит в сторону. Надо оглядеться, отдохнуть, может быть, поехать на юг с какойнибудь блондинкой... Эллиен Буш! Красотка! Вот с кем отправиться в Ялгу или в Кисловодск. Заслужил он отдых или нет? Королева! Он оденет ее, как королеву! Люда не подходит. Зачем ему девушка аристократка, когда он сам аристократ? Аристократу нужна артистка - это имеет вид, как говорят в Одессе.

- Так как с вагонами?

- Оформить все браком я не могу.

- Половина браком, половина третьим сортом?

- Подумаем... И я не могу сделать все для деткомиссии. Слишком часто.

- Сделайте часть для Минской швейной фабрики.

- Доверенность настоящая?

- Георгий Федорович, - внушительно проговорил Навроцкий, - мои документы все настоящие. Липы не бывает. И деньги с Гознака, а не с Марьиной роци. Эта сторона дела пусть вас никогда не беспокоит. И Зимина тоже пусть не беспокоит.

Красавцев молчал.

- Так как? Договорились?

- Если в понедельник Зимин вернет документы и не будет никаких осложнений, я вам сделаю пару вагонов третьим сортом для Минской швейной фабрики.

- Не пару, а пять.

- Почему именно пять?!

- Так рассчитано, Георгий Федорович. Нам надо расстаться на серьезной операции, с приятными воспоминаниями друг о друге. Эта операция даст вам

возможность еще много раз посидеть в казино. А мне - купить шале, небольшую дачу под Москвой. Понимаете, я люблю природу, особенно в средней полосе России... Ведь Подмоскowie - это тоже средняя полоса России, не правда ли?

Глава 22

Витька не остался безучастным к появлению Миши Полякова в своем доме - пожаловал, на испуг хотел взять. И к Белке приходил - тоже на испуг хотел взять. Буфет обворовали. А ты докажи! Кто видел? Пирожные на крыше ели, так их вон в булочной продают. Нет свидетелей. От кого могут узнать?

Витька об этом не беспокоился. Он вообще редко беспокоился. Но своими ребятами был недоволен.

Белку видели на улице с Шаринцом, а ей запрещено с ним водиться. Шныра и Фургон взяли нагрузку в школе, кооператив какой то, проторговались, просят денег из крымских.

Чем бы стали они без него? Паштет - карманником, Белка - форточницей, давно бы сидели в колонии. Шныру и Фургону завербовали бы в пионеры, маршировали бы, дурачки, в красных галстуках. А он их в Крым берет, людьми сделал.

Сидя во дворе, Витька лениво выслушал их объяснения.

- Нас с Фургоном поставили тетрадки продавать, карандаши и все прочее, - рассказывал Шныра, - а потом из учкома проверили - три рубля недостачи.

- Согласились зачем? Вам больше всех надо?

- Так ведь постановление учкома...

- Дурачки вы! - пренебрежительно сказал Витька. - Мишка нарочно всучил вам кооператив, чтобы запутать. А как проторговались? Взяли чего?

- Ничего не брали! Фургон перепутал. Линейки есть и по четыре копейки, и по десять, и по пятнадцать, от длины зависит, а он все говорил - четыре. Все перепутал.

- Зачем перепутал?

- Я вижу, написано: линейки деревянные - четыре копейки, я и говорю - четыре копейки; все шумят, торопят, я и перепутал, - попытался оправдаться Фургон.

- Выкручивайтесь, как хотите, - сказал Витька. - Не дам денег, они на Крым. Влезли - вылезайте.

Витька повернулся к Белке, неожиданно спросил:

- О чем с Шаринцом говорила?

- Вовсе не говорила.

- У магазина с ним стояла?

- Я у витрины стояла, он подошел, я отошла.

- Врешь!

- Не вру.

- Шныра! Говорила она с Шаринцом?

- Говорила.

- Чего же врешь?

- Не говорила я, - упорствовала Белка. - Он подошел, я отошла.

- Я еще разберусь, - сказал Витька. - Шаринец ширмач к нашим деньгам подбирается. Кто ему про Крым натрепался?

Белка прижала руки к груди:

- Вот, христом богом...

- Еще раз увижу с Шаринцом, никакой Христос не поможет! - пригрозил Витька. - Ладно! В воскресенье поедем на Дорогомиловское кладбище синичек ловить.

- Я не могу, - сказал Фургон, - в субботу мои уезжают на дачу, велели в воскресенье дома сидеть.

- Без тебя обойдемся, - презрительно ответил Витька.

Витька не знал, что в субботу вечером Шныра и Паштет собираются с Мишей Поляковым в цирк. Шныра и Паштет ему об этом не сказали: знали - Витька запретит. А пойти в цирк им очень хотелось.

Глава 23

Невиданный воздушный аттракцион под куполом цирка без сетки! Три Буш три!

Эллен и ее партнеры ловко взобрались по веревочной лестнице. Погас свет. Прожекторы осветили в воздухе стройные фигуры, перелетающие от одной трапеции к другой. Барабан выбивал мелкую дробь.

Они спускались по канатам, раскланивались, уходили, возвращались, вызванные аплодисментами, снова уходили и опять возвращались, задержанные жестом инспектора манежа. Все смотрели на Эллен, освещенную прожекторами красавицу в трико с блестками.

К ее ногам упал букет цветов. Миша оглянулся. Букет кинул Валентин Валентинович. И он сюда явился!

В антракте Миша, Шныра и Паштет прошли за кулисы. Их ожидала Эллен. Она была в сером шерстяном костюме, туфлях на высоком каблуке и в берете.

- Ты уходишь? - спросил Миша.

- Да, я уже выступила.

- Я провожу тебя.

- Зачем, ведь еще одно отделение. - Она кивнула на мальчиков, рассматривающих зверей в клетках. - Кто это?

- Ребята с нашего двора. У них замечательные акробатические способности. Может быть, вы их посмотрите?

- Беспризорные, безнадзорные, неустроенные, - засмеялась Эллен, - ты все еще занимаешься этим?

- Приходится.

- А дальше?

- Собираюсь в Плехановский.

- Кого он готовит?

- Экономистов.

- Будешь все экономить, считать, жадничать, - снова засмеялась Эллен. - Не скучно?

- Ты путаешь: экономист - это не экономика. И скучать я не буду, скучать можно по человеку.

Миша покраснел. Признание, даже такое отдаленное, казалось ему навязыванием себя.

- Это верно, - согласилась Эллен, - я очень соскучилась по тебе, Генке, Славке.

- Мы тебя редко видим, - сказал Миша, обрадованный тем, что она не заметила или сделала вид, что не заметила его признания.

- Я цирковая, гастролирую, - рассеянно проговорила Эллен, оглядываясь, видимо,

поджидая кого то. - Как тебе понравился наш номер?

- Понравился. Но я предпочитаю два Буш два.

- Почему? - В ее голосе прозвучало кокетство, несколько снисходительное: для нее Миша был все еще мальчик, он чувствовал это.

- Мне это кое что напоминает, - сказал Миша.

- Я не знала, что ты так привязан к воспоминаниям детства.

- К некоторым очень, - сказал он твердо.

- Приходится обновлять номер, иначе он надоест публике, - сказала Эллен. - Ты бы мог смотреть все время одно и то же?

- Я бы мог.

- Если на арене будут твои знакомые, - засмеялась Эллен. - Но не у всех зрителей знакомые актеры. Теперь у нас новый номер, и он потребовал нового партнера, Сережу. И поскольку он присоединился к нам, а не мы к нему, то он тоже стал Бушем.

- Самозванец! - засмеялся Миша.

Подошли Игорь и Сережа - стройный молодой человек с мужественным лицом.

- Знакомьтесь: Миша, Сережа.

В Сережином рукопожатии Миша почувствовал полное к себе равнодушие.

В сопровождении униформиста появился Валентин Валентинович.

- К вам, - сказал униформист, обращаясь к Эллен.

- Я восхищен вашей замечательной работой, - сказал Валентин Валентинович.

- Спасибо, - ответила Эллен, - и за цветы спасибо.

- Аплодисменты и цветы - единственное, чем зритель может выразить свою благодарность, - продолжал Валентин Валентинович. - Кого я только не видел... Немцев, итальянцев... Но никакого сравнения? Двойное сальто на такой высоте - изумительно!

Игорь, игнорируя Навроцкого, спросил Мишу:

- Что же не привел Генку, Славку?

- Они не могут сегодня, в следующий раз придут.

- Давненько я их не видел.

Прозвучал настойчивый звонок, за ним другой.

- Идите, - сказала Эллен, - а то свои места упустите.

Глава 24

В то время как Миша и Валентин Валентинович были в цирке, Зимины собирались на дачу.

Ольга Дмитриевна устроила большой беспорядок, Николай Львович подозревал, что она всю неделю продолжала поиски портфеля: в доме все было сдвинуто и передвинуто. Сейчас она пыталась справиться с пакетами и пакетиками: у нее их всегда получалось очень много. Люда, отпуская по этому поводу иронические замечания, собирала пакетики в большие пакеты и узлы. Николаю Львовичу ее ирония казалась неуместной, но он молчал. Люде явно не хотелось ехать. Почему? Неужели этот прохвост в лакированных штиблетах играет в ее жизни большую роль, чем она старается показать? Всю неделю она о нем ни слова, в доме он тоже не появлялся. И о портфеле ни слова. Они ей, правда, ничего не сказали. Но неужели она, в самом деле,

ничего не знает?

- Как хотите, - сказала Ольга Дмитриевна, - а я еще возьму старое пальто. Я его уже не ношу, а бабушке в нем будет удобно выходить в сад. Как подумаю, что она там одна... Мы себе совершенно не представляем ее жизни.

Николай Львович перебирал бумаги. Папку, полученную сегодня от Красавцева, он оставил на столе, на видном месте, покосился на Андрея.

- Из дома не выходи, почитай и ложись спать в Людиной комнате. Дверь никому не открывай, скажи - нет дома.

- Хорошо, - буркнул Андрей.

По выражению его лица ничего нельзя было понять. И все же другого выхода нет, надо проверить Андрея. Если не Андрей, в чем он уверен, тогда он захватит преступников. План безошибочен: если взяли те документы, должны прийти и за этими.

О своем плане он не сказал жене, не хотел ее волновать. И без того он сказал ей много лишнего, создал в доме атмосферу недоверия, подозревает Андрея, подозревает Люду. Как все это ужасно: он сам разрушает самое дорогое в своей жизни - семью.

Каковы бы ни были отношения Люды с Навроцким, она не способна притворяться и лгать. Нет, нет, нет! Именно поэтому он поступит так, как решил. На карту поставлено не только его служебное положение, но его незапятнанное имя, будущее его детей.

Когда поезд подходил к Лосиноостровской, Николай Львович вдруг сказал жене:

- Совсем забыл! Директор просил срочно приготовить докладную записку. Сейчас вернусь домой. Поезжайте без меня.

- Но, Коля... - только и смогла ответить пораженная Ольга Дмитриевна.

- Пожалуйста, умоляю тебя!

Люда удивленно смотрела на них, не понимая, что происходит.

Поезд тормозил, подходя к платформе.

Николай Львович вынул папиросы, приготовил спички, встал и направился к выходу.

В тамбуре он закурил. Когда поезд остановился, вышел на платформу, смешавшись с толпой пассажиров, поднял воротник плаща, перешел на другую платформу и через минуту две сел в поезд, идущий в Москву. Расписание он изучил точно.

В Москве, на Арбате, он сошел с трамвая на одну остановку раньше своей; медленно пошел по противоположной стороне улицы, по прежнему с поднятым воротником; вошел в ворота своего дома, когда оттуда хлынула толпа из кинотеатра «Арбатский Арс», - Николай Львович рассчитал свой приезд так, чтобы попасть к концу сеанса.

Смешавшись с толпой, он пересек двор, бросил взгляд на окна своей квартиры - они были темны. С заднего двора он быстро вошел в подъезд черного хода, поднялся по лестнице и открыл дверь.

Не зажигая света, через кухню прошел в столовую. В тусклом свете, доходившем из окон соседнего корпуса, увидел папку на столе, на прежнем месте.

Николай Львович приоткрыл дверь в комнату Люды. Андрей спал.

Значит, Андрей ни при чем.

По прежнему не зажигая света, Николай Львович снял пальто, повесил на вешалку, посмотрел на часы: еще только половина десятого. Ну что ж! Подождем!

Глава 25

Из цирка они доехали до Арбатской площади на «Аннушке», как называли москвичи трамвай «А», и по Арбату пошли пешком.

Шныра и Паштет убежали вперед. Миша и Валентин Валентинович медленно шли по улице.

От встречи с Эллен Миша ожидал другого. Чего именно - не знал. Шел с надеждой. Какой - тоже не мог сказать.

Девочка, с которой он еще год назад был снисходителен, теперь была снисходительна к нему - сознание, оскорбительное для молодого человека, считающего себя мужчиной.

Уход в личное Миша всегда третировал как обкрадывание общественного. Теперь этой формуле был нанесен удар: мысль об Эллен не покидала его.

- Цирк - прекрасное зрелище, - говорил между тем Валентин Валентинович, - но многое преувеличивает. Эффект достигается манипуляциями, зритель принимает их за чистую монету. На манеже мужчины кажутся Аполлонами, женщины - Афродитами, а за кулисами... Такое разочарование... Я не говорю об Эллен Буш, она действительно красавица, это делает честь вашему вкусу.

- Почему моему? - нахмурился Миша.

- Мне показалось, что у вас к ней особенное отношение...

Миша остановился, вызывающе спросил:

- Как вы смеете это говорить? Какое, собственно, вам дело?

Они стояли друг против друга.

Ладно, стерпим, возьмем себя в руки, он накажет Мишу, когда увезет Эллен, вот тогда этот идейный мальчик попляшет. Сейчас не время.

- Прошу прощения, Миша, я вел себя как хам, признаю. Но злого умысла не было, поверьте. Я преисполнен к вам самого лучшего, самого доброго отношения. А за амикошонство, повторяю, простите.

Они пошли дальше.

Миша хмуро молчал.

- Вы сердитесь, - сказал Валентин Валентинович, - вы правы. В вашем возрасте это трепетно, серьезно, а мы, старики, - скоты и циники. Мне стыдно за себя, поверьте... Хотите поехать со мной на бега? - неожиданно спросил он.

- Меня это не привлекает.

- Жаль. Лошади - моя страсть. В этом я кое что понимаю. Игрок! Да да, играю в тотализатор. Это предосудительно, я знаю, за азартную игру в тотализатор исключают из партии, но я беспартийный, более того, я обыватель. Представьте себе! Обыватель тоже предосудительно, но у каждого своя судьба. Вы комсомолец, человек идейный, а я рядовой совслужащий, получаю небольшой оклад, крошечные проценты...

- Все люди живут на зарплату.

Валентин Валентинович покосился на Мишу. Мальчик поучает. Что ж, продолжим комедию.

- Понимаете, Миша, люблю хорошо пожить. У меня примитивные потребности. Хорошо жить - тоже примитивная потребность, не правда ли?

Миша пожал плечами. Его вызывают на разговор, а он не хочет разговора - этот человек ему чужд, что он будет ему доказывать?!

Не дождавшись ответа, Навроцкий продолжал:

- Да, люблю хорошо пожить. Вы спросите, как? Отвечаю: лошадки выручают. Я не просто игрок, я счастливый игрок.

Его смех громко прозвучал в тишине ночной улицы.

- Да, Миша, я счастливый игрок, вот кто я такой. Я знаю, я вам не нравлюсь, и вот смотрите: делаю все, чтобы понравиться еще меньше. Дурацкий характер! Вместо того чтобы завоевать ваши симпатии, я наоборот, углубляю ваши антипатии. Кстати, - неожиданно спросил он, - почему я вам не нравлюсь?

Его болтовня раздражала Мишу, он чувствовал скрытое издевательство и сухо ответил:

- Какая разница? Мне, например, безразлично, нравлюсь я вам или нет.

- Вы не считаетесь с мнением других людей?

- Считаться с мнениями других вовсе не означает всем нравиться.

- И все же я вам не нравлюсь, признайтесь! - настаивал Навроцкий.

- Да, не нравитесь.

- За что именно, интересно узнать?

- Вы получили вагон мануфактуры. Помните, я помогал толкать этот вагон?

- Конечно, помню.

- Зимин велел этот вагон задержать, но вагон отправили, а Зимину сказали, что не успели задержать.

- Кто сказал?

- Кладовщик Панфилов.

- А я при чем?

- Вы вместе с Панфиловым и Красавцевым обманули Зимина.

- Ах, Миша, Миша, - улыбнулся Навроцкий, - и по таким вещам вы судите о людях?! Хотите знать правду? Да, все сделали с моего ведома. Больше того - по моему настоянию. Судите сами. С великими трудами добыл я вагон мануфактуры, обил десятки порогов, вырвал сотни резолюций. Наконец товар мне выдан, я его оплатил, получил железнодорожный вагон, тоже, между прочим, не без труда, телеграфировал в Батуми, что отгружаю товар. И вдруг, в последнюю минуту, Зимин приказывает задержать вагон, по видимому, для того, чтобы передать его другому агенту, возможно, более настойчивому, более предприимчивому или более знакомому. А я должен начинать все сначала, опять ждать месяц или два. Какой же я после этого снабженец? Лопух, дурак и бездарь!

Они шли мимо темных, но знакомых витрин. Миша молчал. В рассуждениях Навроцкого была своя логика. Впрочем, логика была и в рассуждениях Панфилова. Чужая логика.

Валентин Валентинович продолжал:

- Представьте: вы директор швейной фабрики, ждете вагон мануфактуры, иначе фабрика не может работать. А ваш уполномоченный, тюфяк, чурбан, проворонил этот вагон, уступил его неизвестно кому, и фабрика должна остановиться. Будете вы держать такого уполномоченного?

- Допустим, вы защищали интересы своего предприятия, - сказал Миша.

- А Красавцев? Панфилов?

Они стояли во дворе, в глубоком темном колодце, образованном корпусами дома. Несколько окон еще светились.

Валентин Валентинович раздел руками:

- О Красавцеве я ничего не знаю.

Не хочет говорить о Красавцеве. А ведь встречался с ним в ресторане. Все врет, все придумывает.

- А Панфилов? Почему Панфилов защищал интересы вашего предприятия, а не выполнил приказ своего инженера? Вы с ним вступили в сделку, дали взятку. Он взяточник, а вы взяточдатель.

Удар был точный. Прямолинейность этих мальчиков может быть опасной.

Обдумывая каждое слово, Валентин Валентинович сказал:

- Взятки я ему не давал. Просто Панфилов не хотел лишней волокиты и был, между прочим, прав: задержка вызвала бы много осложнений - простой вагона, штраф, неустойку и так далее и тому подобное... Но предположим, чисто теоретически, что было по другому: я что то дал Панфилову, пятерку, десятку; допустим, дал. Ну и что? Ведь мануфактуру я получаю не для себя, а для государственного предприятия.

- Это вопрос не денежный, а моральный, - возразил Миша. - За десятку человек продает честь и совесть.

- Да ничего я ему не давал! - закричал Навроцкий. - Вы заблуждаетесь!

- Я ничего не утверждаю, - ответил Миша, - не видел и потому не утверждаю. Вы у меня спросили: почему вы мне не нравитесь, я вам ответил.

Валентин Валентинович задумчиво проговорил:

- Да, с такими принципами, с такой прямолинейностью вам будет трудно жить, Миша...

В ночной тишине глухо, но близко и отчетливо раздался выстрел.

- Вы слышали? - Валентин Валентинович повернулся в ту сторону, откуда послышался выстрел.

- Как будто выстрел, может быть, пугач?.. - сказал Миша.

- Нет, не пугач, - встревожено произнес Валентин Валентинович, - это не пугач!

Миша показал на подъезд Зиминых:

- Вроде бы оттуда.

- Посмотрим! - решительно проговорил Валентин Валентинович и быстрым шагом направился к подъезду.

Глава 26

Они вошли в подъезд и услышали, как кто то бежал по лестнице.

- Они побежали вверх, - сказал Миша и, перескакивая через две ступеньки, кинулся вдогонку.

- Осторожно, Миша, они вооружены! - закричал Валентин Валентинович и побежал за ним.

Они пробежали несколько этажей и остановились, прислушиваясь. Топота уже не было слышно.

- Ушли на чердак, - сказал Миша.

И вдруг до них донесся крик:

- Папа, папа...

Они поднялись еще на этаж и увидели в дверях квартиры Андрея Зимина, босого, в трусах и майке. Размазывая кулачками слезы по лицу, он повторял:

- Папа, папа...

В коридоре на полу лежал Николай Львович.

- Зажгите свет! - крикнул Навроцкий.

Миша повернул выключатель.

Валентин Валентинович наклонился над Зиминим, увидел струйку крови на куртке и на полу.

- Звоните соседям! Срочно врача, милицию!

Соседи уже толпились на площадке, заглядывали в квартиру, полуодетые фигуры, испуганные, заспанные лица...

- Товарищи! - сказал Валентин Валентинович. - Есть ли поблизости врач?

- Во втором подъезде. Илья Борисович, - ответила соседка.

- Сходите за ним, побыстрее, пожалуйста!

- Сейчас, пальто накину.

- Товарищи мужчины, бегите к дворнику! У кого есть телефон, звоните в милицию!

Валентин Валентинович действовал быстро, решительно, все подчинялись ему. Сверху и снизу, разбуженные шумом, подходили жильцы, толпа заполнила площадку.

- Я услышал выстрел, разбудил Соню, говорю: слышишь, стреляют!

- Я дремала, но сквозь сон тоже слышала выстрел. Потом - топот ног по лестнице.

- Они вверх побежали.

- Наоборот, вниз.

- Человека застрелили, в собственной квартире, какой ужас!.. Но побежали наверх.

- Бандиты! Они вниз побежали. Зачем наверх? На крышу? На небо?

Валентин Валентинович сказал:

- Андрей, пойдешь оденься, простудишься!

Андрей шагнул в коридор, но испуганно отшатнулся, увидев распростертое на полу тело отца.

- Пойдем, деточка...

Соседка увела Андрея к себе.

Появился врач, с нахмуренным лицом прошел в квартиру.

Валентин Валентинович стоял в дверях.

Врач склонился над Николаем Львовичем, потом поднялся:

- Он мертв.

- Боже мой! - всплеснула руками соседка.

Кто то предложил:

- Может быть, положить его на диван?

Врач запретил:

- До милиции не трогайте!

Наступило тягостное ожидание.

Валентин Валентинович курил папиросу за папиросой.

Подходили еще люди, спрашивали, им рассказывали про выстрел, про топот ног...

Появились милиционеры, трое, они вошли в квартиру, осмотрели тело Зимина, коридор, прошли в комнаты, переговорили с врачом, вышли на площадку.

- Кто что видел или слышал?

Миша показал на Валентина Валентиновича.

- Мы с товарищем Навроцким стояли во дворе, слышали выстрел... Мы вбежали

в подъезд, услышали топот ног наверху, побежали за ними, но не догнали. Возможно, они спрятались на чердаке.

- Ты знаешь чердак?

- Знаю.

- Пошли!

Миша и два милиционера поднялись по лестнице и вошли на чердак.

Милиционеры вынули пистолеты, осветили чердак карманными фонарями.

Они осторожно двигались, перелезая через стропила и балки, тщательно освещали углы. Чердак был пуст.

Так добрались они до Витькиной каморки. Миша потянул самодельную дверь. Милиционер осветил чуланчик. На тюфяке сидел Витька, щурил глаза, ослепленный светом фонарика.

- Ты чего здесь?

- Ничего, сплю.

- Вставай! - приказал милиционер.

Витька поднялся.

- Оружие!

- Какое оружие?

- Подними руки!

Витька поднял руки.

Один милиционер направил на Витьку свет фонарика, другой обыскал.

Оружия при Витьке не оказалось.

- Кто здесь еще есть? - спросил милиционер.

- Никого нет.

- Выйди!

Витька вышел из каморки, увидел Мишу, с удивлением посмотрел на него.

- Ты?

- Кто то вбежал на чердак. Ты не слышал, не видел? - спросил Миша.

- Никого я не видел! - огрызнулся Витька.

Милиционер вытащил из под тюфяка жестяную коробку с бумажными, серебряными и медными деньгами.

- Чьи деньги?

- Мои.

- Куда револьвер закинул?

- Не видал я никакого револьвера, чего пристали?!

- Не шуми, я тебе так пошумлю! - пригрозил милиционер. - Посмотри за ним, - сказал он товарищу, - я тут поищу.

С Мишей он пошел до чердаку. Свет фонарика скользил по балкам и стропилам. У одной балки милиционер задержался, наклонился, разрыл кучу шлака, вытащил портфель, открыл, осветил фонариком.

Портфель был пуст, на внутреннем клапане серебрилась монограмма: «Николаю Львовичу Зимину от коллектива фабрики»...

Они вернулись к каморке, милиционер показал Витьке портфель.

- Где взял портфель?

- Не видел я этого портфеля.

- Пошли!

Жильцы стояли на лестнице, внизу и вверху, свешивались через перила,

поминутно хлопала дверь подъезда, подходили еще люди.

Толпа расступилась, пропуская в квартиру милиционеров и Витьку. Миша остался на площадке. Валентин Валентинович стоял в дверях.

Послышался шум машины, подъехавшей к подъезду.

Агенты угрозыска вошли в квартиру.

Они вышли оттуда с Витькой и поднялись на чердак.

Миша устал, хотелось спать, он присел на ступеньку лестницы, прислонился к перилам.

В широких окнах брезжил ранний майский рассвет.

Валентин Валентинович стоял в дверях квартиры. И как ни устал Миша, он не мог не заметить на лице Навроцкого выражения плохо скрываемой тревоги, напряженности, готовности к любым неожиданностям.

Жильцы не уходили, подходили новые, подошли отец и мать Витьки. Отец был трезв, суетлив, поворачивался во все стороны, слушал разговоры, все время приговаривал: «Так ведь разобраться надо по справедливости, а как же, иначе нельзя». Мать смотрела на всех умоляющим, жалким и затравленным взглядом.

В квартире что то происходило, осмотр или обыск. Тело Николая Львовича перенесли в комнату.

Вернулись с чердака агенты угрозыска с Витькой. Мать метнулась к нему, но Витька сурово проговорил:

- Чего кидаешься?

Можно было только подивиться его дерзкому хладнокровию.

- Отойдите, гражданка, - сказал агент.

- Это его мать, - объяснил кто то из толпы.

- Незачем волноваться, - ответил агент, - все выяснят.

Они опять вошли в квартиру.

Миша сидел на лестнице. Валентин Валентинович стоял в дверях.

Настало утро, люди уходили на работу, другие толпились на лестнице, во дворе, у подъезда.

Из квартиры вышли милиционеры, между ними шел Витька. Все хлынули за ними. Спустились во двор и Миша с Валентином Валентиновичем.

- Проходите, граждане, проходите! - говорили милиционеры, раздвигая толпу.

В воротах Витька оглянулся, разыскивая глазами мать, но, видно, не нашел ее.

Его взгляд встретился с Мишиным взглядом.

Глава 27

Тяжелые, намокшие бревна захватывали баграми, обвязывали веревками, втаскивали на берег, грузили на дроги, стоявшие вдоль набережной, тогда еще не гранитной, а земляной, местами выложенной булыжником, между камнями пробивалась чахлая травка.

Яша Полонский всех подбадривал:

Это мы разгружали поленья,
Провалившись по пояс в воде,
Это мы, это мы, поколение
Рвущихся к новой весне.

- Сатира получается у тебя лучше, - заметил Миша.

- В данном случае нужна не сатира, а доходчивая агитка, - ответил Яша, сморкаясь в платок.

- Простудился.

- Ходил я по лужам, теперь я простужен.

На школьном дворе ребята распиливали бревна, кололи чурки на дрова, цепочкой передавали друг другу, укладывали штабелями возле котельной. За лето дрова высохнут, на следующую зиму школа будет обеспечена топливом.

Кончатся занятия, кончается школа...

На последнем бюро обсуждали, кого рекомендовать в председатели учкома на будущий год. Миша предложил Сашу Панкратова. Только-только передали в комсомол? Ну и что? Толковый парень, смелый, принципиальный. С ним согласились - хорошая кандидатура. И другие ребята ничего: Нина Иванова, Максим Костин... Всегда кажется, что тот, кто придет после тебя, будет хуже, но ведь и те ребята, которых сменил он, Миша, тоже считали его маленьким, боялись, что дальше будет не так. Не так, конечно, по-другому, а ничего, работал.

В цепочке ребят, передающих дрова, Миша увидел Андрея Зими́на и Леню Панфилова. Жалко Андрея, и Люду, и их маму, не похожую на маму. И ничего не выяснено, подозрение на одного Витьку.

Миша не мог забыть, как оглядывался Витька, разыскивая мать. Он увидел Витьку таким, каким знал в детстве, тот Витька не мог убить. И Витька, который искал глазами мать, тоже не мог и не убил Зими́на. Чистая психология, конечно, а все же не мог убить.

Как то Миша зашел к Люде. Она читала, отложила книгу, когда Миша вошел, посмотрела на Мишу глубоким, выжидательным, совсем новым взглядом, потом вдруг улыбнулась:

- Садись!

У Миши сжалось сердце от этой улыбки. Странная девчонка, гордая. Он вспомнил разговор с Николаем Львовичем. Николай Львович сказал тогда: «Это делает ей честь». Она и сейчас держится так же, старается скрыть свое горе, не навязывает его никому. А они пели про нее: «Я жеманство, тру ля ля...»

- Где мама? - спросил Миша.

- Скоро придет.

- Как она?

- Мне кажется, она еще не понимает, что произошло, не верит, не осознает. То вдруг становится такой, будто сама умерла. А иногда она вдруг начинает лихорадочно обвинять Витьку Бурова, быстро, быстро, и все про Витьку, все про него, как будто хочет и себя и меня убедить, что именно он во всем виноват.

- Наверно, она так и думает, - заметил Миша.

- Да, убеждена в этом. Она всегда его побаивалась, хотя не всегда сознавалась, храбрилась, а теперь утверждает, что еще до всего он пытался на ее глазах влезть в окно.

Миша взглядом примерился к пожарной лестнице.

- Это довольно сложно.

- Я то же самое ей сказала, а она отвечает: «Сложно? Для него?»

- А что было в портфеле?

- Служебные бумаги, какие то документы на брак.

- Зачем они Витьке?

- Возможно, он их просто выбросил. Мама утверждает, что ему был нужен портфель. Ведь они собирались в Крым. Андрей замусолил том энциклопедии на «К», Андрей ведь еще совсем дурачок. Он, например, своим почерком, с ошибками через каждые два слова, изготавливал «дАкумент». В «дАкументе» указывалось, что учитель Витя Буров едет со своими больными чахоткой учениками в Крым.

- Для Крыма нужен не портфель, а чемодан. Но допустим. Скажи, если не секрет, почему о пропаже портфеля твой отец не заявил в милицию?

- Роковая ошибка. Если бы заявил, то остался бы жив. Но понимаешь... В тот вечер дома оставался один Андрей, папа опасался, что подозрение падет на него. Кроме того, если Андрей как то причастен к пропаже, то папа надеялся, что со временем он сумеет вернуть документы. Зачем они ребятам?

- Неужели Андрей причастен?

- Нет, ни в коем случае, этого не может быть. Я пытаюсь представить себе ход папиных мыслей.

- Ну хорошо. Витька украл портфель, допустим, даже с помощью Андрея. Но убийство...

- Я не верю, что Витька убил папу, не верю... - сказала Люда. Я думаю, что нас хотели ограбить, проследили, как мы уехали на дачу, забрались в квартиру, но папа неожиданно вернулся с дороги.

- Да? Почему?

- Вспомнил, что ему надо написать докладную записку. Конечно, это очень странно, я до сих пор ломаю над этим голову.

- Действительно, странно, - сказал Миша.

- Вообще много непонятного... Например, о пропаже портфеля я узнала после того, как убили папу.

- Тебе не говорили? Скрывали? Целую неделю?

- Да.

- Почему?

- Мама говорит: не хотели волновать меня... Я в это не слишком верю.

- И Андрей тоже не знал?

- Андрей знал, они спрашивали у него, где портфель.

- Значит, только от тебя скрывали?

Люда пристально посмотрела на Мишу:

- Что ты хочешь этим сказать?

- Просто констатирую это обстоятельство.

Но для самого Миши это обстоятельство было ясным: Зимин не доверял Люде из за Навроцкого.

Может ли Миша сейчас доверять Люде? А если она передаст Навроцкому?.. После того, что случилось, сомнительно. А впрочем... Пусть думает в другой раз, с кем шататься по ресторанам!

- Я хочу, чтобы ты на всякий случай знала: в портфеле действительно были документы на брак. Но этот брак был отпущен твоему знакомому, Валентину Валентиновичу...

Миша подробно, обстоятельно рассказал Люде об эпизоде с вагоном.

- Кстати, - безжалостно заключил Миша, - когда вы с Юрой танцевали в

ресторане, Валентин Валентинович разговаривал с Красавцевым, а потом Красавцев передал документы Николаю Львовичу в проходной, когда Николай Львович шел домой. Николай Львович не хотел брать, Красавцев навязал их ему.

Люда ошеломленно смотрела на Мишу.

- Но когда пропал портфель, Валентин Валентинович был с нами в театре...

- Был... А когда убили Николая Львовича, был со мной в цирке... Я его не обвиняю, я просто рассказываю тебе некоторые обстоятельства.

Люда широко раскрытыми глазами смотрела на Мишу. Потом закрыла лицо руками.

- Ну, ты чего...

- Это я убила папу. - Она отняла руки, глаза ее были сухие и красные. - Я привела этого человека в наш дом.

«Что то не так получается у меня с этой семьей, - подумал Миша. - То злюсь на них, то жалею».

- Я ведь не сказал ничего утвердительного, просто пытаюсь связать между собой некоторые факты.

- Это я убила папу, - повторила Люда, - я привела этого человека в дом. Папа говорил, что он ему не нравится, не хотел видеть его в нашем доме. Теперь я понимаю почему: он знал, он предчувствовал... Боже мой... Это я, я, я... Все я... Виновата одна я. Ведь когда он пришел к нам перед театром, я сразу поняла, что он такое: все врет, ни одного слова правды, я все почувствовала, но у меня не хватило духа отказаться, не идти в театр, мне было стыдно перед папой, перед мамой... Боже мой, боже мой, что я наделала...

Она раскачивалась, закрыв глаза. Миша впервые видел такое отчаяние, не знал, что ему делать, как успокоить.

- Нет никаких доказательств, что это сделал Навроцкий, - сказал он.

- Ты напрасно себя казнишь. Наоборот, все доказательства в его пользу, ты сама их приводила. Кроме того, убив твоего отца, они не взяли документов - значит, дело не в документах и, следовательно, не в Навроцком. Просто я так же, как и ты, не верю, что Витька убийца.

Она сидела молча, смотрела в одну точку, потом сказала:

- Я убью этого мерзавца.

- Перестань! - сказал Миша. - Не бросайся из одной крайности в другую. Идет следствие, оно все выяснит. Единственное, что от тебя требуется, - не выдавай Навроцкому своих подозрений. Обещаешь?

- Я с ним больше не вижу, - ответила Люда.

Глава 28

Славкина квартира, раньше такая радостная, выглядела теперь скучной и запущенной. Пыльные ковры на полу, подгоревший абажур над столом, на диване в беспорядке маленькие подушки. И только рояль в углу такой же чистый и блестящий, как и раньше, и тот же перед ним вращающийся стул.

Дверь в спальню была открыта, там мелькнула фигура Константина Алексеевича в заношенном халате. Небритый, осунувшийся, мешки под глазами, он не вышел и не поздоровался.

Славка отнесся к этому спокойно, привык к странностям отца или не хотел,

обращая внимание, подчеркивать их.

- Я не допускаю мысли, что Витька убил Зими́на, - сказал Миша. - Обыскан весь чердак, перебрана каждая щепка - оружия нет. Проник в квартиру? Как? В окно? На виду у всего дома? Через дверь? Ни ключей, ни отмычек у Витьки не нашли. Дверь открыл Андрей? Андрей участвовал в убийстве отца? И главное - мотивы преступления? Ограбление? Почему унес только портфель? Документы? Зачем они Витьке?

- Я тоже не верю, что Витька убил Зими́на, - сказал Славка.

- А я верю! - объявил Генка. - Кто такой Витька Буров? Начи́нающий бандит, подчеркиваю - начи́нающий. Он первый раз забирается ночью в чужую квартиру, волнуется, видит портфель, думает, в нем что то ценное, хватает, убегает. Проходит неделя, никто портфеля не ищет, все тихо. Прекрасно! Витька идет опять, дорожка знакомая, но там неожиданно хозяин... Витька со страху стреляет, ему уже не до барахла, удирает, закидывает куда то пистоль, забирается на чердак в свою конуру и притворяется, что дрыхнет.

- Если бы у Витьки был револьвер, он обязательно показал бы его ребятам, - возразил Славка.

- Может быть, и показал! А они скрывают. Главное - откуда на чердаке взялся портфель?

- Да, - сказал Миша, - портфель - единственная улика против Витьки. Но в портфеле были документы на брак; они нужны не Витьке, а Красавцеву, Панфилову и Навроцкому.

- А может быть, по их поручению Витька и сделал это? - предположил Генка.

- У него были плохие отношения с Навроцким, - возразил Миша.

- Для видимости можно и по мордасам лупить друг друга. Кто, если не Витька? Навроцкий? Когда украли портфель, он был с Зими́ным в театре, когда убили Зими́на - с тобой в цирке. Если он и взял портфель, если и убил Зими́на, то Витькиными руками, а сам устроил себе алиби: сначала Художественный театр, потом цирк.

- Вы оба горячитесь, а зря, - сказал Славка. - Один твердит - Витька, другой - Навроцкий. Ну, а сам Зими́н? Почему он скрыл пропажу портфеля с документами? Боялся, видите ли, подвести Андрея? Что грозило малолетнему Андрею? Ровным счетом ничего. Больше того! Несмотря на пропажу первых документов, Николай Львович взял домой вторую пачку документов, отправил на дачу жену и дочь, а сам с дороги неожиданно вернулся домой. Зачем? Вспомнил о докладной записке? Ерунда! Николай Львович не тот человек, чтобы забыть о докладной записке. Он вернулся не случайно, вернулся специально, намеренно, поехал на дачу, чтобы убрать из дому Ольгу Дмитриевну и Люду, а сам вернулся. Зачем? Почему?

- Что ты долдонись: почему, почему? - заметил Генка. - Сам скажи - почему?

- Можно предположить только одно, - сказал Славка. - Зими́н должен был встретиться с кем то у себя дома. Встретились, повздорили, они его убили. Но заметьте, документов не взяли. Значит, не в них дело.

- То есть Навроцкий ни при чем, это ты хочешь сказать? - спросил Миша.

- Да, возможно, дело не в Навроцком, не в Витьке, а в ком то третьем. Зими́на могли вовлечь в какую то аферу, запутать. Он, допустим, захотел выйти из игры, и его убили, опасаясь разоблачений.

- Зими́н был нечестный человек?

- Честный. Может быть, даже свержестный. И в этом, может быть, все дело: он в

чем то запутался или его запутали.

- Выходит, никому нельзя верить?

Славка качнул головой:

- Просто я больше вижу, больше слышу. Я уже говорил: изнанка жизни. Вы ее не видите, я вижу. Сам подумай: зачем Навроцкому с Красавцевым убивать Зимина? Из за документов? Красавцев мог с этими документами сделать на фабрике что угодно. Эти документы в его руках. Они отлично понимают, что за убийство вышка! Нет, это не Навроцкий, не Красавцев, это другие люди, которых, может быть, никто, кроме самого Зимина, не знает. И именно потому, что никто, кроме Зимина не знает, они и пошли на такое дело.

- Подведем итоги, - сказал Миша. - Генка считает убийцей Витьку Бурова. Так, Генка?

- Да. Допускаю, что Витька был исполнителем, орудием в чьих то руках, возможно, в руках того же Навроцкого, того же Красавцева. Но портфель украл он, убил Зимина он.

- Ясно! Теперь Славкина точка зрения: Зимин запутался в связях с какими то неизвестными нам дельцами, и его убили. Так, Славка?

- В общих чертах, так.

- И, наконец, мое мнение: Витька ни при чем. За этим делом стоит Навроцкий. Итак, встает вопрос: что будем делать?

Славка удивился:

- Что мы можем делать? И почему мы должны что то делать? Следствие само разберется.

- Как мы можем вмешиваться? - добавил Генка. - И зачем? Витьку выручать?

- Да, - сказал Миша, - надо выручать Витьку.

- Бог тебе в помощь. Я этого не собираюсь делать, - заявил Генка.

- Бог мне не помощник и не товарищ. Вы мои товарищи. От вас я жду помощи.

- Что именно?

- Хотелось бы знать, что говорят об этом на фабрике. Твоя тетка, наверно, в курсе.

- Это можно, - согласился Генка.

- А ты, Славка, поскольку ты так хорошо знаешь изнанку жизни...

- Твои насмешки меня не трогают.

- Тем лучше. Так вот. Навроцкий - частый посетитель «Эрмитажа». Не мог бы ты узнать о нем поподробнее?

- Если чтонибудь узнаю, скажу.

- Прекрасно! От самого дела вы устраняетесь?

- Я не намерен тратить на это время, да у меня его и нет, - сказал Славка.

- А у меня нет желания защищать Витьку Бурова, бандита! - объявил Генка.

- Ну что ж, - сказал Миша, - значит, на этот раз я остался один.

Глава 29

Чем он располагает? Ничем, в сущности. История с вагоном? Маловато. И все же среди бесчисленных лиц, мелькавших в ту ночь на лестнице, пораженных, взволнованных, испуганных, лицо Навроцкого было единственным, исполненным затаенной тревоги, внутреннего напряжения, готовности к любой неожиданности.

Воспоминание об этом лице укрепляло Мишу в его уверенности больше, чем все другое. Опять психология? Ну и пусть.

С чего начинать? Кого он знает из окружения Навроцкого? Только Юру. Но Юра ничего не скажет, верный паж. Продался за ресторанный похлебку, за бефстроганов и кофе со сливками. Не с него надо начинать.

Начинать надо с Андрея Зимина и Ленки Панфилова. Витьку они будут защищать, выгораживать, и все же могут обнаружиться какие то подробности, что то существенное в пользу Витьки. А все, что в пользу Витьки, то против Навроцкого. И говорить больше не с кем, надо говорить с ними.

Шныра и Фургон дежурили в бригаде распределения, и Миша отправился на кухню.

Нагретым кухонным ножом Кит ловко разрезал круг масла на одинаковые кубики. Virtuoz, ничего не скажешь! Человек, нашедший свое призвание.

Шныра и Фургон чистили картошку.

- Потоньше срежьте кожуру, который раз вам говорю! - выговаривал им Кит.

- Картофельная каторга! - пробормотал Шныра с отвращением.

Миша попросил Кита отпустить Фургона.

- Так ведь ужин скоро накрывать, - ответил Кит недовольно.

- На несколько минут всего. Идем, Андрей!

Они вышли на школьный двор, уселись в тени высокого тополя.

- Андрей, как ты думаешь, Витька виноват в том, что случилось с твоим отцом?

- Откуда я знаю? Я не видел, кто убил папу.

- А кто украл портфель?

- Я спал, когда его украли.

- И не слышал, как кто то забрался в квартиру и унес портфель?

- Не слышал.

- А как портфель очутился на чердаке?

Вместо ответа Фургон пожал плечами, губы у него задрожали.

«Мучаю ребенка», - подумал Миша.

- Слушай, Андрей, - сказал Миша, - твоего отца убил негодяй, мерзавец. Неужели ты будешь его защищать?

- Но ведь я ничего не знаю! Меня и следователь вызывал, и мама спрашивала. А что я знаю? Я спал. Я не видел, кто стрелял.

- Но сам ты как думаешь: Витька виноват?

Андрей молчал.

- Что же ты молчишь? Ты его боишься? Кого ты боишься?

- Никого я не боюсь, - ответил Андрей, потупившись.

- Ну, так говори!

- Ничего я не знаю. И про Витьку не знаю: он украл или нет - не знаю.

- А зачем ты с ним водился?

- Я не с ним, а со Шнырой, а уж потом вместе...

- Что вместе?

- Ну, были вместе.

- А револьвер ты видел у Витьки?

- Нет.

- Честное слово?

- Честное слово!

Миша смотрел на Фургона. Не может быть, чтобы врал, не похож на лгуна, неуклюжий, добродушный мальчишка, ничего в нем нет воровского, блатного, ничего хитрого, лукавого.

Все же Миша переспросил:

- Значит, у него не было револьвера?

- Я не знаю: был или не был. Только я не видел, он мне не показывал.

- А ты говорил комунибудь, что твои уйдут в театр?

- Никому не говорил. Я сам не знал, что они пойдут. Меня позвали со двора, сказали: уходим, оставайся дома, ложись спать. Я и лег.

- Хорошо. А во второй раз? Ты знал, что твои собираются на дачу?

- Знал.

- Говорил комунибудь?

- Чего?

- Что твои уезжают на дачу, говорил комунибудь?

- Нет...

Андрей вдруг осекся, растерянно посмотрел на Мишу...

От Миши это не ускользнуло.

- Сказал комунибудь, вспомни! Это очень важно.

Андрей снова потупился, потом тихо проговорил:

- Витьке сказал.

- Значит, Витька знал, что твои уезжают на дачу?

- Знал, - прошептал Андрей.

- Зачем ты ему сказал?

- Сказал...

- Он спрашивал тебя?

- Нет.

- Зачем же ты сказал?

- Витька нам говорит: поедem в воскресенье на Дорогомиловское кладбище синичек ловить. А я ответил: не могу я, наши в субботу уезжают на дачу и мне велели сидеть дома. Вот так он и узнал про дачу.

- Кто при этом был?

- Ну, кто... Я, Шныра, Паштет, Белка.

Черт возьми, все сложнее, чем он думал!

- Слушай меня внимательно, Андрей! Ничего и никого не бойся. Скажи мне правду, Витька брал портфель?

Андрей, потупившись, молчал.

- Из тебя все приходится вытаскивать клещами.

- Все говорят, что украл.

- И убил он?

- Все говорят, что убил.

- А ты, ты как думаешь?

- Я не верю, - прошептал Андрей.

Итак, Витька знал, что Зимины уезжают на дачу, и, конечно, видел, как они уходили в театр. В обоих случаях ему было точно известно, что никого, кроме Андрея, дома нет.

Серьезная улика. Многое меняет.

Неужели правы эти таинственные «все», а он не прав?

Может быть, неприязнь к Навроцкому мешает ему быть объективным? Он настолько уверовал в его виновность, что не видит фактов, уличающих Витьку, не хочет их видеть, игнорирует. И Фургон недоговаривает. Кого он боится? Шныру? Паштета? Белку? Главный у них, после Витьки, безусловно, Шныра, правая рука атамана. Андрей под его покровительством, под его влиянием. Не его ли боится Андрей?

Миша проводил Фургона на кухню и позвал Шныру. Тот не стал ожидать разрешения Кита, скинул фартук, с отвращением отбросил нож и вышел с Мишей во двор.

В отличие от Фургона, Шныра категорически объявил:

- Никакого портфеля Витька не брал, а уж убивать... Никого не убивал.

- Как это ты можешь утверждать? Ты все его дела знаешь?

- Знаю.

- Выгораживаешь Витьку.

- Не выгораживаю, а правду говорю.

- Ты же был со мной в цирке. Откуда ты знаешь, что в это время делал Витька?

Когда мы были в цирке, как раз и убили Зимина.

- Все равно Витька не убивал.

- А буфет в кино вы обворовали?

Шныра молчал.

- Молчишь?! Не хочешь правду говорить? Почему же я должен тебе верить про Витьку, раз ты не хочешь говорить правду про буфет?

Не глядя на Мишу, Шныра сказал:

- Да, в буфете мы взяли.

Миша пристально смотрел на Шныру. Его признание говорит о многом. Понимает, что сейчас не время лгать: решается судьба Витьки. Этому парнишке можно верить. Миша поверил.

- Что взяли?

- Пирожные, конфеты, ситро, монпасье две банки.

- Вот видишь, - сказал Миша. - Раз Витька обокрал буфет...

- Не Витька, а мы все.

- Без Витьки вы бы этого не сделали. Не сделали бы, а?

Шныра пожал плечами, не знал, что ответить.

- Витька вас учил воровать, - продолжал Миша. - Он блатной и вас хотел сделать блатняками.

- Витька не блатняк! Не водился с ними и нам не давал. Он, когда узнал, что Белка водится с Шаринцом, сказал, что не возьмет ее в Крым.

- Разве Белка водится с Шаринцом?

- Раньше водилась.

- А сейчас?

- Разговаривала. Витька спрашивает: говорила с Шаринцом? А она отпирается - нет, не говорила. Врет! Витька ей сказал: будешь с Шаринцом - не поедешь в Крым.

- А о чем Белка разговаривала с Шаринцом?

- Не знаю, стояла у витрины и разговаривала.

- Ну, и что Витька?

- Витька и говорит: не смей водиться с Шаринцом, он ширмач, к нашим деньгам

подбирается.

- К каким деньгам?

- А что мы на Крым собирали.

- Те, что в жестяной банке были, в чуланчике?

- Ага.

- Он хотел, чтобы Белка украла эти деньги?

- Не знаю как: чтобы украла или чтобы ему сказала, где их Витька прячет. Только бы не узнал никогда. Витька их перепрятывал. Шаринец сколько раз их искал - не нашел.

- Где искал, на чердаке?

- Ну да! Сколько раз на чердак лазил, да не нашел. Витька места менял.

- Как же он залезал на чердак? Что то не видел я, чтобы он взбирался по пожарке.

- По пожарке он не лазил. Он через черный ход...

- Так ведь дверь Витька на задвижку закрывал.

- Витька закрывал наш черный ход, а Шаринец со своего хода лазил.

- Его подъезд на другом крыле.

- А он по крыше.

- А вы его видели на чердаке?

- Сколько раз.

Шаринец разговаривал с Белкой? Ну и что? Хочет отбить ее от Витькиной компании, давняя история. Что еще? Шаринец связан с уголовным миром? Но зачем ему документы? Впрочем, документы не были нужны и Витьке - улики тут одинаковые. А вот чердак - это существенное: Шаринец тоже мог спрятать портфель на чердаке. Шаринец, если он убил Зимина, мог по крыше перелезть на свой черный ход - живет он на восьмом этаже, - прямо в свою квартиру... Конечно, Шаринец - карманный воришка, не более того, но почему на Витьку можно думать, а на Шаринца нельзя? Уж он скорее поверит, что Шаринец это сделал.

- Слушай, - снова заговорил Миша, - ты помнишь, как Андрей сказал, что его родные уезжают в воскресенье на дачу?

- Говорил. Мы за синичками собирались, он и сказал: не могу, уезжают мои.

- А кто при этом был?

- Все мы были.

- И Белка?

- И Белка.

Миша пристально посмотрел на Шныру. Нужно ему довериться, другого выхода нет.

- Скажи, могла Белка сказать Шаринцу, что Зимины уезжают в воскресенье на дачу?

- Не знаю... Могла... Она все может. Неверная.

- Что значит неверная?

- Ненадежная.

- А мне ты веришь? - спросил Миша.

- А чего, почему ты спрашиваешь?

- Я, как и ты, убежден, что Витька не виноват, не крал портфеля и не убивал Зимина. И постараюсь это доказать. Будешь помогать?

- Буду. Что я должен делать?

- Пока молчать.

- Ладно, - сказал Шныра.

Глава 30

На чердачных дверях висели замки: после всех событий управдом закрыл чердак. Пришлось взобраться на крышу по пожарной лестнице.

На крыше Миша проделал путь, который мог бы проделать Шаринец после убийства Зимина, если допустить, что именно он его убил, а потом убежал по крыше к своему черному ходу. Путь его в этом случае проходил по краю крыши, путь опасный, и переход на свое крыло тоже опасный, но при известной ловкости и сноровке вполне возможный.

Затем через слуховое окно Миша спустился на чердак.

Витькиной каморки больше не существовало. Шаткое сооружение было разрушено, на его месте валялись доски с ржавыми погнутыми гвоздями, ободранные листы фанеры, рваный тюфяк.

Сейчас, когда он был здесь один, Миша ощутил чердак таким, каким ощущал его в детстве, - таинственным, загадочным, отделенным от остального дома. Глухая тишина нарушалась далекими звуками улицы и двора, воркованием голубей, царапанием их когтей по жести крыши, и как будто летали невидимые птицы, их крылья трепетали в углах и щелях чердака.

Он даже не услышал, а почувствовал кого то за своей спиной и оглянулся: возле слухового окна стоял Шаринец.

Некоторое время они молча смотрели друг на друга.

- Ты чего здесь? - первым спросил Миша.

- А ты чего?

- Антенну проверяю, - сказал Миша.

Он был в ловушке: чердачные двери заперты, а на крышу Шаринец загораживает дорогу. Справиться с Шаринцом ничего не стоит - хлюпик! Но, может быть, он вооружен. Что у него: револьвер или нож?..

- Антенну? - повторил Шаринец, с трудом выговаривая это слово. - Проволока, что ли? - Он кивнул в сторону крыши.

- Ага, она, - спокойно сказал Миша, подходя к окну и выглянув на крышу. - Провисает, приходится подтягивать.

Теперь он стоял рядом с Шаринцом, готовый предупредить любое его движение. Мысль его работала четко и ясно. Револьвер страшен на расстоянии, а когда стоишь вплотную, он не успеет его выхватить.

Однако никаких враждебных намерений Шаринец не проявлял. Кивнул на разрушенную Витькину каморку, злорадно усмехнулся:

- Теперь не вывернется, бандюга! С финкой на тебя кидался, помнишь?

- Помню, - ответил Миша и, подтянувшись, уселся в проеме окна. Одно движение - и он на крыше. Главное - выбраться на крышу.

- Что же вы его не укоротили? - спросил Шаринец.

- Разве мы милиция? - ответил Миша, перебросил ноги на крышу, встал и подошел к антенне.

Шаринец поднялся за ним.

- Мы не милиция, - повторил Миша, оттягивая шест.

Он чувствовал себя в безопасности, стоит на виду у окон соседнего корпуса. Впрочем, по видимому, у Шаринца нет враждебных намерений.

- Комсомольцы, штаб у вас, а вы просто так, мимо сада огорода... Проморгали!

- Да, - согласился Миша, переходя к другому шесту. - Теперь ребят затаскают к следователю.

- А их за что? Убивал то один Витька, его одного на чердаке нашли. Фургон спал. А Шныра с Паштетом в цирке были. С тобой были. Ведь были?

Хорошо, что Миша стоял спиной к Шаринцу и Шаринец не видел его реакции: Шаринец отводит возможных Витькиных свидетелей, знает, где они были.

- Да, - подтвердил Миша, - они были со мной в цирке, а все же одна компания с Витькой... - Он повернулся, медленно пошел по крыше, трогая антенну руками, и продолжал: - ...И Белка из той же компании. А где была в тот вечер - неизвестно.

Шаринец исподлобья смотрел на него, Миша отметил про себя и это: замечание о Белке обеспокоило Шаринца.

- Что ж, по твоему: Белка была заодно с Витькой? - спросил Шаринец.

- Так ведь сам знаешь, из его компании.

- Убивала, выходит, заодно? Девчонка?

- Разве я говорю, что убивала? Я говорю: ребят по следователям затаскают. А насчет Белки я вообще хотел с тобой поговорить.

- Чего говорить то? - насторожился Шаринец.

Мише было важно не то, что говорит Шаринец, он не проговорится, важно, как говорит.

- Ее могут взять на фабрику - не хочет. Что посоветуешь?

- А я при чем? Почему ты ко мне?

- Говорят, ты имеешь на нее влияние.

- Кто говорил? Ну! - грубо спросил Шаринец.

Миша усмехнулся:

- А ты чего на меня кричишь?! Думаешь, я глухой? Может быть, ты сам глухой? Могу так рявкнуть, что у тебя барабанные перепонки лопнут. Знаешь, что такое барабанные перепонки? - Миша протянул руку к уху Шаринца. - Вот тут они у тебя, ты ими слушаешь, а лопнут, ничего не будешь слышать, глухим навсегда останешься. Понял?

Шаринец мрачно молчал.

- Я тебе не мальчик, учти, - продолжал Миша, - не Шныра, не Паштет. Мне говорили, что ты имеешь влияние на Белку. Кто говорил? Витька Буров говорил, вот кто! Витька говорил, что Белка тебя слушает, вот я и прошу: уговори ее пойти работать на фабрику, хорошее дело сделаешь.

Мишкино объяснение, по видимому, удовлетворило Шаринца, и он спокойно сказал:

- Не маленькая, сама все понимает об себе. И не знаюсь я с ней, она с Витькой была. В Крым, дураки, собирались, на солнышке позагорать, вот и загорает, бандюга!

В говорливости Шаринца Миша почувствовал возбужденность человека к чему то причастного, в обвинениях Витьки - фальшь, в злорадстве - торжество мстителя. И его осведомленность, кто где был в ту ночь, и его беспокойство о Белке...

На другой день, в школе, Миша отозвал Шныру в сторону.

- Можешь узнать: говорила Белка Шаринцу, что Зимины уезжают на дачу?

- Если она Шаринца навела, разве она признается? - усомнился Шныра.
  - Это верно. А могла она навести Шаринца?
  - Не знаю. Только Витька ни при чем, это точно.
  - Хочешь Витьку выручить?
  - Спрашиваешь!
  - Следи за Шаринцом и Белкой.
- Шныра исподлобья посмотрел на него:
- Шаринец узнает - убьет.
  - А ты так, чтобы не узнал. Белке ничего не говори. И Фургону.
  - Я с Паштетом, - подумав, сказал Шныра.
  - Не продаст?
  - Он верный, любит Витьку.

Глава 31

В карты Валентин Валентинович тоже не играл. Есть карточные игры, в которых требуется умение, но надо ломать голову, а свою голову Валентин Валентинович берег для кое чего более существенного.

Но местонахождение игорного притона, где играл Красавцев, было ему известно.

Два раза коротко он позвонил в дверь.

Настороженный женский голос спросил:

- Кто там?

- От Антонида Аристарховны, - паролем ответил Навроцкий.

Дверь открыла дебелая накрашенная женщина - хозяйка заведения.

За ярко освещенным столом сидели игроки.

В углу, на маленьком столике, стояли вина и закуски. Туда и подсел Валентин Валентинович, дожидаясь конца игры.

Ждать пришлось долго, но он никуда не спешил. От него не ускользнул настороженный взгляд Красавцева; тем спокойнее и невозмутимее выглядел он сам, респектабельный молодой человек в черных лакированных ботинках с гетрами на блестящих пуговицах.

Наконец Красавцев подошел к столику, налил рюмку водки, стоя выпил, вполголоса спросил:

- Зачем вы здесь?

- Повидаться с вами, - весело ответил Валентин Валентинович.

- Присядете?

- Нам незачем видеться, - ответил Красавцев, однако сел.

- Мне трудно жить, не видя вас.

Валентин Валентинович покачивал ногой в лакированном ботинке.

- Ваши шутки неуместны.

- Шутки уместны в любых обстоятельствах, дорогой Георгий Федорович, тем более уместны они в обстоятельствах комических.

- О какой комедии вы говорите?

- Сидите с убийцей Зимина, спокойно пьете водку и закусываете селедочкой с луком.

- А что прикажете делать? Закричать: держите его!

- Идея! Это будет забавно.

Красавцев вытер губы салфеткой.

- Что вы хотите мне сказать?

- Вы должны твердо уяснить: никакого, повторяю, никакого отношения к происшествию я не имею. Будь я хоть мало мальски причастен, меня давным давно не было бы в Москве, вообще не существовало бы никакого Валентина Валентиновича Навроцкого. Неужели вы этого не понимаете? Чушь! Ерунда! Какие основания у вас связывать меня с этим делом?

- Вы настаивали, чтобы я передал документы Зимину.

- Документы лежат на столе, никто их не тронул.

- Вторые документы. А первые?

- Они пропали с портфелем и, вероятно, из за портфеля. Зимин стал бы нашим человеком, поверьте! Но впутался негодяй, мальчишка, бандит, какой то Альфонс Доде, черт бы его побрал, все испортил. Я не знаю деталей; не хочу знать, меня это не касается. Я чист! А поскольку чист я, чисты и вы. Стыдно паниковать, Красавцев!

- Не стыдите меня, пожалуйста! - вспыхнул Красавцев. - Много на себя берете. Я не утверждаю, что вы имеете отношение к происшествию, как вы изволили выразиться. Но оно имеет отношение к нам. Пока все не закончится, не уляжется, я ничего не могу делать и не буду делать. И вам не советую появляться на фабрике. Исчезните на время.

- Исчезнуть? Мне? Когда я ни сном ни духом! Красавцев, будьте мужчиной, не теряйте головы! Все должно продолжаться, как было.

- Что именно?

- Пять вагонов.

- Вы с ума спятили?

- Извините, это вы деморализованы убийством Зимина, все это видят, между прочим.

- Все равно придется переждать, - уже спокойнее ответил Красавцев.

- Назначен новый инженер, надо к нему присмотреться.

- Наоборот, - возразил Валентин Валентинович, - сразу ограничьте его: твое дело - производство, мое - сбыт.

- Ваше указание, товарищ Навроцкий, будет выполнено, как только вы станете директором фабрики.

Валентин Валентинович встал, холодно сказал:

- Я дал вам несколько дружеских советов, на мой взгляд, полезных. Главное, будьте спокойны, как спокоен я. Никаких, ни малейших оснований для беспокойства нет по одной простой причине: ни я, ни вы не имеем никакого отношения к этому делу. Я жду ответа. И не задерживайте. Иначе нужные мне пять вагонов я получу в другом месте. Честь имею.

Глава 32

Все так же двигались толпы в тесных рядах Смоленского рынка, между ларьками, палатками, открытыми прилавками, коробами с фруктами и овощами, мясными тушами, подвешенными на крюках, растекались по Арбату, по Смоленскому и Новинскому бульварам, по бесчисленным переулкам, спускавшимся к Москве реке, кривым, запутанным, пыльным и грязным.

В переулках тоже торговали дозволенным и запрещенным, гнилым и целым,

собственным и краденым, прячась от милиции и фининспектора в глухих проходных дворах, возле ветхих домиков, вросших в землю и подпертых бревнами, в бывших ночлежках, где ютились беспризорники, старьевщики, фальшивые слепцы, в извозничьих трактирах, чайных и пивных. Одна из них, «Гротеск», соседствовала со складом пустых бутылок.

Благопристойная на вид, с вывеской, где красовалась пивная кружка с громадным клубком белой пены, она, однако, пользовалась дурной славой даже среди постоянных обитателей Смоленского рынка. Здесь собирались воры, жулики, их подружки, скупщики краденого. Порядочные коммерсанты заходили сюда только днем.

Валентин Валентинович вошел в «Гротеск» тоже днем, побыл там некоторое время, вышел и смешался с рыночной толпой, не обратив внимания на двух мальчиков, сидевших на краю тротуара.

Этими мальчиками были Шныра и Паштет. Они видели, как Навроцкий вошел в «Гротеск» и как вышел оттуда.

Сообщение об этом было для Миши неожиданным. Шныра и Паштет следили за Шаринцом - постоянным посетителем «Гротеска». Туда же, оказывается, заходит и Навроцкий.

Пивная на открытом месте, Навроцкий мог зайти выпить кружку пива. И все же это первое, что удалось узнать Шныре и Паштету, причем сразу, с ходу.

Второе, не менее важное сообщение Миша получил на следующий день...

Паштет шел за Белкой.

На Смоленском рынке, у галантерейного ларька, ее ожидал Шаринец. Паштет зашел за ларек и прислушался к их разговору.

- К тебе Мишка приходил? - спросил Шаринец.

- Ну, приходил.

- Почему мне не сказала?

- А ты мне кто: дедушка, бабушка?

- Схлопочешь!

- Сам схлопочешь!

- Ты что Мишке говорила?

- Ничего.

- А он тебе чего?

- На фабрику, говорит, иди.

- А ты что?

- «Что, что»... Ничего!

- Еще с Мишкой увижу - убью!

- Дурак!

- Навешаю!

- Боюсь я тебя очень! - презрительно ответила Белка и пошла прочь.

Паштет смог выйти из за палатки только вслед за Шаринцом.

Против «Гротеска» сидели на тротуаре Шныра и Белка.

Шныра пересчитывал бутылки. Белка, подперев подбородок кулаком, мрачно молчала.

Шаринец подошел к ним.

Подошел и Паштет, уселся рядом со Шнырой.

Шаринец ткнул ногой в корзинку с бутылками.

- Дерьмом занимаетесь, копейки считаете?

- Ты! Осторожнее! - крикнул Шныра. - Разобьешь!
- Как ваш Альфонс? - насмешливо спросил Шаринец, косясь на Белку.
Ребята молчали.
- Говорил: не водитесь. Влип! Попались бы с ним заодно, попарились бы.
Они по прежнему молчали.
- И с бутылками кончайте! Барахлитесь на помойке! Хотите заработать - дам дело. Настоящее. Соображайте!
Шаринец вошел в «Гротеск».
- Пойди, Белка, сдай бутылки! - сказал Шныра.
- Не пойду.
- Почему?
- Не хочу.
- Чего же ты хочешь?
- Ничего не хочу! Умереть хочу! Надоели все!
- Да, скучно без Витьки, - сказал Паштет.
- Шаринец радуется, что Витьку посадили, гад! - добавил Шныра.
- Из за него Витька и сидит, - сказала вдруг Белка.
- Почему из за него? - в один голос спросили Шныра и Паштет.
Белка всхлипнула, вскочила, крикнула:
- А ну вас всех!
И побежала по переулку.
Из «Гротеска» вышли Шаринец и еще какой то человек и скрылись за углом.
Шныра и Паштет пошли за ними.

Глава 33

«Из за него Витька и сидит...» Белка зря не скажет.

Допрос, который учинил ей Шаринец, не случаен. Забеспокоился после разговора на чердаке. Значит, не зря, тогда на чердаке, Шаринец показался ему таким подозрительным. Не случайно и появление Навроцкого в «Гротеске».

Следователь Свиридов, давний знакомый Миши, вызывал его. Миша рассказал тогда о вагоне, о Навроцком и Красавцеве, рассказал все, что знал и что предполагал. Свиридов своего отношения не высказал. «Посмотрим, поглядим».

Но теперь у Миши не только предположения. Шаринец! Новый персонаж, еще неизвестный следствию.

Миша тут же позвонил Свиридову. Того не было на месте. Миша звонил еще, но застал его только на следующий день к вечеру. Свиридов попросил немедленно приехать. Миша поехал, хотя на этот вечер договорился встретиться с Элен Буш после ее выступления. Обидно! Но ничего не поделаешь.

Миша рассказал Свиридову все подробно, начиная с разговора с Фургоном и кончая тем, что крикнула Белка возле «Гротеска».

- Ты поздно пришел! - сказал Свиридов.

- Поздно?

- Попов Владимир Степанович, он же Шаринец, - убит.

Миша ошеломленно смотрел на Свиридова.

- Когда твои ребята видели его в последний раз?

- Позавчера, часов в пять, наверно. Он вышел с кем то из «Гротеска».

- В тот вечер его и убили. В лесу, недалеко от платформы «Девятнадцатая верста» Брянской железной дороги. Труп найден вчера.

- Навроцкий! Валентин Валентинович! - убежденно сказал Миша.

- В ту ночь Навроцкий мирно спал дома. Кроме того, Шаринец убит из револьвера, вот пуля... - Свиридов вынул из ящика стола маленькую приплюснутую свинцовую пульку - того же калибра, что и пуля, которой убит Зимин. Этого револьвера у Навроцкого не было и нет. Вероятнее всего, Шаринца убил человек, который вышел с ним из пивной «Гротеск».

- Поговорите со Шнырой и Паштетом, ведь они видели этого человека.

- Ты думаешь, они узнают? Они его запомнили?

- Конечно! Они шли за ними до трамвайной остановки. Шаринец и этот человек сели в трамвай, на «четверку», и как раз в сторону Брянского вокзала.

- Вот видишь! Значит, не Навроцкий, а, скорее всего, именно этот человек убил Шаринца. Но звать сюда ребят я не буду. Приблизительное описание ничего не даст, неточное - собьет со следа. Тебе тоже не следует с ними об этом говорить.

- Они все равно узнают, что Шаринец убит.

- Пусть. Только не от тебя.

- Почему?

- Видишь, что делается, - убивают.

- Могут и меня? - усмехнулся Миша.

- Могут и тебя. За этим стоят люди пострашнее Навроцкого.

- А Навроцкий?

- Убивал не он.

- Выходит, убил Витька Буров?

- Я этого не сказал.

- Витька ни при чем, - убежденно сказал Миша, - теперь это абсолютно ясно. Витька в тюрьме, никакого отношения к убийству Шаринца он не имеет. На Шаринце они засыпались... - Он с торжеством повторил: - Они попались на Шаринце: устранили сообщника.

- Еще не видно связи между обоими убийствами, - возразил Свиридов, - кроме предположения, что они убиты из одного нагана.

- Этого мало?

- Мало, пока это предположение; много, когда будет установленным фактом.

- Но ведь Белка сама сказала, что из за Шаринца посадили Витьку, - настаивал Миша.

- Кто это подтверждает?

- Как кто? Шныра и Паштет.

- Не хотят ли они выручить своего предводителя и друга?

- Почему вы им не верите? Спросите Белку.

- Она скажет правду?

- В Белке я не уверен...

- Вот видишь!

- Но ведь Шаринца убили не случайно.

- Безусловно! Вопрос в том, в чьих интересах.

- Навроцкого с Красавцевым! - упорствовал Миша.

- Доказательства?

- Они заинтересованы в документах, похищенных у Зимина.

- Документы найдены.
- Да? Где?
- Подкинуты в почтовый ящик Зиминых. Кто подкинул? Опять Навроцкий?
- Не знаю, - растерянно ответил Миша.
- А не могли это сделать твои мальчишки?
- Сомневаюсь.
- Подумай! Буров выкинул документы из портфеля; они где то валялись; мальчишки положили их в почтовый ящик.
- Я верю этим ребятам, - сказал Миша.
- Я тоже хотел бы верить, - вздохнул Свиридов, - только одной веры маловато.

Глава 34

Свиридов осторожничает. Но ведь не случайно сказал: «У Навроцкого такого револьвера не было и нет», и еще «В ту ночь Навроцкий мирно спал в своей постели»... Проверяет Навроцкого, но вида не показывает. Даже не захотел говорить со Шнырой и Паштетом, видевшими вероятного убийцу Шаринца.

Опасается, таится, осторожничает, сбивает со следа.

Обидно немного; можно бы рассчитывать на большее доверие.

Свиридов ни в чем не поколебал его, ни в чем не разубедил.

На минуту закралась мысль, что Шныра мог подбросить документы в ящик Зиминых по поручению своего отца, кладовщика Панфилова. И все же нет! Шныра - хмурый, замкнутый парнишка, но на подлость не способен.

А ведь кто то положил документы в ящик Зиминых. Скорее всего, сам Навроцкий - вот, пожалуйста; по вашему, я заинтересован в документах, ан нет, вот они, не из за документов все произошло, значит, я не при чем.

И кто то видел же его, видел, как он входил в подъезд, младшие классы уже на каникулах, ребята целый день околачиваются во дворе, - так и прошел Навроцкий незамеченным?

В одном подъезде с Зиминым жил Саша Панкратов. Встретив его во дворе, Миша спросил:

- Ты помнишь человека, который вмешался тогда, когда Витька бросился на меня с финкой? Он крикнул сверху, что все видел.

- Конечно, помню.

- Ты не видел: входил он вчера позавчера в ваш подъезд?

- Нет, - ответил Саша.

- А Юра не входил?

- Не знаю. Я их видел возле школы, - сказал Саша.

- Когда?

- Недели две назад.

- Их все видели, - пожал плечами Миша.

- Все не могли видеть, это было во время урока, - сказал Саша.

- Нет, на большой перемене.

- В этот день я был дежурным, - возразил Саша. - Утром, во время лабораторных, Юра вышел на улицу. Я спросил: «Ты куда?» Он ответил: «Передать ключи отцу». А то был не отец, а этот Тип Иванович.

- Ты не помнишь точно, когда это было?

- Можно посмотреть по журналу дежурств.
- И Юра передал ему ключи?
- Юрка протянул руку, может быть, они просто поздоровались.
- А ты бы сказал: «Рукопожатия отменяются», - пошутил Миша. - Слушай! Это было не в тот день, когда на учкоме, помнишь, Генка разбирал стихи Зои?
- Точно! - подтвердил Саша.

Миша вспомнил, как растерялся Юра, когда Генка позвал его на учком, как нервничал на заседании, вспомнил приход Навроцкого, как быстро пошел ему навстречу Юра, как потом оставил их вдвоем с Людой, а сам вошел в школу. И ведь никогда, ни до, ни после этого, Валентин Валентинович в школу не приходил.

И самое главное: Юра соврал! Соврал! И кому? Пионеру Саше Панкратову! Будь у него совесть чиста, он не то чтобы оправдываться, объясняться, он бы с ним разговаривать не стал, дал бы щелбана и спокойно вышел бы на улицу. А он соврал! Не хотел, чтобы видели, как он выходит на улицу, как встречается с Навроцким, и потому, наткнувшись неожиданно на дежурного, растерялся, хоть этим дежурным был всего навсего пионер Саша Панкратов.

Почему хотел скрыть свидание с Навроцким? Ведь на большой перемене он открыто, на глазах у всех с ним встретился. На большой перемене свидание может быть случайным, мало ли кто проходит в это время мимо школы, а во время уроков это свидание заранее условленное, срочное, тайное. Именно поэтому Юра оробел и растерялся перед пионером Сашей Панкратовым, соврал, что идет к отцу.

И ключи какие то приплел... Почему именно ключи?

Безусловно, Юра не участвовал в убийстве Зимина, но отношения с Навроцким существуют, близкие отношения. Тогда, на фабрике, он наверняка слышал, что сказал Красавцев Панфилову, слышал, но покрывал Навроцкого.

Стояли жаркие июньские дни. В школе шли консультации, сдача несданного, все на ходу; учителя, такие вчера строгие, взыскательные, обстоятельные, теперь торопились; младшие классы уже на каникулах, аудитории пустовали, через день два будут выдавать свидетельства об окончании школы.

Кончатся занятия, кончается школа...

На последнем бюро обсуждали, кого рекомендовать в председатели учкома на будущий год. Миша предложил Сашу Панкратова. Только только передали в комсомол? Ну и что? Толковый парень, смелый, принципиальный. С ним согласились, - хорошая кандидатура. И другие ребята ничего: Нина Иванова, Максим Костин... И всегда кажется, что тот, кто придет после тебя, будет хуже, но ведь и те ребята, которых сменил он, Миша, тоже считали его маленьким, боялись, что дальше будет не так. Не так, конечно, по другому, а ничего, работал.

Миша остановил Юру и Люду на лестнице. Не хотелось бы при Люде, но другого выхода нет.

- Юра, помнишь историю с вагоном для Навроцкого, ты мне ответил тогда, что не прислушиваешься к чужим разговорам, помнишь?

- Я действительно не прислушиваюсь к чужим разговорам.

- Потом я довольно громко сказал Панфилову об этом вагоне, ты тоже не слышал?

- Не помню... Может быть, и слышал, но не существенно, не засоряю память.

- Прекрасно! - продолжал Миша. - После случая с вагоном ты, Юра, утром, во время лабораторных, выходил на улицу.

- На улицу? Во время занятий? Может быть... Не помню.

- Ах, так... Этим ты тоже не хочешь засорять мозги... Напомню. В этот день дежурил Саша Панкратов. Ты ему сказал, что должен передать ключи от квартиры своему отцу.

- А... Да... Что то припоминаю.

- И ты передал папе ключи?

- По видимому.

- Ты не передал отцу ключи, в этот день твой отец с девяти до часу вел прием в больнице на Басманной и никуда не отлучался.

- Откуда ты знаешь, что не отлучался?

- А я специально ездил в больницу, проверял это обстоятельство.

Юра насмешливо сказал:

- Я думал, что времена кортика и бронзовой птицы давно прошли. Оказывается, ты все еще играешь в эти игры. Ну что ж! Да, я виделся в тот день с Валентином Валентиновичем. Больше того, я дружу с ним, ты это точно подметил. Дружу и горжусь этой дружбой, представь себе! Бываю с ним на ипподроме, на бегах, даже играю в тотализатор.

- И выигрываешь?

- Случается.

- Поздравляю.

- Спасибо. Но это мое личное дело, ни перед кем я не обязан отчитываться. Что касается Саши Панкратова, то ему померещилось. Ни об отце, ни о ключах я не говорил. У него богатая фантазия, у Саши Панкратова.

- Ну что ж, - сказал Миша, - не лучше ли по другому?

- Что ты имеешь в виду?

- «Часть прав своих в пучину я бросаю и тем корабль свой спасаю...»

- Не дави на психику! За девять лет мне все это достаточно надоело!

- К тому же, оказывается, ты еще и истерик! - заключил Миша. - Извини, Люда, задержал вас. Счастливо!

Глава 35

На улице Юра сказал Люде:

- Школа окончена, а Миша по прежнему воображает себя начальником. Смешно на него смотреть.

Люда молча шла рядом с ним. В руках у нее был черный клеенчатый портфель, тот самый, из которого он вытащил ключи.

Юра покосился на него и продолжал:

- Я разговаривал с Валентином Валентиновичем... Что было с вагоном... Я понимаю, во что Миша ввинчивается... Но какая бестактность - говорить об этом при тебе.

- Действительно, какая невоспитанность!

Что то странное прозвучало в ее голосе. Люда смотрела прямо перед собой. Обычное ее серьезное, нежное лицо с тонкими стрелочками бровей, каштановые кудряшки, зеленоватые глаза.

Они шли мимо кондитерской на углу.

- Зайдем в «Чрево»... - предложила Люда.

- С удовольствием! - ответил Юра, но в душе немало подивился; только что убили отца, а ей хочется пирожного.

Кондитерская была крошечная, как и все подобные частные заведения, налог с которых зависел от их размера. Когда то, в пятом или шестом классе. Кит съел здесь на спор четырнадцать пирожных, а пятнадцатого съесть не смог и, согласно уговору, должен был сам заплатить. Если бы съел пятнадцать, то платил бы Юра - спор был с ним.

Денег у Кита не оказалось, хозяин не выпускал его из кондитерской весь день, пока ребята собирали деньги и выручили Кита. С тех пор кондитерская эта называлась «Чрево Кита» или просто «Чрево»... Люда села за столик. Юра отправился к стойке.

- Тебе каких?

- Одну картошку и один эклер.

- Себе я возьму картошку и наполеон.

Он вернулся с пирожными на тарелке и бутылкой лимонада.

- Вкусная картошка, - похвалила Люда.

- Здесь всегда все свежее.

Люда доела картошку, вытерла губы платочком и будничным голосом, будто они продолжают разговор о пирожных, произнесла:

- Теперь, Юра, расскажи мне все.

- Что именно?

Он действительно не сразу сообразил, о чем она спрашивает.

- Расскажи мне то, чего ты не захотел рассказать Мише.

- Я тебя не понимаю, - растерянно пробормотал он.

- Прекрасно понимаешь. Или я неясно выражаюсь?

Она смотрела на него своими зелеными глазами, и он вдруг ощутил страх перед ее твердым, холодным, выжидающим взглядом... Неужели знает о ключах? Откуда? Валентин разоткровенничался? Не может быть!

- Повторяю тебе: я не понимаю, о чем ты спрашиваешь.

- Я спрашиваю про историю с вагоном.

Слава богу...

- Люда, и ты о том же... Господи, обыкновенная фабричная история: дают вагон, не дают вагон, грузят, разгружают, отпускают, отменяют, один успел отправить, другой не успел, Валентин Валентинович успел, Мише Полякову это не нравится, что тут поделаешь?.. Ей богу, не ломай над этим голову, это так несущественно. Хочешь еще пирожного?

- Спасибо, у меня есть. Значит, об этом ты не хочешь говорить.

- Нет, почему, если тебе угодно...

- Ты не хочешь говорить, - повторила Люда четким голосом, каким обычно отвечала уроки, - ты не хочешь говорить, и я не настаиваю. Второй вопрос: зачем во время лабораторных к тебе приходил Навроцкий?

Она сказала не Валентин Валентинович, а Навроцкий.

И как смотрит! Никогда не видел ее такой. Черт возьми, знает она о ключах или нет?

- Люда, а почему ты меня допрашиваешь?

- Я тебя не допрашиваю. Допрашивать тебя будут в другом месте. Я с тобой беседую всего лишь. Миша, по твоему, продолжает свои игры. Возможно. Но для меня игры кончены: у меня убили отца.

Черт возьми, как она смотрит! Сумасшедшая, честное слово!

- Не меня ли ты подозреваешь в этом?

- Юра, в последний раз: зачем ты выходил к Навроцкому?

Опять она говорит - Навроцкий!

Юра отодвинул тарелку, лимонад, поставил локти на стол.

- Ты чудачка! Хорошо! Я не хотел, не имел права говорить, я связан честным словом. Но поскольку ты придаешь этому такое значение, я скажу: Валентин Валентинович говорил со мной о наборе.

- О каком наборе?

- Косметическом, который он принес твоей маме.

- Он не преподносил маме никакого набора.

- Как это?!

- Он не преподносил маме никакого набора.

- Да ты что?! Он его подарил, причем довольно оригинальным способом.

- Подарил... Оригинальным способом... Набор... Как ты думаешь, могла моя мама взять от него какой то подарок? С чего ты взял? Он сам это сказал?

Юра ошеломленно смотрел на нее.

- Я у тебя спрашиваю: он тебе сам это сказал?

- Видишь ли... - Юра лихорадочно обдумывал, что ему сказать; он все начинал понимать, начинал догадываться. - Ты меня вынуждаешь говорить такие вещи. Он не сказал, что подарил, он сказал, что хочет подарить, и хотел это сделать через меня...

Люда молча слушала.

- Ну вот, - продолжал Юра, - я, естественно, отказался все же, признайся, несколько щекотливое предложение... Тогда он сказал, что сделает это сам. Вот и все.

- А что за оригинальный способ?

- Ну, он так сказал... «Это будет оригинально» - вот так он сказал...

- Нет, я слышала слово «способ»...

- Возможно, я оговорился... Ты ведь знаешь, он любит такие «изящные» обороты...

- Твои объяснения меня не удовлетворяют, ты не договариваешь.

- Ну, знаешь... Я тебе все сказал, даже больше, чем следовало.

Глава 36

С неумолимой ясностью Юра вдруг осознал не совсем еще понятную, но безусловную связь между ключами и тем, что произошло в семье Зиминых. Как бы далеко ни отстояло одно от другого, какова бы ни была истинная роль Валентина, все равно он, Юра, соучастник чего то страшного, ужасного, может быть, именно он открыл убийцам дверь.

Страх перед возмездием охватил его. И страх перед Валентином Валентиновичем: этот человек не остановится ни перед чем, убьет его так же, как убил Зимины.

Ни о чем не спрашивать, не выяснять, не рассказывать, не ходить к Валентину, отойти в сторону, порвать, отговориться тем, что готовится в институт... Мысль! Уехал на дачу готовиться к экзаменам. Валентин не посмеет явиться на дачу, незнаком с его родителями. Так постепенно все забудется. Нет, не забудется. Витька арестован, идет следствие. Миша Поляков что то подозревает, и Люда тоже подозревает. Доберутся до Валентина, доберутся и до него.

А может быть, он все выдумывает, может быть, ничего нет. Валентин - убийца! Невозможно!.. Невозможно!.. Спешат прохожие, громыхают трамваи, дребезжат пролетки, все как всегда. Он причастен к убийству?! Не может быть! К Валентину немедленно, не откладывая, он все объяснит, расскажет, успокоит...

С замирающим сердцем нажал он кнопку звонка. Там, за дверью, его судьба.

В сетке, туго стягивающей влажные блестящие волосы, Валентин Валентинович был похож на молодого человека с рекламы туалетной воды «Вежеталь». Скользнул взглядом по Юре.

- Чем ты взволнован?

- Почему?.. Шел из школы, зашел...

Окно открыто. При открытом окне Валентин ничего с ним не сделает. Шум двора прибавил Юре смелости.

- Миша Поляков пристаёт ко мне с вагоном, помните, что тогда отправили.

- Он и ко мне с этим привязывался, - ответил Валентин Валентинович небрежно. -

Ну и что?

- Я просто так рассказываю...

- Ах, так? Ну, рассказывай!

- Вот и все!

- Может быть, не все?

Даже не предложил сесть. Развалился в кресле, покачивает ногой, легонько трогает сетку на голове.

- Видите ли, - неуверенно начал Юра, - у нас такой порядок: во время занятий нельзя выходить из школы.

- Такой порядок во всех школах.

- В других школах есть гардеробщицы, они запирают дверь, а у нас самообслуживание, ключ в дверях, ставка на сознательность.

Валентин Валентинович покачивал ногой, трогал повязку на голове.

- Когда я выносил ключи, - продолжал Юра, - меня заметил дежурный по школе и доложил Мише Полякову.

- Почему именно ему?

- Он председатель учкома.

- И ему докладывается каждый такой случай?

- Когда как...

- Дежурный видел тебя, но разве он знает меня?

- Да, он живет в нашем доме и знает вас.

- Как его имя?

- Саша... Саша Панкратов.

- И видел, что ты передал мне ключи?

- Нет, он не видел.

- Что же тебя беспокоит? Мы с тобой не скрываем нашего знакомства. Выходил во время уроков... Тебя за это накажут?

- Просто я хотел вам сказать: Миша Поляков выискивает факты против вас.

- Зачем?

- Мне кажется... Он даже так говорит... Вагон он связывает с документами, которые похитили у Зимина.

Валентин Валентинович поднял красивые, тонко очерченные брови.

- Большой криминалист! А с убийством Зимина он этого не связывает?

- Не знаю.

- А ты?

- Что я?

- Ты связываешь вагон, то есть, будем прямо говорить, меня, с кражей документов и с убийством?

- Что вы, Валентин Валентинович, как вы можете даже спрашивать про это?

- Слава богу!

Валентин Валентинович подошел к зеркалу, осторожно, обеими руками снял сетку с головы, расчесал волосы, чуть чуть подбил, чтобы не выглядели прилизанными, положил повязку на туалетный столик, не оборачиваясь, бросил:

- Чего стоишь? Садись.

Юра сел на диван.

Валентин Валентинович повернул голову в одну сторону, в другую, любуясь прической, потом подошел к окну и закрыл его.

Юра обомлел. Этого он боялся больше всего. Но ни подняться, ни двинуться с места не мог.

Валентин Валентинович снова уселся в кресло, подтянул брюки, закурил папиросу, выпустил длинную струю дыма.

- Ну, рассказывай!

- Что?

- Что тебя привело ко мне?

- Видите ли, - робко проговорил Юра, вцепившись в диван и пытаясь таким образом унять или хотя бы скрыть дрожь пальцев, - Люда мне сказала, что косметический набор вы ее маме не дарили.

- Ну и что?

- Ведь для этого вы взяли ключи.

- Да, для этого я взял ключи. Но когда я тебе говорил, что вошел в квартиру и положил набор? Говорил я тебе это?

- Нет, не говорили.

- Так вот... Я не заходил в квартиру. Не решился. А тебе не сказал, не хотел выглядеть перед тобой трусом. Походил, походил вокруг дома и не зашел. И слава богу. Наше с тобой счастье! Как бы мы выглядели теперь, после всего, что произошло? Моя глупая затея - а я теперь вижу, что она глупая, - кончилась ничем. Все пустяки, и история с ключами пустяки. Зимина убили через две недели после того, как ты дал мне ключи. И ключи были у меня ровно полтора часа - так ведь?

- Да, так.

- Успокоился ты на этот счет?

- А я и не беспокоился.

Может быть, Юру и не удовлетворили объяснения Валентина Валентиновича, что то странное в этой истории... Но его успокоил вид Валентина Валентиновича, его безмятежность, то, как аккуратно делал он прическу, снимал сетку с головы. Человек, над которым тяготеет подозрение в убийстве, не может так тщательно укладывать волосы.

- Прекрасно! - Валентин Валентинович переложил ногу на ногу. - А теперь мне интересно знать, как у тебя с Людой возник разговор о косметическом наборе?

К этому вопросу Юра был готов, ожидал его. И хорошо понимал: ни под каким видом не должен признаваться, что речь шла о ключах; этого Валентин ему не

простит, о ключах никакого разговора не было.

- Видите ли, Миша Поляков спрашивал, зачем я выходил к вам во время уроков. Спрашивал при Люде. Я, естественно, отказался отвечать: какое его дело! Вообще, он все время говорил о вас. Потом мы с Людой вышли на улицу и продолжили разговор.

Валентин Валентинович пристально смотрел на Юру.

- Ты ей чтонибудь сказал о ключах?

- Что вы! - воскликнул Юра с негодованием, совершенно искренним потому, что говорил правду. - Ни о каких ключах я ей не говорил, о ключах даже речи не было.

- А Мише или еще комунибудь ты говорил о ключах?

- Никому.

- Ты правду говоришь?

- Абсолютную.

То, что он сказал Саше Панкратову насчет каких то ключей для папы, не имеет ровно никакого значения. Не надо еще больше запутывать.

- Твой Миша ревнует меня к своей циркачке, - сказал Валентин Валентинович, - вот источник его недружелюбия. Допросы его не стоят выеденного яйца. Для нас с тобой это была шутка, к тому же неосуществленная. Но после трагической гибели Николая Львовича, естественно, ни один следователь не может, не имеет права равнодушно отнестись к тому, что ты взял из портфеля ключи от квартиры. И этот факт, если им заинтересуются, может толкнуть следствие на ложный путь. Этого не следует допускать. Если ты проболтался о ключах - нас ждут осложнения, мы должны быть к ним готовы. Поэтому будь со мной откровенен, это очень важно, предупреждаю тебя. Скажи честно: ты говорил комунибудь о ключах?

Все ясно! Врет! Ни одного слова правды. И Юра твердо ответил:

- Ни-ко-му!

- Хорошо! И никому об этом ни слова. В наше время шутить не любят и шуток не понимают. Наша шутка с ключами может обернуться катастрофой. Для нас обоих. Ты меня понял?

- Прекрасно.

- Кстати, кончил ты уже школу или нет?

- Вроде бы кончил.

- В мое время окончание гимназии было событием. Что то дарили. Например, путешествие в Италию или Египет.

- Я предпочел бы в Индию, страну чудес, - рассмеялся Юра.

Глава 37

«Вас ждут осложнения» - вот главное, что сказал Валентин. Все остальное - ложь; сетка на голове - мишура, притворство.

Возможно, Валентин не убийца, даже вероятно не убийца, но аферист - наверняка. И попадетсЯ. Юра не намерен гибнуть вместе с ним. Нет, дорогой Валентин Валентинович, это вас ждут осложнения, а не меня. Я готов разделить с вами компанию в ресторане, пить за ваше здоровье, вместе с вами выигрывать на бегах, но разделять с вами скамью подсудимых я не намерен. У меня, знаете ли, впереди жизнь, об этом вам следовало бы подумать, когда вы втянули меня в сомнительную махинацию с ключами. Сюрприз, шутка - как мило, как очаровательно. Дурачок развесил уши... Ошибаетесь, не такой уж дурачок! Этот дурачок не будет

ждать, когда его привлекут как соучастника, он предпочитает быть свидетелем.

Но спокойно, без горячки! Не говорить о ключах. Зачем? Никто не видел, как он их брал. Валентин никогда не признается, что воспользовался ключами, вообще будет все отрицать, документов не крал - был с Зимиными в театре, не убивал - был с Мишей в цирке.

Значит, остается афера на фабрике. Об этом он честно расскажет. Поздновато, конечно. Ничего!

Кому рассказать? Следователю? Страшно туда идти. Один раз придешь - потом затаскают. И следствие идет об убийстве инженера Зимина; если Юра придет туда, то он как бы соединит аферу с убийством, то есть обвинит Валентина в убийстве. Этого делать не следует. Надо об афере рассказать Мише Полякову. Он еще председатель учкома и занимается этим делом, интересуется. И пусть Миша сам думает, что делать с его признанием. Если доберутся до Валентина, а через Валентина до него, то пожалуйста, - он сам все рассказал в школе, в учкоме, товарищу Эм Полякову.

Но товарищ Эм Поляков не поверит в его искренность, будет чего то выуживать, выспрашивать...

Пойти к Генке? Еще хуже! Из этой троицы только Славка единственный интеллигентный, порядочный человек. Он не учится в школе, но все равно состоит в школьной ячейке, ходит на комсомольские собрания. В случае чего, Славка подтвердит, что он никого не покрывал и ничего не скрыл. А если и отказался отвечать Мише, то только потому, что Миша грубо и пристрастно допрашивал его, а ведь он, Юра, не подследственный. Рассказать Славке - значит рассказать Мише Полякову. Мише все это и предназначено.

Придя к Славке, Юра рассказал об отправке того вагона, рассказал точно так, как оно было на самом деле.

- Ничего нового, - ответил Славка, - это подтверждает и сам Навроцкий.

- Да? Кому же он это подтверждает?

- Мише Полякову.

...Странно! Они ведут такие разговоры.

- И чем Навроцкий это объясняет? - спросил Юра.

- Тем, что не хотел упустить свою партию товара.

- Я тоже сначала так подумал, - усмехнулся Юра, - но фокус в том, что это был товар первого сорта, а его оформили как брак.

- Эта афера тоже всем ясна. Вопрос в том, насколько она связана с убийством. Могли они убить, как ты считаешь?

Юра пожал плечами:

- Валентин Валентинович был с Мишей в цирке. Убить Зимина? Смешно! Он дружил и дружит с его семьей. Он не грабитель, не убийца, просто делец.

- А вот некоторые считают, что он причастен.

- Эти «некоторые» - Миша Поляков, - усмехнулся Юра. - А вот Навроцкий считает, что Миша ревнует его к Эллен.

- Он тебе это говорил?

Юра смешался: что то сболтнул лишнее.

- В общем, я так понял...

- Юра, зачем ты пришел ко мне?

- Шел и зашел...

- Я что то не помню, когда ты последний раз заходил. Я вообще не помню,

заходил ли ты ко мне когда нибудь. Говори прямо: что нибудь угрожает Мише?

- Что ты?! - растерянно пробормотал Юра, пораженный тем, что Славка заговорил об опасности. Опасность ощущает и он, опасность грозит всем. - Я просто хотел рассказать тебе то, что рассказал, - сказал Юра. - Ты удивляешься, почему именно тебе? Миша разговаривает со мной, как прокурор, а я этого не люблю, потому и рассказал тебе, его другу.

- Ничего нового я от тебя не узнал, - жестко проговорил Славка.

- Других новостей у меня нет, - ответил Юра.

Глава 38

Свидетельства об окончании школы выдавала секретарь, печать ставила завуч, пожимала руку, поздравляла. Буднично и просто. Договорились о выпускном вечере. Юру это не интересовало - обойдется без выпускного вечера с жидким чаем, дешевыми конфетами, громкими разговорами. Вечный барабанный бой! Сегодня он уезжает на дачу. Все, что надо, он сказал Славке, он теперь в порядке; если понадобится - пусть ищут. И Валентин пусть ищет, только вряд ли найдет... Всеобщий привет!

Но как только Юра вернулся из школы, Валентин позвонил и попросил зайти. Видел из окна, как Юра пришел. Следит, не отпускает. Опять этот мрак...

Валентин Валентинович встретил его как именинника.

- Поздравляю!

С чувством пожал руку, жестом пригласил сесть.

- У меня для тебя подарок.

Он протянул руку к конверту на столике, открыл, вынул железнодорожный билет.

- Билет до Одессы, там сядешь на пароход до Батума, вот билет на пароход... Морская прогулка с заходом в Севастополь, Ялту, Новороссийск, Туапсе и Сухум. Этим же пароходом вернешься в Одессу, а оттуда в Москву. Здесь... - он приоткрыл конверт, - деньги на путешествие. Ну как, заменит пока Индию? Ехать сегодня. Поезд отходит с Брянского вокзала в девять часов вечера. Ты успеешь собраться?

Все ясно, ловушка! В Одессе или в Батуме его убьют, у Валентина всюду люди, выбросят из поезда, скинут с парохода. Но не получится, милый Валентин Валентинович, не выйдет ваш номер на этот раз.

- Не могу. Завтра выпускной вечер.

- Какие сантименты, кому это нужно? Променять такую поездку на выпускной вечер?

- Что я скажу дома?

- У вас в школе каждый год экскурсии.

- Мама поедет меня провожать, а на вокзале никого нет.

- Уговоришь не провожать - ты не маленький, скажешь, что никого не провожают.

Как у него все просто получается. Неужели он глуп? Нет, хуже, он примитивен, ordinarily примитивен. Все его аферы и махинации примитивны, он запутался в них, он барахтается.

- Мне надо поступать в вуз.

- Прекрасно. Поездка займет двенадцать дней. Загорелый, пропитанный морским воздухом, просоленный морской водой, сильный, красивый, ты успешно сдашь

экзамены.

- Мне неудобно принимать от вас такой подарок.

- Ерунда! Я в выигрыше, и мне приятно преподнести тебе небольшой сюрприз.

Юру передернуло. С косметическим набором тоже был «сюрприз», чем он кончился?! Так же Валентин надеется закончить и этот «сюрприз». Не удастся!

- Билеты, как ты понимаешь, я приобрел не сегодня, - продолжал Валентин Валентинович, - о сложностях умалчиваю, чтобы не набивать себе цену. Я понимаю: тебе впервые предстоит такое большое и самостоятельное путешествие. Но, дорогой мой, «не пора ли мужчиною стать»? - Он поднялся. - Жду тебя на вокзале в половине девятого, там я вручу тебе билет и деньги, поскольку ты едешь со своим классом, то ясно, что у тебя их на руках быть не должно. Можно, конечно, и не делать из этого секрета, но не следует забывать, что я скромный агент, откуда у меня деньги на такие подарки?.. Итак, напоминаю: в половине девятого на Брянском вокзале.

Люда и Ольга Дмитриевна знают адрес и телефон следователя, но признаться им о ключах - выше его сил. Остается один путь, все тот же, через Славку с Мишей, через Мишу со следователем. И пусть с него возьмут подписку о невыезде. Одесса, Сухум, Батум - чудесно! А вот не могу, не имею права. Витька Буров чего то на меня наплел, чепуху какую то, сидит в тюрьме, делать ему нечего, вот и выдумывает, следователь этой чепухе не верит, а взял подписку о невыезде. Спасибо за билет, за заботы, за «сюрприз», но обстоятельства сильнее нас.

Если Валентина посадят, он в безопасности. Если Валентин ни при чем, никого не убивал, то и его он тоже не убьет, опять он вне опасности.

Благородно или неблагородно он поступает? Риторический вопрос. Благородно - понятие условное. А красть ключи - благородно? Говорить о сувенире, когда никакого сувенира не преподносил, - благородно? Получать первый сорт под видом брака - благородно? Посылать его в Батум на смерть - благородно? Помолчим лучше о благородстве!

Глава 39

Славка не хотел ввязываться. К таким делам он теперь равнодушен. Романтика кончилась. Не была ли эта романтика всего лишь детством, милым, увлекательным, мечтательным? Кто то украл вагон? Вагоны крадут десятками и сотнями. Кто то взяточник? Все взяточники. Кто то запутался в афере? Ну и что?! Миша хороший парень, но он отстал, застрял в том самом милым, увлекательном, мечтательном детстве. Он не так прямолинеен, как Генка, но оба они живут в прошлом: время изменилось, они - нет.

Однако приход Юры заставлял его задуматься. Юра дрожит от страха, это ясно! Угроза нависла над Мишей - вот что понял Славка. Миша в опасности, ввязался в дело, где убивают, хочет выручить Витьку Бурова, своего злейшего врага, потому что, по его, Мишиному, убеждению, Витька невиновен.

Миша всегда ввязывался и будет ввязываться в такие истории, вечно будет искать справедливости. Он не знает страха - поразительный человек! Ему нужно открытое небо, а не крыша над головой. Суровый, непреклонный Миша Поляков; защищает Витьку, а он, добрый, мягкий, отзывчивый Славка, не защищает, устранился, умыл руки. Это очень хорошо и удобно: переживать собственную скорбь и устраняться от

чужих несчастий.

Почему? Что с ним случилось?

Ушла мать? У Генки мать умерла, он много лет живет у тетки, Миша Поляков всю жизнь прожил без отца.

Вынужден зарабатывать? Разве мало ребят работает на производстве? Раньше он жил гораздо лучше своих товарищей, они жили бедно, голодно, но не ныли, не жаловались, не падали духом.

Почему Юра пришел к нему, а не к Мише? Потому что подонку Юре он ближе, чем Миша. Печально, но факт. Они оба видят только одну сторону жизни. Разница в том, что Юра ее принимает, а он, Славка, нет.

Результатом этих размышлений была встреча, на этот раз у Миши. Славка и Генка просто пришли к нему. Никакого объяснения не потребовалось. Они были и остались друзьями, ничто не могло их разъединить. Они снова вместе, снова занимаются одним делом - этого достаточно.

- Юрка зря не появится, - сказал Миша, - только беспокоится он за себя.

- Может быть, его Навроцкий подослал, - сказал Генка.

- Он на грани откровенности, - сказал Славка.

- Но как заставить его говорить?

- Сказать Свиридову, - предложил Генка, - пусть вызовет.

- Я пробовал давать Свиридову советы, - сказал Миша, - он меня быстро наладил... Нужно, чтобы Юра сам пришел к нему.

- Разве его уговоришь?

Раздался звонок, кто то вошел в квартиру, постучал в Мишину комнату.

- Войдите! - крикнул Миша.

Открылась дверь, и на пороге появился Юра, оглядел всех.

- Привет!

- Привет!

- Все в сборе, - сказал Юра, - вот и прекрасно. Я давно ждал случая, когда вы будете вместе. У меня есть кое что вам рассказать.

Глава 40

После показаний Юры, следователь Свиридов, расхаживая по кабинету, говорил Мише:

- В чем была неясность? Шаринец - мелкий карманный воришка, и связан он с карманниками высшего класса - маравихерами. Воры придерживаются своей специальности, совершенствуются, достигают виртуозности. Было сомнительно, что профессиональные маравихеры пытались ограбить квартиру, - у них не бывает даже отмычек. Юра выкрал ключи - все встает на свое место. Ключи были вручены Шаринцу...

- Они были у Навроцкого час полтора, не больше, - заметил Миша.

- Вполне достаточно, чтобы в любой слесарной мастерской изготовили такие же. Итак, Навроцкий вручил ключи Шаринцу. Но в чем была его задача, пока неясно. Выкрасть документы? Они Навроцкому не нужны - товар отправлен и проверить ничего нельзя. Убить Зимина? Совсем нелепо, бессмысленно. Ладно! Разыщи своих мальчишек и тащи их ко мне. И побыстрее!

Через час Миша был у Свиридова со Шнырой и Паштетом.

Свиридов указал Паштету на стул у стены.

- Посиди в сторонке, а ты, Леня Панфилов, сядь возле меня и отвечай.

Свиридов разложил на столе фотографии.

- Ты бы узнал человека, с которым Шаринец вышел из пивной?

- Узнал бы, пожалуй...

- Есть он здесь?

Шныра просмотрел фотографии, указал пальцем на одну:

- Думаю, этот.

- Точно?

Шныра еще раз просмотрел фотографии.

- Думаю, он.

- Еще когонибудь из этих ты видел?

- Нет.

- Посмотри как следует, подумай, вспомни!

Шныра еще раз посмотрел фотографии.

- Нет.

- Сядь на место Паштета, а ты, Паштет, сядь сюда.

Шныра и Паштет поменялись местами. Свиридов смешал фотографии, разложил их в другом порядке.

- Покажи, с кем Шаринец вышел из «Гротеска».

Паштет показал на того же, на кого показывал и Шныра.

- Кого еще из этих людей ты видел?

Паштет показал еще на пожилого человека, несколько обрюзглого, с тяжелым взглядом.

- Вот этого.

- Когда? Вчера? Позавчера?

- Раньше.

- Где?

- Во дворе, где пустые бутылки принимают.

- Он бутылки сдавал?

- Нет, проходил через двор. Пивная рядом со складом, в заборе проход... Я его два раза видел.

Свиридов подозвал Шныру, показал фотографию.

- А ты его видел?

- Нет, не помню.

- Он видел, а ты не видел?

- Шныра старика заговаривал, - объяснил Паштет, - а я в очереди стоял, по сторонам смотрел, вот и видел.

- Ладно! - Свиридов собрал со стола фотографии, положил в ящик. - Обождите в коридоре, ребята, а ты, Миша, задержись.

Шныра и Паштет вышли.

- Я верю этим ребятам, - сказал Свиридов, - и все же просьба: сегодня они ни с кем не входят в контакт, никому не рассказывают, что были у меня и опознали этих людей.

- Будете брать? - догадался Миша.

- Возможно. Займи ребят чемнибудь, держи их при себе, не спускай с них глаз.

- Я предпочел бы участвовать в другом деле.

- Это исключено. Может не обойтись без стрельбы.
- Тем более хотелось бы.
- Я не успею оформить твое участие. Зато обещаю, что ты будешь присутствовать на их допросе, большего не могу.

Глава 41

Прямо от Свиридова Миша увел Шныру и Паштета в цирк.

Трибуны были пусты, на манеже тренировались артисты.

- Посмотрите, вам будет интересно, - сказала Эллен.

Она усадила в первом ряду Шныру и Паштета, а сама с Мишей села поодаль.

- Ты не узнала насчет ребят? - спросил Миша.

- Я говорила... Но поздно. В цирке начинают с трех четырех лет.

- Не все вырастают в цирковой семье.

- Наша работа сложнее, чем ты себе это представляешь...

- Почему... Я представляю...

- Тебе хочется пристроить их к делу, так ведь? - продолжила Эллен.

- Но в цирке нужны известные способности, даже одаренность или тренировка с раннего детства.

- Все понял! - сказал Миша. - И больше не настаиваю.

Они сидели на пустых трибунах, смотрели на тренирующихся артистов.

- Скоро мы уезжаем на гастроли, - сказала Эллен.

- Куда?

- В Мурманск.

- Лучше бы на юг.

- Нет, там сейчас хорошо, весна... Я люблю весну. Иногда мне хочется уехать туда, где весна начинается еще в феврале, куданибудь в Туркестан или Закавказье. А потом вместе с весной двигаться на север, переезжать из города в город... Мы, цирковые, вечные скитальцы.

- Ты хочешь сказать, что я тебя могу видеть раз в три года?

- Я не это имела в виду, - уклончиво, как показалось Мише, ответила Эллен. - Но моя жизнь - это ездить, работать и улыбаться.

- Действительно, почему ты все время улыбаешься? В театре актеры тоже раскланиваются, но не улыбаются.

- Нелепо было бы улыбаться Гамлету или королю Лиру, - возразила Эллен, - а мы веселим зрителя. Даже если я чуть не разбилась, я должна улыбаться: все хорошо, прекрасно, весело и удачно. Вот мы и улыбаемся... Слушай, этот дяденька, который тогда бросил мне букет, а потом явился за кулисы с комплиментами... Ты знаком с ним?

- Да, а что?

- Артист погорелого театра! Передай ему, чтобы он больше не посылал мне цветов.

- С удовольствием, - согласился Миша, хотя совсем не представлял себе, как он это скажет Навроцкому.

- Ты останешься на представление? - спросила Эллен и встала. - Сегодня будут Бим Бом, Виталий Лазаренко, останешься?.. Хорошо, посиди, я схожу за контрамарками.

Глава 42

В то время когда Миша со Шнырой и Паштетом досматривали в цирке представление, Смоленский рынок был погружен в темноту.

Темно было и в прилегающих переулках, здесь рано ложились спать, рано вставали - рынок начинался с рассветом. Только тускло светились завешенные окна «Гротеска», и, когда открывалась дверь, доносился оттуда приглушенный шум голосов, стук пивных кружек, женский смех, обрывки песен.

Свиридов велел своим людям подходить по одному, с разных сторон, так, чтобы в десять вечера оказаться у «Гротеска», трое - у главного входа, трое - у заднего, во дворе.

Ровно в десять Свиридов открыл дверь и с двумя сотрудниками вошел в «Гротеск».

Вид людей в кожаных куртках, остановившихся у дверей, не оставлял сомнений в том, кто они такие. Все смолкло. Оборвалась песня в углу, застыл официант с кружками в руках, игроки прикрыли карты кто ладонями, кто локтями, смолкли парни и накрашенные девицы.

Тишину разорвал истеричный женский крик:

- Облава!

Крик оборвался, все молчали.

- Никому не вставать! - приказал Свиридов. - Официант!

- Слушаюсь! - ответил официант, продолжая держать в каждой руке по четыре кружки, наполненных пивом.

- Иди вниз, скажи Василию Ивановичу, Серенькому и всем, кто там есть, чтобы выходили.

- Слушаюсь. Будет исполнено.

Официант поставил кружки на стойку, вытер руки фартуком и ушел за занавеску.

В заднем помещении «Гротеска» в полуподвале за столом сидели четверо, на столе лежали карты и деньги.

- Василий Иванович, - сказал официант, - вам велено выйти.

Василий Иванович, плотный, крепкий человек лет пятидесяти, с красивой сединой на висках, с прямым, несколько тяжелым взглядом, не выпуская карт из рук, спросил:

- Сколько их?

- Трое.

- Скажи, сейчас выйдем. Иди!

Официант попятился и вышел.

Василий Иванович положил карты на стол, протянул руку, открыл заднюю дверь. Полоска света упала на узкую крутую лестницу. Сверху раздался голос:

- Выходи по одному. Кто выйдет с оружием, будет застрелен на месте.

Василий Иванович закрыл дверь.

- Вот сволочи, не дали банк додержать, какая карта шла!

Глава 43

- Дело сложное, - сказал Мише Свиридов. - Главный - это Василий Иванович,

аристократ...

- В каком смысле?

- Не граф, не князь, а маравихер, карманник высшего класса, вытаскивает бумажники у солидных людей. Серенький тот, что выходил с Шаринцом из «Гротеска», - помощник Василия Ивановича. Что касается Шаринца, то он и вовсе был мелкий воришка, вытаскивающий из карманов все, что попало, вплоть до носовых платков. Так вот: в прошлом году, - продолжал Свиридов, - Василий Иванович, как злостный рецидивист и социально опасный элемент, получил пять лет. Но сбежал. Сомнительно, что после побега он пойдет на такое нелепое убийство, каким представляется убийство Зимина. Обычно после побега они отсиживаются в закутке. И не мог он сменить свою воровскую профессию на другую, к тому же еще более опасную: он не молод. В общем, против него улики никаких. Единственная наша улика - Шаринец. Мы должны доказать, что убил Шаринца Серенький, они вместе вышли из «Гротеска». Вот расписание дачных поездов по Брянке. Если предположить, что они выехали поездом в шесть пятнадцать, а вернулся Серенький поездом восемь сорок пять, то он должен был отсутствовать в «Гротеске» минимум часа три четыре, где то между пятью и девятью. Твои мальчики утверждают, что он вышел вместе с Шаринцом и сел с ним на трамвай. А вот Василий Иванович и еще человек двадцать посетителей «Гротеска» будут утверждать, что Серенький никуда не выходил. Тем более, что они с Шаринцом вышли через задний ход. Вот так то, друг Миша. И все же надо начинать.

Серенький был ничем не примечательный человек, этой особенностью его наградили и природа и многолетняя привычка быть незаметным - безликий, инертный, сонный. Миша поразился тому, что Шныра и Паштет узнали его на фотографии. Даже трудно определить его возраст. Лет двадцать пять, а может быть, и тридцать пять.

Свиридов записал в протокол его настоящую фамилию, имя, отчество, год и место рождения и тому подобное, потом спросил:

- Что вы можете сказать по поводу убийства гражданина Попова Владимира Степановича, он же Шаринец?

Серенький пожал плечами:

- А чего могу сказать? Ничего не могу сказать. А его разве убили?

- Вы об этом не знаете?

- Не слыхал об этом.

- Вы были с ним знакомы?

- Знал, есть такой Шаринец, видел раза два в «Гротексе».

Он так и сказал: «Гротекс».

- Вы были с ним знакомы?

- Ну как? Как со всеми.

- А где вы были шестого июня вечером?

Серенький подумал, неуверенно сказал:

- «В Гротексе», наверное, да, точно, в «Гротексе».

- Что делали?

- В карты играл.

- С кем?

- С людьми, с теми, кого вы со мной забрали.

- А ночью где были?

- Дома спал.

- Кто может подтвердить?
- Кто... Мать, жена, соседи.
- А инженера Зимина вы знали?
- Зимина... Инженера... Нет, не знал... Кто такой?
- На Арбате жил, дом пятьдесят один.
- Не знаю такого.
- Навроцкого Валентина Валентиновича знаете?
- Кто такой?
- Агент по заготовке мануфактуры.
- Не знаю...

Подписывая протокол, Серенький спросил:

- За что забрали то?
- Подозреваете в убийстве Шаринца.
- Вот еще новость! Кому он нужен, этот ваш Шаринец!
- Не наш, а ваш, - сказал Свиридов. - Идите, я вас еще вызову.

Вместо Серенького появился Жоржик, красивый молодой человек с густой черной шевелюрой, похожий на армянина. Он подтвердил все, что говорил до него Серенький. Да, играли в тот вечер в карты, Серенький никуда не уходил, об убийстве Шаринца не слыхал, о Зимине и Навроцком ничего не знает. Также спрашивал, за что его взяли, но, в отличие от Серенького, держался живо и свободно. И совсем не был похож на вора.

Наконец ввели Василия Ивановича. По сравнению с Сереньким и Жоржиком он действительно выглядел аристократом.

- Садитесь!

- Можно и сесть. - Василий Иванович свободно уселся на стул. - Может, сразу скажете, на сколько усаживаете!

- Срок то уж, во всяком случае, придется досиживать.
- Не без этого, - вздохнул Василий Иванович.

Он показал на Мишу:

- Позвольте спросить, кто этот гражданин?
- Практикант.
- Попрошу отметить в протоколе.
- Отметим.

Серенький и Жоржик даже не обратили внимания на Мишу, а Василий Иванович потребовал отметить в протоколе.

- Приступим к делу, - сказал Свиридов. - Речь идет о некоем Попове, он же Шаринец. Знали такого?

- Как же, знаю, видел в «Гротеске».

В отличие от Серенького, он правильно произносил название пивной.

- Разговаривали с ним?

- Был у меня как то, напрашивался на работу, только я ведь ничем теперь не занимаюсь, прошу учесть. После побега ничего за мной нет, хотел начать новую жизнь, - жалко, помешали.

- Когда Шаринец к вам приходил?
- Несколько дней назад.
- Точнее, пожалуйста!
- Три... нет, четыре дня назад.

- Шестого июня?

Василий Иванович поморщил лоб, задумался.

- Может, и шестого. Я ведь там вроде льва в клетке отсиживался и числа все перепутал. Какое сегодня число?

- Двенадцатое.

- Значит в четверг, именно, значит, шестого числа.

- Ну, о чем вы говорили?

- Играли мы в карты, вся, значит, компания, которую вы теперь здесь бесплатно кормите. Шаринец зашел, говорит: «Василий Иванович, возьмите меня с собой». Я ему: мол, сам завязал и тебе советую. С тем он и ушел.

- Один ушел?

- Один.

- Умный вы человек, - сказал Свиридов.

- Благодарю.

- Только меня дураком считаете.

- Что вы, гражданин следователь, - обиделся Василий Иванович, - я вас считаю человеком редкостного ума. И потому, как есть, все чистосердечно рассказываю. Да, убежал из под стражи. Кому свободы не хочется? Только заметьте, убежал без применения силы, никто не содействовал, зевнула охрана, я и ушел. Хотел новую жизнь начать. Год прошел, что за мной замечено?

- Кто Шаринца убил?!

- Шаринца? - поразился Василий Иванович. - Разве его кто убил? Когда? Где?

- Шестого числа вечером, в лесу, недалеко от платформы «Девятнадцатая верста» по Брянке.

Василий Иванович развел руками.

- Это, извините, новость. Кому он был нужен, Шаринец, шлеппер - несерьезный человек?..

- Инженера Зимина вы знали?

- Простите, как вы сказали?

- Зимин Николай Львович, инженер. Арбат, дом пятьдесят один. Его убили и унесли портфель с бумагами.

- Ах, портфель с бумагами унесли и убили. Знаю, как же.

- Откуда знаете?

- Как откуда? В газетах писали.

- Газеты читаете?

- Обязательно. Отдел суда и происшествий - особенно.

- Навроцкого Валентина Валентиновича знаете?

- Как?

- Навроцкий Валентин Валентинович.

- Нет, не знаю такого.

- Подумайте.

- Что то не припомню, - развел руками Василий Иванович. - Ни одного номера не пропускаю: «Известия», «Вечерняя Москва», а про такого не читал.

- Я спрашиваю: не знаете ли вы его лично?

Василий Иванович благодушно улыбнулся:

- Извините, я подумал - тоже какой убитый. Нет, не знаю я такого человека.

- Скрываете! Я вам скажу, почему скрываете. Расчет у вас простой: вас пошлют

досиживать срок, ну, может, что прибавят, зато на свободе остается богатый человек, он у вас в руках. В тюрьме вы или на свободе - все равно он у вас в кулаке. Мешок с деньгами на воле - вот ваш расчет.

- Чересчур хитро вы рассуждаете, - усмехнулся Василий Иванович.

- Вы рассчитали еще хитрее, чем я, - возразил Свиридов. - Только должен вас огорчить: просчитались вы, уплыл ваш денежный мешок, замешан в большой афере с мануфактурой.

Василий Иванович пожал плечами:

- Странные вещи вы говорите, гражданин следователь... Мануфактура... Сроду не имел дело с мануфактурой.

- Ну что ж, - спокойно, даже равнодушно сказал Свиридов, - дело, как говорится, хозяйское. Я дал вам все возможности, вы не захотели их использовать. Вы неисправимый рецидивист. - Свиридов неожиданно наклонился вперед и, глядя в упор на Василия Ивановича, сказал: - Про мануфактуру вы не знаете, а про ключи от квартиры Зимина тоже не знаете? О том, что Навроцкий передал эти ключи Шаринцу, тоже не знаете?

Василий Иванович некоторое время мрачно молчал, потом сказал:

- Ладно, скажу, что знаю. Только учтите: в порядке чистосердечного признания. А не признавался я сразу потому, что меня все это никак не касается, других касается, а по нашим законам, то есть правилам, о чужих...

- Ближе к делу, пожалуйста! - оборвал его Свиридов. - Два часа толчем воду в ступе.

- Так вот, - по прежнему спокойно и размеренно продолжал Василий Иванович, - действительно, человек один в их доме дал Шаринцу ключи, велел унести портфель с бумагами, пообещал два червонца. Шаринец сделал, получил два червонца, а потом приходит ко мне, все это рассказывает и говорит: боюсь я этого человека, убьет он меня, чтобы, значит, не показал на него. Что за человек, спрашиваю. Он говорит: Валентином Валентиновичем зовут, на бегах играет. Ну, я сам, извините, на бега езжу, играю по маленькой и не ради игры езжу, а так, до лошадей я большой охотник, и, извините, в моей каморке неделю просидишь, надо и продышаться. Взял я Шаринца на бега, он мне этого человека показал, Валентина Валентиновича. Я посмотрел на него: вижу - да! Этот может! У нас, знаете сами, глаз наметанный... Говорю Шаринцу: зачем ты, дурак, не в свое дело полез, ты, говорю, дурак, не по квартирам ведь работаешь, хочешь стать человеком - своей профессии держись. А он отвечает: на два червонца позарился. Ну, говорю, сам позарился, сам и раззаривайся. А теперь видите как! Убили! Значит, правильно предчувствовал, понимал свою судьбу.

Свиридов положил перед Василием Ивановичем чистый лист бумаги.

- Все это напишите и, пожалуйста, поподробнее, с числами.

Василий Иванович неловко взял перо.

- Отвык я писать, гражданин следователь. Может, с моих слов запишете...

- Нет, сами пишите! И поразборчивее. И что еще вспомните, тоже напишите.

Свиридов запер ящики стола и вместе с Мишей вышел из кабинета.

- Он правду говорит? - спросил Миша в коридоре.

- Много врет. Опытный, черт. Сразу все учуял. Рассказал только то, о чем мы сами догадываемся. Но, во всяком случае, достаточно, чтобы предъявить обвинение Навроцкому.

Глава 44

Убийство Зими́на, вызов Юры к следователю и, наконец, арест Василия Ивановича - этого Навроцкий не ожидал в худших своих расчетах, а он всегда рассчитывал и на худшее.

Похищая документы, он преследовал ограниченную цель: нейтрализовать Зими́на. Он рассчитывал, что Николай Львович скроет пропажу документов: взял домой, дома был сын, в привидения теперь никто не верит. Расчет оказался точным - о пропаже документов Зими́н не заявил. Значит, он в руках Красавцева, обезврежен, пять вагонов гарантированы.

Зими́н затребовал новые документы - шаг, так напугавший Красавцева. Красавцев - остолоп! Зими́н собирался вернуть все документы вместе, в расчете, что беспечный Красавцев не будет их разбирать, сунет в шкаф, кому они нужны, эти старые акты? Если даже Красавцев обратит внимание на недостающие документы, то Зими́н отмахнется: «Не знаю, возвращаю то, что брал». Красавцев не поднимет шума, промолчит и тем окажет Зими́ну услугу. Услуги требуют взаимности.

И вот нелепое убийство Зими́на! Все спуталось, смешалось, оказалось под ударом. Негодяй, ничтожество, сукин сын! Кто мог такое предполагать? Карманный воришка, шлеппер, у него даже не было отмычек, пришлось доставать ключи, сделать вторую пару, увести Зими́ных в театр.

После театра они с Шаринцом встретились в Кривоарбатском переулке.

Шаринец вернул ключи, отдал документы, сказал, что подбросил портфель на чердак, как велел Валентин Валентинович.

- Что еще взял?

- Чтоб мне воли не видать! - поклялся Шаринец.

- Если что взял, лучше сейчас верни.

- Что взять? Ложки вилки? Вы с бумагами сторгуетесь, а я с ложками в тюрьму?

- Если что взял, я тебя на том свете достану!

- Так ведь сказал! - как будто искренне проговорил Шаринец.

Валентин Валентинович протянул ему два червонца.

- Прибавил бы пятерку, - попросил Шаринец, - там и серебро и рыжевьё было, ничего не взял.

Как теперь понимал Валентин Валентинович, здесь крылась его генеральная ошибка - он не придал значения словам Шаринца «серебро, рыжевьё было». «Рыжевьё» на их жаргоне - золото. Значит, Шаринец осмотрел квартиру, видел столовое серебро, одежду, даже золотые вещи, щупал, осязал, но не взял. Не взял, но запомнил, запомнил, как проник в квартиру, взял портфель, и все осталось безнаказанным. Как же ему не взять такую квартиру на прицел? Не для себя - для домушников, с которыми встречается в «Гротеске». Он всего лишь наводчик. Навел, но просчитался: Зими́н оказался дома.

Как же Навроцкого не насторожили слова Шаринца? Приписал стремлению сорвать лишнюю пятерку? Пятерки он не жалел, но не любил потакать.

- Никакой пятерки! Все, как договорились. - Но слова о «рыжевьё» как то отметились, и он добавил: - Что касается золота, то самое лучшее золото - молчание. Надеюсь, ты понял?

Его угроза не подействовала, случилось самое непредвиденное. Если убийц найдут, они выдадут наводчика - Шаринца. Шаринец выдаст его.

Это и привело Валентина Валентиновича в «Гротеск». Мир игры соприкасается с миром уголовным: на бега ездят не только играющие в тотализатор. Через них Навроцкий вышел на Василия Ивановича.

Официант провел его в заднее помещение пивной, каморку, тускло освещенную голой лампочкой.

За столом сидел Василий Иванович - Навроцкий видел его на бегах, показали.

У двери, прислонясь к косяку, стоял человек, которого, как сразу отметил Навроцкий, природа наградила способностью никак не запоминаться.

Они выжидательно смотрели на Навроцкого.

Аккуратно подтянув брюки, Валентин Валентинович опустился на табуретку возле стола, закинул ногу на ногу.

- У меня с вами разговор с глазу на глаз.

Василий Иванович кивнул тому, кто стоял у двери. Тот вышел, прикрыв за собой дверь.

- Не представляюсь, - начал Валентин Валентинович, - наше знакомство вряд ли продлится долго. Но считаю долгом предупредить: если я не вернусь домой в три часа, - он посмотрел на часы, - то меня будут искать здесь.

Василий Иванович тяжело смотрел на него.

- Кроме того, если я не вернусь домой в три часа дня, то здесь будут искать не только меня, но и людей, убивших инженера Зимина.

Василий Иванович все так же молча и тяжело смотрел на Навроцкого.

- Кто совершил это ужасное преступление, я не знаю, - спокойно продолжал Валентин Валентинович, - меня это не касается, я занимаюсь другим... Но я хочу поставить вас в известность вот о чем... Некий молодой человек, по кличке Шаринец, еще до убийства инженера Зимина уже побывал в этой квартире, взял там портфель с документами. Таким образом, молодой человек Шаринец знал, что второе посещение квартиры опасно. Возможно, молодой человек Шаринец никакого отношения к убийству не имеет, тогда я зря сюда пришел. Но не исключено, что имеет. Значит, он скрыл, что побывал в этой квартире и взял там портфель с бумагами. Значит, он кого то обманул. Человек, способный обмануть один раз, может это сделать и во второй. Это ненадежный человек.

Он замолчал, дожидаясь ответа.

Василий Иванович тяжело смотрел на него, потом сказал:

- Никакого Шаринца я не знаю, ни про какого инженера не слыхал. Что за муть ты здесь разводишь?

Грубый ответ. Но другого Валентин Валентинович не ожидал. Вставая, он сказал:

- Ну что ж, в таком случае извините за беспокойство. Счастливо оставаться!

Он направился к двери, но Василий Иванович остановил его:

- Навроцкий!

Нарушили соглашение, взяли деньги и нарушили. Договорились, что его имя останется неизвестным. Никому нельзя верить. Но ничего. На эту карту у него есть другая, покрупнее.

Он снова опустился на табурет, на лице его светилась та же обаятельная улыбка.

- Мы, оказывается, знакомы.

- Как вагончики, отгружаются? - спросил Василий Иванович.

- Отгружаются, транспорт у нас постепенно налаживается. Но как тесен мир! Теперь вспоминаю, мне ваше лицо знакомо, где то я вас видел - на бегах как будто;

там бывает много народа, но вас я запомнил, и знаете почему?

Навроцкий сделал паузу. Лицо Василия Ивановича было непроницаемо.

- Я вам скажу, почему, - продолжал Валентин Валентинович. - Вы удивительно похожи на одного человека. Да, да, бывает же такое сходство, поразительно! Этот человек получил пять лет. Пять лет со строгой изоляцией! И представьте себе, сумел убежать. Строгая изоляция, а он убежал. Смелчак! Я преклоняюсь перед ним. До сих пор не могут найти.

- Найдут.

- Почему? - возразил Навроцкий. - Могут и не найти. Как говорит пословица: не имей сто рублей, имей сто друзей.

- У нас говорят по другому: имей сто рублей, будешь иметь сто друзей.

- Можно и так, - согласился Валентин Валентинович. - Главное, всегда, в любых обстоятельствах, быть правдивым со своими друзьями. А молодой человек Шаринец кого то обманул. Честь имею кланяться. - В дверях он обернулся: - Да, чуть не забыл. Документы убитого инженера Шаринец продал одному человеку за два червонца. Просил прибавить пятерку, но ему отказали. Это деталь, подробность. Честь имею!

Глава 45

Правилка была короткой.

Шаринец явился в заднее помещение пивной.

За столом играли в карты Василий Иванович, Серенький, Жоржик и еще один - Кукольник.

Они играли, не обращая внимания на вошедшего Шаринца. Шаринец не уходил. Василий Иванович его вызвал, и он дожидался, не смея ни сесть, ни напомнить о себе. Василий Иванович видит его - значит, надо ждать.

Он терпеливо ждал у двери, переминаясь с ноги на ногу, ждал, когда закончится банк. Банк держал Жоржик. Банк долго не стучал...

Наконец Серенький сорвал банк у Жоржика.

Шаринец думал, что теперь с ним заговорят, но нет: банк перешел к Василию Ивановичу; он стасовал колоду, сдал карты.

- Звали, Василий Иванович? - робко спросил Шаринец.

Василий Иванович не посмотрел на него, коротко бросил:

- Жди!

Василий Иванович держал банк минут, наверно, пятнадцать. Выиграл. Отдал карты Жоржику, собрал со стола выигрыш, отсчитал, что оставляет на столе, и уже после этого, по прежнему не глядя на Шаринца, спросил:

- Ну, кто тебя навел на квартиру инженера?

Жоржик тасовал колоду, но не сдавал, ждал ответа Шаринца. Серенький и Кукольник тоже ждали.

Шаринец понял: над ним вершится суд, правилка, и расправа будет беспощадной.

И он в ужасе пролепетал:

- Девчонка навела.

- Какая девчонка?

- Белка... Белкой зовут...

- Как навела?

- Сказала, все на дачу уезжают, один Фургон, мальчонка ихний, дома остается.

- А почему инженер не уехал?

- Так ведь он уехал, уехал он...

- Не кричи! - оборвал его Василий Иванович. - Тихо говори!

- Уехал он, - торопливо зашептал Шаринец, - я сам видел, как в поезд садились жена, Людка... Я на вокзал за ними ездил, Ярославский вокзал, сам видел, как в поезд садились... И дождался, когда поезд ушел. Потом я приехал на Арбат, говорю Серенькому - уехали. Мы с ним и пошли, правда, Серый? Ведь правда?! Ведь ездил я на вокзал?! А? Скажи!

Серенький молчал.

Жоржик тасовал колоду.

- А как же он дома очутился, коли уехал? - спросил Василий Иванович.

- Не знаю, крест истинный, не знаю, только уехал он, уехал... - бормотал Шаринец. - Вот не сойти мне с этого места...

Он говорил правду: ездил за Зиминными, сам видел, как садились они в вагон, дождался отправления поезда.

- Врешь ты все, - сказал Василий Иванович. - Уехал бы инженер, так не было бы его дома.

- Правда, правда! - твердил Шаринец. - Уехал он, уехал!

Он умоляюще смотрел на всех, но видел мрачные, неподвижные, суровые лица.

- Уехал он, - снова заговорил Шаринец, - только, говорят, вернулся.

- Кто говорил?

- В доме рассказывали, жильцы. В поезде вспомнил, что забыл документ, и вернулся. И Фургон, парнишка ихний, и Людка, дочка, и жена - все говорят: вспомнил про документ и вернулся.

- Может, и правда вернулся, - задумчиво проговорил Василий Иванович.

- Ну, конечно, вернулся, - забормотал Шаринец. - И Фургон рассказывал: следовательно даже спрашивал, зачем вернулся отец? Разве же мог я знать, что вернется?

- Правильно, вернулся он, с Лосиноостровской вернулся, - задумчиво проговорил Василий Иванович.

- Ну вот, - обрадованно залепетал Шаринец, - разве я бы стал... Разве бы я пошел, если бы знал, что он дома. Уехал он, сам видел...

- А портфель кто взял?!

И снова ужас охватил Шаринца, понял: главное только начинается.

- Витька... Витька взял...

- А кто Витьку навел?

- Не знаю... Не знаю... Белка, наверно...

- А документы из портфеля кому Витька продал?

- Не знаю... Не знаю... - бормотал Шаринец, втягивая голову в плечи.

- За два червонца кому Витька бумаги продал? Пятерку прибавить у кого Витька просил?

Шаринец упал на пол, пополз, обхватил ноги Василия Ивановича, забился в истерике:

- Простите, простите, не убивайте...

Василий Иванович оттолкнул его сапогом:

- Выкладывай!

- Человек один попросил, - всхлипывая начал Шаринец.

- Сопли подбери!

Шаринец шмыгнул носом.

- Человек ключи дал...

- Что за человек?

- В нашем доме живет... Валентин Валентинович зовут... Навроцкий - фамилия...

- Куда портфель дел?

- Витьке на чердак подбросил... Он велел, Валентиныч.

- Нам почему не рассказал?

- Думал... Дело верное, думал...

- Нас зачем подвел?

Шаринец опять пополз по полу, обхватил ноги Василия Ивановича.

- Простите... простите... не думал... не знал... не убивайте!

- Встань!

Шаринец еще сильнее обхватил его ноги, боялся оторваться от них, точно, в том, что держится за ноги Василия Ивановича, видел свое спасение.

Кукольник и Жоржик оттащили Шаринца, подняли, но не выпускали из рук - Шаринец валился на пол, то ли нарочно, то ли не мог стоять на ногах от страха.

- Так вот слушай, - сказал Василий Иванович. - Завтра пойдешь в Рахмановский переулок, на биржу труда, встанешь на учет. Будешь работать, куда пошлют, от работы не смей отказываться. И гривенника нигде не посмей взять, понял? Никакого дела чтобы не было за тобой. Не ходи ни на рынок, ни сюда, в «Гротеск», не появляйся. Придет время, сам позову. Если заберут тебя по этому делу, все вали на Витьку, понял?

Шаринец слушал его с открытым ртом, не веря, что ему оставляют жизнь.

- Дошло до тебя или нет?

- Дошло, дойдет все понял... - выдавил из себя Шаринец.

Василий Иванович повернулся к Серенькому, выхватил из рук карты:

- А ты, гусь! Расселся!

Серенький поднялся и так же, как Шаринец, молча стоял перед Василием Ивановичем.

- Этот - сопля! А ты? Зачем с ним пошел? Кто позволил?

Серенький молчал.

- Тоже здесь больше не появляйся, забудь! Позову, когда надо.

Василий Иванович вынул из кармана пиджака пакет, протянул Серенькому:

- Поедете на «Девятнадцатую версту», знаешь к кому. Передай старухе, пусть спрячет... В дачу войдет Серенький, а ты, Шаринец, на стреме, поняли?

- Понял, понял, - лепетал Шаринец, все еще не веря тому, что его помиловали.

Серенький молчал.

Василий Иванович уставился на него тяжелым взглядом.

- А ты чего молчишь или чего недопонял?

- Все понял...

- Поняли, так идите, и сюда чтобы не сметь! Позовем, когда надо! - Василий Иванович кивнул на дверь: - Идите!

Они сошли на платформе «Девятнадцатая верста» и пошли к лесу - медленно, так, чтобы дачники с сумками ушли вперед.

Лес был хорошо знаком Серенькому, он уверенно шел по его тропинкам. Впереди

засветилась полянка. Не доходя до нее, Серенький присел на поваленное дерево.

- Посидим, пусть по дачам разойдутся.

Шаринец присел рядом, с наслаждением вдохнул свежий смолистый запах леса. Опасность миновала, его оставили жить, и Серенького оставили жить, ведь и его могли убить. А про то, что велели не приходить, так это ненадолго; поманежат, поманежат и обратно позовут. Вот ведь доверил к старухе поехать, он слышал, что есть такая *старуха* у Василия Ивановича, но не был ни разу, не видел, а сейчас вот послали. Может, теперь его в фартисеры возьмут, куда от него денутся, - при нем, на его глазах Серенький застрелил инженера. А куда было Серенькому? Инженер прямо на них шел, не убей его Серенький, он бы весь дом скликал! Инженер здоровый, высокий, ухватился бы - не отцепишься... Пришлось Серенькому его застрелить... Интересно, откуда Василию Ивановичу известно, что он получил два червонца и еще пятерку просил? Он, Шаринец, как будто никому не рассказывал; выходит, Валентиныч рассказал, чуть его под смерть не подвел, спекулянт проклятый... Ладно, придет время - рассчитается с ним!

Серенький прислушался к лесу. Все тихо.

- Пошли! - и показал тропинку.

Шаринец пошел по тропинке, Серенький за ним.

Серенький вынул из бокового кармана револьвер и медленно начал поднимать его.

- Шаринец!

Шаринец обернулся.

Серенький выстрелил.

Серенький сунул револьвер обратно в карман, подошел к распростертому на земле Шаринцу, наклонился, убедился, что он мертв, и быстро пошел к станции.

Он пришел на станцию за одну минуту до поезда на Москву.

Глава 46

Этих подробностей Валентин Валентинович, естественно, не знал.

Он понимал, что Шаринца убьют, шел на это, явившись в «Гротеск», и не жалел: убийц не жалеют. Он вообще не против смертной казни, но применять ее следует только в одном случае - к убийцам. Шаринец - убийца, убил ни в чем не повинного Зимина и получил заслуженное.

Однако он никак не ожидал, что Василия Ивановича тут же арестуют. Как МУР вышел на него? Грязно сработал? Не тот человек? Случайное совпадение, разыскали как беглого - тоже не верится.

Выдаст ли его Василий Иванович? Какой смысл? Все сделано чужими руками, ничего на себя Василий Иванович не возьмет, будет все отрицать.

Опасен Юра, может проболтаться о ключах. Это уже серьезно: взять ключи от квартиры, где совершены сначала кража, потом убийство. Возможно, Юра уже проболтался. Клянется, что нет, - грош цена его клятвам. Законченный маленький негодяй, отца родного продаст. Аморальная молодежь!..

Он кругом обманут. Обманули Шаринец, Юра, люди, выведшие его на Василия Ивановича, сам Василий Иванович, так глупо севший в тюрьму.

Круг смыкается, надо спешить, пора кончать с фабрикой, исчезнуть, улетучиться. Сегодня грузится второй вагон, нужна минимум неделя, чтобы отгрузить еще три.

Есть ли у него эта неделя? Должна быть. Слишком далеко зашло, чтобы он отказался от приза. Неделю Василий Иванович уж во всяком случае продержится. А пока Юра один, все это оговор, клевета, ревность к Люде Зиминной, ничего более...

Неделя у него есть, и надо торопить Красавцева.

Приняв такое решение, Валентин Валентинович отправился на фабрику.

Кончалась погрузка его вагона. Все шло нормально. Красавцев и Панфилов были спокойны. Ничто не предвещало осложнений. Но, разговаривая в отделе сбыта с Красавцевым, Валентин Валентинович посмотрел в окно и увидел идущего к фабрике человека.

- Свиридов, следователь, - сказал Красавцев.

У Свиридова много оснований появиться на фабрике, он ведет следствие по делу об убийстве инженера Зимина. И все же Навроцкий принял единственно правильное решение: пока Свиридов переговорит с директором, потом с Красавцевым, пройдет минут сорок, ну, хотя бы полчаса. Один вагон еще можно спасти.

На складе он сунул Панфилову пятерку, расписался в получении товара, взял накладные и вышел на товарный двор.

Пыхтел паровозик, составитель опломбирывал вагоны. Навроцкий и составителю и машинисту сунул по рублю... Паровозик дал гудок... Состав тронулся. Валентин Валентинович вышел за ними из фабричных ворот.

Минуя окраинные склады, пакгаузы, фабрики и заводы, маленький состав медленно уходил вперед, к товарной станции.

Навроцкий смотрел ему вслед. Хорошая операция сорвалась. Жалко! Но ничего... Эти склады, пакгаузы, фабрики и заводы - все будет принадлежать ему, его время придет, важно еще немного продержаться...

Валентин Валентинович оглянулся на фабрику. Хорошая операция предстояла. Жалко, ничего не скажешь, жалко. Но так сложились обстоятельства, он в этом не виноват.

Глава 47

В это время на Ярославском вокзале Миша провожал Эллен.

Гудели паровозы, из под колес с шипеньем вырывались клубы пара, смазчик стучал молотком по буксам вагонов - вечные сигналы дальней дороги, тоскливого расставания.

Игорь и Сергей уходили к багажному вагону, проверяли, как грузится цирковое оборудование.

- Когда вернетесь? - спросил Миша.

- Не знаю. Лето пробудем в Мурманске, на зиму еще ничего не известно.

- Значит, еще год не увидимся?

- Приеду, а ты уже студент.

- И, может быть, предпоследнего курса, - засмеялся Миша.

- Не исключено. - Эллен тоже засмеялась.

Она была очень красива, все смотрели на нее. Но она не смотрела ни на кого.

- Будет время, черкни пару слов мне, Генке, Славке...

- Я такая неохотница писать, не надейся... Ну как, поймали вы своих жуликов?

- В общем, да.

- Неужели этот любитель букетов - бандит?

- В прямом смысле, может быть, не бандит. А вообще то - бандит.

- Что то сложно для меня...

- Люди гибнут за металл...

Не глядя на Мишу, Эллен будничным голосом сказала:

- Знаешь, Миша, я выхожу замуж.

Всегда все важные новости она сообщала таким будничным голосом.

Сохраняя полное самообладание, Миша ответил:

- Да? Поздравляю! За кого, если не секрет?

- За Сережу, за своего партнера.

- Цирковая традиция? - попытался шутить Миша.

Она тоже пыталась шутить:

- Ну конечно... - Она показала на небо, подразумевая купол цирка: - Ведь он там, наверху, держит меня в зубах. Жену будет держать крепко, не уронит.

- Тогда я за тебя спокоен.

Так они шутили, как и положено воспитанным людям. Миша достойно встретил крушение своей первой любви. Во взгляде Эллен он уловил даже некоторую разочарованность, она ожидала потрясения. Потрясения не будет.

Раздался третий звонок.

Игорь и Сергей попрощались с Мишей и вошли в вагон.

Эллен задержалась на площадке и, улыбаясь, помахала Мише. Потом не дожидаясь отправления поезда, ушла, может быть, для того, чтобы не мешать другим входить в вагон.

Но Миша дождался отправления поезда, тот медленно вытягивался из под крыши вокзала и наконец скрылся, вильнув длинным закругленным хвостом.

Миша вспомнил тот, другой поезд на станции Бахмач, увозивший эшелон туда, где сверкающая путаница рельсов сливалась в одну узкую стальную полосу, прорезавшую горбатый туманный горизонт. Перед глазами его снова возникали красноармейцы. Матрос Полевой в серой солдатской шинели и мускулистый рабочий, разбивающий тяжелым молотом цепи, опутывающие земной шар...

Сейчас, как и тогда, к горлу подкатывал тесный комок...

Но непозволительные слезы не показались. Детство кончилось... Эллен - это тоже его детство, маленькая циркачка, так поразившая когда то его воображение.

Он вышел из вокзала на Каланчевскую площадь и по Мясницкой, через центр, поехал к себе, на Арбат.

Идти домой не хотелось, и он прошел на задний двор.

Ребята играли в волейбол.

Возле корпуса на асфальте сидел Витька Буров, стриженный под машинку, бледный и худой.

- Привет! - сказал Миша.

- Привет! - ответил Витька.

Кончилась партия, команды стали меняться местами.

- Примите нас, - сказал Миша.

- Становитесь! - сказал Генка.

Миша и Витька Буров перешли на площадку, и игра возобновилась.

1975

Москва